ВРЕМЯ И МЫ

67

1989

Н.Ежов

И.Сталин

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ СТАЛИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

К.Радек

Л.Троцкий

ВРЕМЯ И МЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ

Восьмой год издания

Выходит один раз в два месяца

67

1989

ИЮЛЬ-АВГУСТ

НЬЮ-ЙОРК — ИЕРУСАЛИМ — ПАРИЖ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ВРЕМЯ И МЫ" — 1982

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ВИКТОР ПЕРЕЛЬМАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ЛИЯ ВЛАДИМИРОВА
ИЛЬЯ ГОЛЬДЕНФЕЛЬД
МИХАИЛ КАЛИК
АСЯ КУНИК
ЛЕВ ЛАРСКИЙ
ЛЕВ НАВРОЗОВ
КАРЛ ПРОФФЕР
АЛЕКСАНДР ПЯТИГОРСКИЙ
ИЛЬЯ СУСЛОВ
ДОРА ШТУРМАН ***(зам. гл. редактора)***
ЕФИМ ЭТКИНД

Израильское отделение журнала "Время и мы"
Заведующая отделением Дора Штурман
Адрес отделения: Jerusalem, Talpiot mizrach, 422/6

Французское отделение журнала "Время и мы"
Заведующий отделением Ефим Эткинд
Адрес отделения: 31 Quartier Boieldieu, 92800 PUTEAUX FRANCE

Представители журнала:

Англия **Александр Штромас**
Croft House, Top Flat 32 New Hey Road Rastrick, Brighouse W. Yorkshire HD6 3PZ ENGLAND

Канада **Юрий Лурьи**
305 Robson Hall Winnipeg, Manitoba Canada R3T 2N2
тел. (204) 474-9773

Западный Берлин **Juscwa Mischijew**
Hussiten Str. 60, 1000 Berlin 65

OCR и вычитка — Давид Титиевский, январь 2011 г.
Библиотека Александра Белоусенко

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА
Фридрих ГОРЕНШТЕЙН
Волемир 5
Юрий ДРУЖНИКОВ
Последний урок 72
А. ФРАДИС
Два рассказа 89

ПОЭЗИЯ
Евгений ДУБНОВ
За сколько продается песнь 102
Дилан ТОМАС
Кореньев речь и разговор воды 111

ПУБЛИЦИСТИКА. СОЦИОЛОГИЯ. КРИТИКА
Лев НАВРОЗОВ
Дураки-американцы против умных русских 116
Виктор ПЕРЕЛЬМАН
Моцарт и эмигрантская одиссея 146
Ефим ЭТКИНД
"Православие, самодержавие, народность" 160
Дора ШТУРМАН
Не спотыкайся, загнанный олень 173

НАШИ ИНТЕРВЬЮ
Михайло МИХАЙЛОВ
Правда о Югославии 180

ИЗ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО
Александр ОРЛОВ
Тайная история сталинских преступлений 203

ВЕРНИСАЖ "ВРЕМЯ И МЫ"
Самоценность искусства 240

Мнения, выражаемые авторами, не обязательно совпадают с мнением редакции.

© "Время и Мы"

Фридрих ГОРЕНШТЕЙН

ВОЛЕМИР

Пьеса в двух действиях, четырех картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Волемир Потапович (Волик)
Лиза, жена его
Старушка, мать его
Сосед
Жена соседа
Человек из ванной
Фотограф
Мастер по ремонту телевизоров
Девушка
Юноша с шевелюрой
Отдыхающий в шляпе
Отдыхающий в сетке
Гость с бородкой
Гостья с голубыми волосами
Гость с перекошенным лицом
Гость без особых примет

Гостья с утиным носиком
Пожилой гость
Пожилая гостья
Пьяный гость
Прорезинер, гость, математик из Харькова
Прохожие, отдыхающие, гости

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина 1-я

Комната Соседа. Мебели немного, но расположена она как-то неудобно, отчего Сосед, нервно шагающий, беспрерывно обо что-то ударяется. У стены на стульях сидят Волик и Лиза. Волику 36, он лысоват. Лиза моложе, хоть ей тоже не менее 30-ти. Сосед время от времени останавливается перед Воликом и Лизой, прижав руки к груди, видно он хочет на чем-то сосредоточиться, что-то сформулировать, однако, постояв секунду-другую в молчании, проходит дальше. Волик и Лиза тоже сидят молча. Волик изредка пытается прикоснуться к Лизе пальцами, но она отстраняется, осторожно кивает на Соседа. Сосед наконец начинает говорить, он стоит спиной к Волику и Лизе, у него пересохло горло, первые звуки его нечленораздельны.

Сосед. Я застал его одного... Нет, моей жены не было... Абсолютно пустая квартира и посторонний голый мужчина... Я пришел, абсолютно все на месте... Ужин на столе... Чистая салфетка... Газ выключен... Краники повернуты... И только в ванной... У меня хороший слух... Он сидел на краю ванны... На кафеле было много мокрых следов... Вначале он смотрел даже удивленно... Потом начал дрожать... Я держал дверь настежь. Он сидел прямо на сквозняке...

Волик. Это недоразумение... Все выяснится...

Сосед *(некоторое время он смотрит на Волика в упор, пригнув голову. Внезапно начинает злобно кричать.)* Утешители... Человек попал под машину... Или вымазал краской новый костюм... Или черт знает что с ним случилось... С женой его... А вокруг стоят утешители...

Лиза *(встает).* Мы уходим... Я вообще с вами незнакома... Я и мой муж... Мы не можем позволить...

Сосед. Ах, и ваш муж... Молодожены... Медовый месяц.,. Прелестная свадьба... У жениха лысына, у невесты первая седина.

Лиза. Волик, меня оскорбляют... Меня оскорбляют в твоем присутствии...

Волик. Он не в себе... У него большое горе.

Сосед *(стоит вытянувшись неестественно прямо).* Да, у меня горе... А у вас все в порядке? Прелестно... Кстати, я знаю вашего Волика уже лет двадцать... Однажды возле стадиона его побили палками... Как он бежал по бульвару и всхлипывал... *(Сосед начинает смеяться.)*

Лиза. Волик, ты должен его ударить...

Волик молчит.

Лиза *(взвизгивает).* Ты должен его ударить... Или... Или я тебя не знаю... Клянусь моим отцом... Моей жизнью...

Сказав это, она сама пугается и замолкает. Наступает тишина. Все трое молча смотрят друг на друга. Потом Волик осторожно начинает подходить к Соседу. Он идет, волоча ноги, словно чугунные, затем останавливается, долго смотрит в застывшее лицо Соседа, прикрыв глаза, отвернув голову, замахивается и неумело бьет, рука его попадает по краю уха, соскальзывает и падает Соседу на плечо. Некоторое время все стоят, боясь шелохнуться, и вдруг за стеной слышен шум, гулкий, металлический. Сосед поворачивает голову на шум, а потом словно переламывается, сгибается, прикрывает лицо локтем.

Волик. Я вас больно?.. Вы простите...

Сосед. Это он стучит... Я запер его в ванной... Я втянул вас в эту грязь... Вы мирно пили чай... У вас так уютно... Вы любите друг друга... Это хорошо, что вы так поздно полюбили... Это крепче... Впрочем, я не то говорю... Я попросил вас как свидетелей и оскорблял... Вы простите... Елизавета Гавриловна... Кажется, так...

Лиза *(она несколько смущена и растеряна).* Но может, он просто случайно... Просто по соседству... Просто помыться... А жена пошла к подруге... Или к матери...

Сосед. Да, конечно... Какая простая идея... Как я был ослеплен, взволнован. Ведь надо всегда проверить... *(Он*

ходит, оживленно потирая руки.) У нее действительно есть подруга... Культурная женщина, много читает... Я не надолго, я очень не надолго... Как я вам благодарен... Как я в долгу перед вами...

Сосед убегает так быстро, что ни Лиза, ни Волик не успевают ничего сказать.

Лиза *(приоткрывает дверь, ведущую в коридор).* А он не вырвется из ванной?

Волик *(бессмысленно повторяет).* Лиза, я счастлив... Это, может, кощунство... Мы свидетели... У человека неприятности... И тут произошла неприятная сцена...

Лиза. Мой милый лысый плановик горкомхоза.

Волик подходит к Лизе, прижимается лицом к ее волосам, некоторое время они стоят молча. Грохот уже беспрерывный.

Лиза. Его надо выпустить.

Волик уходит, слышна возня за сценой, потом он возвращается с с мокрым мужчиной в мохнатом купальном халате и шлепанцах.

Лиза. Добрый вечер.

Человек из ванной. Анекдот, нелепость... Простите, вы родственники этого гражданина? Простите, где же гражданин?

Лиза. Мы свидетели. Хождение в голом виде по чужой квартире... Какая это статья?

Человек из ванной рассмеялся. Держится он с достоинством. Волик ходит вдоль стены. Такое впечатление, что он вообще уже забыл о происходящем и мечтает о чем-то своем.

Человек из ванной. Нелепость, нелепость... Жена этого гражданина моя сослуживица... Она предложила мне помыться в ванне... Где же гражданин?

Лиза. Ты слышишь, Волик?.. Все в порядке... Он просто мылся... Какой он скучный, господи... Какой он скользкий, какой он мокрый... Я пойду... Мне надоел этот уголовный процесс... Я хочу спать... *(Уходит.)*

Человек из ванной. Это ваша жена?

Волик подходит и садится перед Человеком из ванной. Молчит.

Человек из ванной. Это не ваша квартира?

Волик молчит.

Человек из ванной. Здесь нет никаких ваших вещей?

Волик молчит.

Человек из ванной. В таком случае вы вор.

Волик *(растерянно).* Почему? Здесь ошибка... Путаница...

Человек из ванной. Иногда похищают чужие предметы по рассеянности. Этому есть даже объяснение в медицине... Кажется... Но ни один суд еще не оправдал на основании подобных медицинских объяснений.

Волик. Вы ошибаетесь, уверяю вас.

Человек из ванной *(твердо).* Прохаживаясь по комнате, вы взяли с ночного столика возле зеркала предмет и положили его в правый карман. Затем, продолжая прохаживаться, вы подняли с пола другой предмет, очевидно оброненный хозяевами, и положили его в левый карман. Разумеется, свидетелей у меня нет... Даже наоборот, вы в данной ситуации свидетель против меня *(усмехается),* но ведь дело не в свидетелях, правда?

Волик сидит сгорбившись, прикрыв лицо ладонями.

Человек из ванной. Поверьте, мне тоже тяжело и неловко... Я даже сожалею, что заметил... Но раз заметил, нельзя кривить душой, правда?

Волик. Да, я взял... Но это не представляет ценности большой... Для хозяев...

Человек из ванной. Милый мой, воровство прежде всего нравственный убыток... В таком случае, попросили бы хозяев подарить вам эти ненужные предметы.

Волик. Видите ли... Это крайне неудобно... Людям незнакомым может показаться странным... Это интимно...

Человек из ванной. Простите, что интимно?

Волик. Я сказал "интимно"? Я оговорился... А, впрочем, Чехов ловил шляпой солнечные зайчики... Впрочем, я говорю путано.

Человек из ванной. Это интересно. Я тоже иногда люблю поговорить. Разумеется, мне еще многое неясно в вашей теории. У вас ведь есть теория, я угадал? И все-таки меня мучают сомнения насчет предметов.

Волик *(тихо).* На столике я взял пробку от пивной бутылки. А с пола я поднял старый погнутый консервный нож...

Человек из ванной. Превосходно. Вы видите, я не смеюсь. Я даже не считаю вас сумасшедшим, хоть, простите, для этого есть основания. Вы не обижаетесь?

Волик. Нет. Поэтому я и скрываю, что со стороны мне самому иногда кажется... Бывает, я сам гляжу со стороны... В древние времена человек жил, да и теперь в детстве живет чувством, верованием... Потом, с приходом цивилизации, или ныне с возрастом верование гибнет под ударами рассудка... Я читал где-то про ребенка, который испытывал большую нежность к букве "В". Я знал мальчика, которому камни казались несчастными, потому что они лежат неподвижно и видят одно и то же. Он переносил их с места на место... Впрочем, сознаюсь, я сам в детстве переносил камни с окраины в центр... Вы простите, я говорю не совсем понятно... Я долго думал над этим. А то, над чем долго думаешь, всегда трудно изложить и не опошлить.

Человек из ванной. Вы несколько отвлеклись. Хоть в общем я что-то угадываю. Камни — это еще понятно. Камни это природа... Неподвижные камни... Далекие звезды... Вы не любитель лунных ночей? Я приду к тебе, милая, в голубых сапогах *(он захохотал коротко)*, но ржавый консервный нож... Жирные пятна... Пошлый запах пищи... Отрыжка и тому подобное отсутствие романтики...

Волик *(заговорил вдруг горячо, сбивчиво, точно боясь, что его остановят).* Ах, сам по себе предмет ничего не значит. Важно состояние, с которым он связан. Предмет, к которому прикоснулась любимая женщина, случайно, даже не заметив, прикоснулась, хранит в себе все... Дыхание, запахи, дрожь мою в то мгновение... Тут важно не иметь никакой четкой системы... Случайные предметы всегда естественнее и полней сохраняют ощущение той минуты...

Человек из ванной сидит, пощипывая подбородок.

Волик. Ночью, после нашей свадьбы мы поехали кататься на лодках... Было много гостей. Они отстали, и мы с Лизой очутились в какой-то бухте... Вы никогда не сидели ночью с женщиной в лодке? Она едва видна... И в то же время ты знаешь, стоит протянуть руку, и ты ее почувствуешь... Но ты не протягиваешь руки, а сидишь с этим ощущением возможности почувствовать ее в любой момент... Ты такой легкий, такой совершенный... Как бог... В тебе нет ничего лишнего и нет ничего, что бы тебе не доставало... В конце концов тебе даже становится тяжело от этого своего совершенства... И хочется криком нарушить его... Но ты не кричишь, а сидишь и только дышишь полной грудью... Сидишь, сидишь, сидишь до звона в ушах.

Человек из ванной пристально смотрит на Волика. Они оба громко дышат. Потом Человек из ванной быстро подходит и распахивает окно. Слышен шум машины, шаги прохожих. Кто-то на улице засмеялся. Человек из ванной проводит ладонью по лицу.

Волик. На дне лодки лежал обрывок каната... Совсем небольшой... Лиза держала на нем голые ступни... Иногда я беру этот обрывок, прижимаю его к лицу... Лучше всего лечь вытянувшись, так, чтоб ныли суставы... Но не касаясь стены... Почувствовать себя легким... Приятная слабость и опять эта ночь, это дыхание...

Человек из ванной *(после долгой паузы).* Мне пора. Мне было очень интересно с вами. Насчет интимности можете не сомневаться. Подумать только, какими нелепыми

путями и в каких нелепых обстоятельствах совершаются иногда полезные встречи.

Он встает, уходит в коридор. Волик сидит, думая о чем-то. Человек из ванной возвращается одетым. Он в костюме из шелкового полотна.

Человек из ванной. В дальнейшем я согласен платить в бане двойной тариф... Я страшно тороплюсь... Я засиделся... Да, ревность... Мы могли бы встретиться. У меня тоже есть кое-что...

Он помахал рукой, вышел. После разговора Волик как-то сник. Выглядит усталым. Вряд ли он до конца слышит и понимает сейчас Человека из ванной. За окном шаги, голоса. Женский голос: "И главное он обижается... Я за ним не слежу, я за ним не ухаживаю... Жаркие погоды, на два дня не приготовишь... Остается вставать ночью и варить обед..." Шаги удалились. Крик книготорговца: "Интересный, захватывающий роман из жизни геолога и дипломата, погибших в период культа личности..."

Голос Девушки. А он стиляга?

Голос второй девушки. Наполовину. Пиджак у него стильный, а брюки широкие. Тридцать восемь на тридцать девять...

Смех.

Голоса то усиливаются, то затихают. Слышны гудки автомобилей. Кто-то в соседнем доме включил приемник, шарит по эфиру. Доносятся обрывки джаза, куски "последних известий" о вооруженных конфликтах и футбольном турнире. Медленно входит Сосед. Он в капроновой шляпе, сбитой на затылок. Сосед несколько раз обходит вокруг стола, потом садится против Волика, не снимая шляпы.

Волик *(тихо).* Знаете, он ушел.

Сосед. Да, конечно...

Волик. Кто этот человек?

Сосед. Вы о ком?

Волик. Кто этот человек из ванной?

Сосед *(повторяет, как бы пытаясь вникнуть).* Из ванной? А где вы его встречали?

Волик *(начинает нервничать).* У вас в ванной... У вас в ванной был человек...

Сосед. Ах, в моей ванной. И чем это кончилось?

Волик. Не знаю... У меня тяжелые предчувствия... Со мной что-то произошло... Знаете, когда столько лет скрываешь... Когда не пускаешь к себе никого... Мать, жену... А потом первому встречному... Оно давило меня, оно стояло под горлом. Это был бред... Я даже не помнил, что ему говорил... Это расплата...

Сосед. Она не вернется... Она обругала меня, она сказала, чтоб я сдох... Она обругала моих родственников... Она живет у подруги... Конечно, может у меня предрассудки... Я воспитан в мещанской семье... Но я старался... Я все делал, чтоб ей было лучше... Я сегодня кончил выплачивать кредит за телевизор... На работе меня уважают... Я получаю премию ежеквартально... Конечно, я поступил глупо. Я устроил сцену. Я позвал посторонних свидетелей... У человека нет удобств... Я понимаю... Но я растерялся... Я прихожу, а он ходит голый по моей квартире...

Волик. Это произошло как-то внезапно. Я даже не помню причины. Я рассказал ему все, ему единственному во всем мире... А кто он? Он мне не нравился с первой минуты. Он прятался в чужой ванной... Ах, впрочем, что-то было... Какая-то необходимость была... Но дело не в ней... Может, вы думаете, я испугался? Я испытал вдруг желание выложить все сразу... Я разделся перед ним... Я не могу остановиться... Природа умеет мстить... Вернее, приводить в равновесие... Мне кажется, самые развратные сны снились библейским отшельникам в пустыне... Впрочем, к чему я об этом...

Сосед. Главное, хорошо зарабатывать и чтоб жена уважала... У вас с женой тоже неприятности?

Волик. Нет, мы живем хорошо... Знаете, я сейчас почему-то вспомнил одного человека. Просто случайного прохожего. Он был в плаще. Да, он бежал мимо с встревоженным лицом. Тяжело дышал. Потом перешел на шаг, видно устал. Потом снова побежал и скрылся за углом. Я стоял и смотрел ему вслед. Это было еще прошлой весной, но почему-то

мне очень запомнилось... Улица, лужи, заборы...

Сосед. Ну и что? Я не понимаю ваших намеков.

Волик. Или, может, вы знаете на окраине возле хлебозавода есть озеро. Неподалеку грохочут трамваи, поток машин... И вот люди выходят из трамвая, из машин, делают всего несколько шагов к озеру, и лица у них меняются... Я наблюдал... Разные люди: старики, дети, мужчины, а лица у них становятся похожими... Просто поразительно. Озеро окружено деревьями... Рыбаки сидят, лодки плавают...

Сосед. Простите, мне трудно следить за вашей мыслью. У меня болит голова...

Волик. Да, конечно... Я пойду... Спокойной ночи.

Велик выходит. Сосед вынимает из кармана яблоко, начинает катать его по столу. Под окном устроились влюбленные. Слышен их шепот и поцелуи. Сосед поднимается, ходит по комнате и притрагивается к вещам.

Сосед. Я старался. Квартира не хуже, чем у людей... Кончил выплачивать кредит...

Шепот усиливается. За окном уже не поцелуи, а ссора. Сосед сердито захлопывает окно, включает телевизор. Какая-то эстрадная передача. Он садится и смотрит. Лицо его постепенно каменеет. На экране телевизора хохот. Он берет яблоко, откусывает его, сразу половину и проглатывает, не жуя. Потом медленно подходит к телевизору, смотрит пристально на хохочущий экран и вдруг четко, с коротким "хы" бьет кулаком по полированной крышке. Экран хохочет. Он снова бьет, уже спокойно, деловито. Экран надрывается от хохота. Тогда он складывает обе руки вместе, подпрыгивает с выпученными глазами и рубит с плеча. Экран дернулся, вздохнул и притих.

Сосед. Умер...Тихо как...

Он вытирает рукавом лоб, словно после тяжелого труда, распахивает окно. За окном вновь шепот, поцелуи. Он хватает трубку телефона, набирает номер.

Сосед. Вы меня узнали? Мне жену. Позовите мою жену. Здравствуй. Телевизор я уже разбил... Что? Да.,. Понимаю... Как?.. Куда?.. Понимаю...

Он вешает трубку, стоит некоторое время и вдруг, точно его толкнули, вырывается из комнаты. За окном шаги, голоса.

Женский. На Восьмое марта он мне подарил тройной одеколон для бритья... Такой осел...

Кто-то зовет и не дозовется: "Маня... Маня, Маня... Маня..."
Сосед возвращается с Воликом. Волик в брюках, в тапочках и пижамной куртке. Лицо у него усталое, помятое.

Сосед. Мне нужно с вами посоветоваться. Мне нужен срочно мастер по ремонту телевизоров.

Волик. У вас поломан телевизор?

Сосед. Да, жена любит смотреть телевизор... В сто пятнадцатой квартире, кажется живет... Он ремонтирует...

Оборвав на полуслове, Сосед исчезает. Входит Лиза. Она в длинном халате, сонная, зевает.

Лиза. Что случилось? Опять этот сумасшедший?

Волик. Не надо, Лиза. У этого человека своя жизнь. Я все время думаю о нас. Я не спал... Я сегодня совершил предательство... Ты помнишь того, из ванной?

Лиза *(подходит, прикасается губами ко лбу Волика).* Ты простужен.

За окном крик: "Маня... Маня, Маня...
Входит Сосед и Мастер по ремонту телевизоров. Сосед торопится, семенит впереди, а мастер наоборот, едва передвигает ноги, усмехается.

Мастер. Некоторые футболисты играют индивидуально, а некоторые на энтузиазме... *(К Лизе и Волику.)* Привет. Вы не знаете, что дали тому убийце?

Лиза. Какому?

Мастер. В газете было. Он шел по улице весь окровавленный *(начинает копаться в телевизоре)*. Пустяк, пустяк... Наверное упало что-то сверху... *(работает).*

Волик *(негромко).* Лиза, ты помнишь день рождения у Кнориных?

Л и з а *(несколько раздраженно).* Помню...

В о л и к. Мы встретились впервые у Кнориных... Я вошел... ты сидела и читала журнал...

Л и з а *(с досадой).* Как это не к месту, какой ты нудный временами.

В о л и к. Я вошел. Кнорин стоял вплотную передо мной, лицо у него было в порезах после бриться и зажим на галстуке с цепочкой... Ты меня не понимаешь, а тот из ванной понял... В этом весь ужас...

Неожиданно за спиной их вновь захохотал телевизор. Сосед вздрогнул, посмотрел пристально и набрал номер телефона.

С о с е д. Мне жену. Мою жену. Да. *(Упавшим голосом.)* Когда? Куда? *(Вешает трубку, сидит некоторое время молча.)*

М а с т е р. С вас пол-литра и двести грамм особой минской.

С о с е д. Она уехала в другой город. Она уехала к своей маме.

В о л и к *(Лизе).* У человека неприятности, а я думаю о нашей жизни. Я черствый эгоист, Лиза. И это закономерно, что я стал предателем...

Л и з а. Тебе надо выпить малины, попарить ноги, а потом отоспаться.

В о л и к. Главное не то, что я ему рассказал, а то, что он понял... Этот тип... А ты меня не понимаешь... Я ведь тебя так люблю...

М а с т е р *(слушает эстрадную музыку).* От дает! Ой, умру! Ой, ха-ха-ха... Ой, полные кальсоны смеха...

Сосед неожиданно вскакивает.

С о с е д. Я на минутку. Я прошу остаться... На минутку... Я очень прошу. *(Убегает.)*

М а с т е р *(Волику).* Сыграем в поддавки. У меня есть с собой шашки.

В о л и к. Я не умею.

М а с т е р. Научим. Десять копеек партия.

В о л и к. Я не хочу.

М а с т е р. Боишься корову проиграть? Что-то вид у тебя серьезный. Что, жена пилит?

В о л и к *(кричит).* Замолчите, вы не смеете...

М а с т е р. Что ты психуешь? Тоже мне интеллигенция нервная. Иди, кушай гренки с бульончиком. *(Выходит. В дверях останавливается.)* Эту пол-литру я из него ногтями выцарапаю. *(Уходит.)*

Л и з а. Почему тебя назвали Волемир?

В о л и к. Не знаю. Это, кажется, дядя Миша. Был у меня такой дядя. Он замерз в тайге.

Л и з а. Меня тоже что-то знобит. Ну и лето.

В о л и к *(внезапно кричит).* Лиза! *(Потом очень тихо повторяет.)* Лиза, Лиза...

Л и з а *(встревоженно).* Что случилось? Ты побледнел.

В о л и к. Я сейчас вдруг подумал... Показалось, что мне не хочется быть с тобой наедине... Я увидел вдруг тебя не так, как всегда... Поворот шеи, волосы прикрывают концы ушей, вздрагивающий рот, зубы... И все это показалось мне отвратительным... На мгновение... Мне страшно... Я рассказал тому из ванной... Я отдал тебя...

Л и з а *(подходит и обнимает его за плечи).* Это лихорадка. Это бывает... Мы сейчас ляжем в постель... Мы сейчас уснем... Тебе надо согреться...

Он прижимается к ее груди, она осторожно гладит его по волосам, как маленького. Потом она медленно ведет его к двери. Вбегает Сосед. С ним какой-то человек в тюбетейке. В руках у человеке фотоаппарат.

С о с е д. Одну минутку. Я прошу задержаться на минутку.

Л и з а. Мой муж болен, ему надо лечь.

С о с е д. Умоляю. От этого зависит моя жизнь. Моя семья. Прошу вас, станьте возле телевизора. Вы свидетели, вам она поверит.

Подталкивает Лизу и Волика к телевизору. Сам Сосед садится перед телевизором на пол. Фотограф смотрит на них, помахивая фотоаппаратом.

Ф о т о г р а ф . У каждого свое. Представьте себе, приезжает ко мне человек. Допустим, он мой брат. И, допустим, он тоже фотограф. И отправляется в окрестные села на левые заработки. И там его кусает собака. И он убегает тихо, быстро, пока финотдел не пронюхал. И он присылает мне открытку, чтобы я сообщил телеграммой, что собака не бешеная. Во-вторых, как найти какую-то собаку в каком-то селе. А во-первых, не примут ли такую телеграмму за шпионскую шифровку.

Л и з а . Мы не можем здесь стоять. Моему мужу плохо.

Ф о т о г р а ф *(щелкает фотоаппаратом).* Еще раз. Привет *(протягивает руку Соседу. Тот, пожимая, сует кредитку.)* В общем, раньше, конечно, мы жили в подвалах, а теперь я одеваю в воскресенье белые брюки, белую рубашку, брезентовые туфли с кожаными носами, выхожу на бульвар и все вокруг думают: "что это за доктор пошел". В общем завтра готово.

Он уходит. Лиза и Волик тоже медленно выходят. Волик опирается на Лизино плечо. Сосед остается один.

С о с е д . Я пошлю жене авиапочтой фото телевизора и свидетелей... Целенького телевизора и подтверждающих это свидетелей... Ради своей жены, ради своей семьи можно сделать все... Как хорошо кончился этот черный день. Я даже спокоен. Она, конечно, вернется. Мы возьмем в кредит холодильник. Все хорошо, все к лучшему. Хорошо, что я после такого дня один... Все к лучшему. *(Он очень оживлен, ходит потирая руки.)* Я сейчас закрою окна, и я свободен от общества. *(Он закрывает окна, выходит в коридор, возвращается.)* Я всю жизнь чувствую обязанности, дисциплину, рамки... И я доволен... Именно поэтому я умею наслаждаться безответственностью... Этим вольнодумцам не понять, что такое наслаждение полной безответственностью... Полной свободой... Сегодня вечером я владею этим пространством... Воздухом в этих комнатах... Я владею собой. Я владею своими поступками. Я старший ревизор Промбанка. Мне тридцать девять лет. Я женат, Моя двадцатилетняя дочь учится в университете *(он ходит с сияющим лицом, глубоко дышит)*, я могу подпрыгнуть *(подпрыгивает)*, стать на колено *(становится на колено)*, боднуть диван *(бодается)*, я свободен... *(Хохочет.)* Потанцевать могу... *(танцует).*

Ползет занавес.

Картина 2-я

Жаркий день в пригороде. Вдали панорама реки и пляжа на противоположном берегу. С одной стороны забор и вывеска: "Второе отделение дома отдыха "Труд". С другой стороны, через дорогу столики и надпись: "Котлетная "Якорь". За сдвинутыми вместе столиками несколько юношей и девушек что-то пишут, задают друг другу вопросы и хохочут, очевидно, играют в какую-то игру. Рядом двое отдыхающих пьют кефир. Один в майке-сетке, краснощекий, другой с впалыми щеками, в фетровой шляпе, пиджаке, галстуке и туфлях, похожих на сапоги, с квадратными стальными носами. Еще дальше в одиночестве за столиком сидит Человек из ванной. Перед ним бутылка фруктовой воды.

Ю н о ш а с ш е в е л ю р о й *(Девушке в панамке).* Любишь ли ты щекотать обезьяну?

Д е в у ш к а . Глупо.

Ю н о ш а . Запиши ответ. Нравятся ли тебе мужчины с бородавками?

Д е в у ш к а . Дурак.

Ю н о ш а . Запишем ответ. Главное не суть ответа, а форма, оттенок, вибрация голоса... Меня интересует не сознание, которое обманчиво, особенно для тебя самой, а подсознание, которое естественно... Теперь реши задачку *(пишет что-то, все склоняются над бумагой).*

О т д ы х а ю щ и й в ш л я п е . Десять лет назад их бы посадили.

О т д ы х а ю щ и й в с е т к е . Зачем сажать, можно по попке.

О т д ы х а ю щ и й в ш л я п е . Да, порядка нет... Охрану сократили. Теперь больше на сознание... Траву топчут, тропинок понаделали, каждое дерево обтоптали *(он пожевал*

губами), а сознание как смотрит: все топчут, значит, топчи... Порядка нет, хозяина нет... Котлетную рядом строят каменную... А на что мне каменная... Лучше бы ангар для самолетов построили...

Отдыхающий в сетке. Нервы тебе лечить надо.

Отдыхающий в шляпе. Доктора. Мошенники. Они вон правительство отравой поили. Монгольского маршала, фамилию забыл, отравили...

Отдыхающий в сетке. Но ведь это разоблачено. Это было сфабриковано. Какой ты странный...

Отдыхающий в шляпе. Сам ты странный. Не эти, так другие травили... Мошенники... Раньше кореньями лечились, чистотелом...

Отдыхающий в сетке. Анекдот слышал? Знахарь говорит больному: "На что ты в больницу пойдешь, доктора тебя до смерти залечат. А я тебя за двугривенный попользую". — "А коли ты меня до смерти залечишь?" — "Ну пропадет двугривенный, деньги невелики..."

Отдыхающий в шляпе. За такой анекдот тебя б раньше посадили *(пьет кефир)*. И правильно бы сделали.

Юноша. Сколько членов на лапке таракана?

Девушка в панамке. Дурак, дурак, дурак!

Юноша. Оригинальный ответ. Запишем. Итак, подсчитаем. Плюс, три плюса, минус, минус... Отлично... Берем специальную таблицу... Внимание, сейчас перед нами откроется глубина души этой гражданки... Итак, ответ. Страстная девственница с прогрессивными намерениями...

Хохот. Девушка поднялась, крикнула: "Вы все скоты!" и ушла. Проходя мимо Человека из ванной, задержалась, словно желая присесть. Потом прошла дальше. Отдыхающий в шляпе смотрит ей вслед. Девушка вдруг вернулась, села за столик перед Человеком из ванной.

Девушка в панамке *(тихо)*. Они хорошие люди... Каждый в отдельности... А когда собираются все вместе — скоты...

Человек из ванной смотрит на нее молча, серьезно. Девушка в панамке вдруг всхлипнула, вскочила, убежала. Входят Сосед, его Жена и

Волик. Все трое распарены на солнце. Сталкиваются с ребятами, вставшими, чтобы уйти.

Сосед *(хватает Юношу с шевелюрой).* Держи его! Он дрыгнул ногой и попал по авоське.

Юноша с шевелюрой. Чего вы, ведь авоська не порвалась,

Жена Соседа. Не порвалась... (*Сует руку в авоську и достает сломанную пластинку.)*

Сосед. Плати, не то милиционера позову.

Второй юноша. Но ведь он нечаянно.

Вторая девушка. Вы сами на нас налетели...

Отдыхающий в шляпе. Эти хулиганы бесчинствуют тут уже давно.

Сосед. Плати... Держи... Хватай...

Отдыхающий в шляпе вскакивает и хватает Юношу за другую руку. Волик осторожно обходит суетящуюся группу, приближается к Человеку из ванной, садится.

Человек из ванной. Рад видеть вас *(кивнул на скандал).* Какое безобразие.

Волик. Я искал вас давно... Я не люблю этих людей и все-таки я поехал с ними за город... Ради вас...

Человек из ванной. Жена тоже здесь?

Волик. Да, она осталась на пляже... Мы пошли прогуляться... С тех пор, с нашего разговора, я не могу найти себе места...

Человек из ванной. Разговор был очень интересный. Вы говорили так искренне, так умно...

Волик. Искренне. Я говорил искренне... Столько лет я оберегал и вдруг первому встречному... Я предал себя, свое чувство...

Человек из ванной. Поверьте, все это осталось между нами...

Волик. Ах, какая разница, один вы знаете или знают тысячи, миллионы... Важно, что я больше не хозяин в собственной душе... В собственной груди... Мне все время кажется, когда я хочу подойти... Обнять жену... Поцеловать... Кажет-

ся, что за мной беспрерывно наблюдают в замочную скважину... Впрочем, я опять говорю лишнее...

Человек из ванной. Да, вы излишне возбуждены. Нас слушают. Поговорим в другом месте, в другой раз.

Волик. Нет, я искал вас слишком долго. Я буду говорить тише. Знаете, я стал вспыльчив. Раньше я был тих, даже кроток. Совсем недавно. Потому что была моя тайна, которая делала меня недосягаемым для обид. Была гармония моей души и природы... И вселенной... Да, да... А теперь вы ворвались и разрушили... Нарушили... Знаете, я начал плохо относиться к жене... Может, если не на деле, то в мыслях. Раньше я прислушивался к ее шорохам, к ней, к ней всей... Ко всему... А теперь часто я о ней вовсе не думаю. Может пройти полчаса, час, два, и вдруг я спохватываюсь, вспоминаю, что она существует... Иногда радуюсь этой мысли... Но в основном это ужасно...

Человек из ванной *(устало).* Что же вы хотите от меня? Возможно, я немного виноват. Однако учтите ту нелепую ситуацию. И, наконец, я не заставлял ведь вас так подробно и искренне выворачивать передо мною душу. Впрочем, это вовсе не является недостатком, наоборот, если не теперь, то в будущем обществе, свободном от всякого рода... В общем и так далее... Вы очень интересный человек. Мне искренне жаль... Насчет гармонии вы очень хорошо сказали...

Скандал между Соседом и Юношей утих. Ребята собирают деньги, дают Жене Соседа. Та протягивает поломанную пластинку Юноше с шевелюрой.

Девушка. Заработал пластинку ногой.

Юноша с шевелюрой *(берет пластинку).* Помнишь ли ты, как улы... как улы... как улы... как улы... *(вращая пластинку в руках, уходит).*

Ребятя, хохоча, идут следом.

Отдыхающий в сетке *(Отдыхающему в шляпе).* Если бы они не были балбесами, я бы за них заплатил. А ты... Ты кирзовый сапог... Кирза чертова. *(Уходит.)*

Отдыхающий в шляпе садится допивать кефир. Сосед и Жена Соседа подходят к Человеку из ванной.

Жена Соседа. Добрый день. Разрешите вас познакомить с моим мужем.

Человек из ванной. Очень приятно... Весьма, весьма...

Сосед *(смущен).* Мы собственно говоря... Разрешите мне... Искренние извинения, от всей души...

Человек из ванной. С кем не бывает... Уже забыто... Мне очень приятно, что в вашем доме я познакомился с Волемиром...

Сосед. Потаповичем.

Жена Соседа. Да, Волемир Потапович любопытный человек... Я, правда, не верю слухам, но говорят, у него разные фантазии. Вы только не обижайтесь, Волемир Потапович... Говорят, то ли он пишет стихи, то ли пострадал в период культа...

Волик *(нервно).* Я всегда считал вас вздорной женщиной...

Жена Соседа. Видите, он очень искренний, прямо в глаза говорит... Я таких люблю...

Сосед. У каждого свое стремление, у каждого свой секрет от общества. Человеку время от времени необходимо закрываться на крючок... На замок то есть... Побыть голым... То есть в переносном смысле... Духовно... Как в ванной для тела... То есть, тьфу, что я говорю... Простите, это случайно...

Жена Соседа *(незаметно дергая его).* Представьте, он выпил рюмочку фруктового вина... Всего-навсего. Ну и мужчины... Впрочем, на такой жаре...

Человек из ванной *(серьезно).* Ну что вы, что вы, какие намеки... Я не такой уж мещанин, чтобы придавать значение намекам... Тем более случайным. Тем более, что мысль понятна и она интересна.

Сосед *(ободренный поддержкой).* Представьте себе... Удивительно. Я знаю одного человека, между нами, конечно, очень уважаемого, немолодого, главу семьи. Так вот, оставшись наедине, он запирается и прыгает, ползает на четвереньках, лает и даже дует в детскую дуду... Не подумайте, что он

ненормальный... Просто необходимо открыть клапан... Выпустить запас духовной анархии...

Все, кроме Волика, смеются. Волик сидит все время глядя на Человека из ванной, словно изучая его лицо.

Жена Соседа. Пойдемте с нами. Покатаемся на катере. Позовем Лизу. Учтите, Лиза одна на пляже, а там много мускулистых, хорошо загорелых мужчин.

Волик *(кричит).* Убирайтесь к ядреной матери...

Жена Соседа. Ах, я на него не обижаюсь... Это ребенок, подросток... По-моему, он впервые в жизни заругался...

Хохоча, она тянет за собой Соседа. Они уходят.

Человек из ванной. Глядя на них, я подумал: что же изменилось с тех пор, как тысячелетия назад человечество утратило хвост... Нет, не подумайте, я вовсе не пытаюсь отрицать прогресс... Просто надо разобраться... Для всякого изменения, то есть для движения необходима разность потенциалов... Это мы знаем из физики... В младенческом для человечества возрасте главным двигателем прогресса был голодный желудок. Постепенно разность потенциалов пришла к голодному сердцу. Но желудок тоже остался, и он тоже предъявлял свои права и выдвигал свои проблемы. Таким образом, жизнь усложнилась. Теперь жизнь усложнилась до предела, ибо разность потенциалов переходит к голодному мозгу, не решив, однако, проблем сердца и даже желудка. А ведь они тянут жизнь человека в разные стороны, как в басне Крылова...

Волик. Если б вы в прошлый раз говорили так же сильно и серьезно, я не пустил бы вас внутрь... К себе внутрь... Для откровенности необходима наивность, а вы вошли ко мне с лупой, с микроскопом... Не очень-то приятно, когда тебя изучают, как букашку... Я не хочу быть подопытной букашкой. Любви нужна тайна, ореол, сквозь который предмет едва проглядывает, потому что любовь не может быть без интереса, а интерес не может быть без тайны...

Оба говорят уже приподнявшись, почти касаясь лбами, упираясь руками о стол.

Человек из ванной. Наука нанесла человечеству два удара, некоторые говорят, даже три удара. Первый удар нанес Коперник. Он доказал, что земля не есть центр вселенной. Второй удар нанес Дарвин. Он доказал, что человек не возник отдельно от всего живого, самым отдаленным предком его является обычная слизь, плазма. Конечно, приятней быть центром вселенной, чем крошечной пылинкой в бездонных галактиках, но разве существовала бы цивилизация без этих жестоких ударов.

Волик *(восторженно).* Верно... Как верно... Зачем вам нужна была та ирония... Вы даже глупцом притворялись... Тогда, у Соседа я вас чуть не возненавидел... Знаете, я сейчас вспомнил одно свое состояние... Это не к месту, но к слову, просто вспомнил по непонятной ассоциации... Как-то, несколько лет назад я проснулся ночью. Мне снился какой-то сон, и я его сразу же тогда забыл, только ощущение осталось чего-то радостного, то ли о детстве, то ли о женщинах, но не в пошлом смысле, понимаете... Впрочем, это я уже потом припомнил, даже трамвай какой-то потом припомнил из этого сна и булыжную мостовую под гору, а тогда было только ощущение... Я открыл глаза и не понял, где нахожусь. Комната была необычно глубокой, залитой светом, настоящее сияние исходило от стен. Я не понимал даже, кто я, сколько мне лет, когда я родился. Я лежал как бы вне времени и пространства. Потом за стеной начала кашлять мать, и сразу все остановилось, как бы упало и замерло. Мне даже почудился короткий тяжелый удар об пол. Я приподнялся на локте. Глаза у меня были горячие, а лицо мокрое от слез, но голова необычно ясная. Впрочем, в сиянии я разобрался только лишь утром, проснувшись, ибо крепко проспал остаток ночи. Окна у нас всегда были завешаны плотными портьерами. И вот зачем-то мать сняла их на ночь, почистить что ли. Широкие окна обнажились, а ночь как раз была лунная.

Говорить Волик начал громко, а кончил едва слышно, опустился на стул, поник, съежился. Человек из ванной налил в стакан фрук-

товой воды, подвинул Волику, но тот слабо мотнул головой. Тогда Человек из ванной выпил сам, поднялся.

Человек из ванной. Простите, однако вынужден соблюдать распорядок... Весьма рад встрече... Уважаю вас и надеюсь на взаимность...

Идет к воротам дома отдыха.

Волик. Постойте.

Человек из ванной останавливается.

Волик. Как же это вы... Такой человек... Такой разум... И в чужой ванной... Голый...

Человек из ванной. Вы переутомлены. Да и я устал. Поговорим в другой раз. Советую вам искупаться.

Уходит. Отдыхающий в шляпа начинает кашлять, может, поперхнулся кефиром, а может, хочет привлечь внимание, но Волик по-прежнему сидит к нему спиной. Входит Жене Соседа. Осторожно, на цыпочках приближается к Волику и целует его в щеку. Волик испуганно вздрагивает, а Жене Соседа начинает смеяться.

Волик *(кричит).* Вы не смеете... Ваши шутки мне отвратительны... Я вам не паяц...

Жена Соседа. Миленький, но почему ты думаешь, что я шучу?

Волик. У вас нет совести. И потом, мы не одни... То есть я не в том смысле... Я не собираюсь, хоть бы и одни...

Жена Соседа. Это уже более серьезно. *(Подходит к Отдыхающему в шляпе.)* Старичок, иди поуди рыбочку. Иди, а то я возьму твой кефир и налью его в твою шляпу.

Волик. Не обращайте внимания, от нее вином несет.

Жена Соседа. Мой любовник прав. Я действительно пьяна. И к тому же я старая хулиганка. У меня татуировка есть на правой ноге. Показать?

Отдыхающий в шляпе вскочил, поперхнулся кефиром и, страшно кашляя, пригнувшись, убежал в ворота дома отдыха.

Жена Соседа *(подходит и садится рядом с Воликом).* Теперь меня немножко мучит совесть... Я вспомнила, что этот соглядатай с цинковой мордой помог мне выручить деньги за разбитую пластинку.

Волик. И вы еще говорите о совести. У вас есть муж, у меня жена.

Жена Соседа. Милый, не сердись. Неужели ты думаешь, что я могу полюбить такого лысого урода. Такую замухрышку, как ты... Я поцеловала тебя, как мать... Моей дочери двадцать лет. Я родила ее в семнадцать, я вышла замуж за моего мужчину, когда мне еще не было шестнадцати. Несколько месяцев мы жили нерасписанными, пока я достигла совершеннолетия. На нас писали заявления. Когда приходил участковый, муж прятал меня в шкаф. А знаешь, как меня муж наказывал? Он покупал конфетки и грыз их сам, а меня щипал...

Волик. Зачем вы мне рассказываете всю эту мерзость?

Жена Соседа. Для общего развития. Ты еще малограмотный лысый бычок. Сосешь свои фантазии, как мой мужчина конфетки...

Волик. Оставьте меня. Вы не смеете...

Жена Соседа *(после паузы).* Где ж твой собеседник?

Волик. Человек из ванной? То есть я в том смысле... Я не знаю его имени, хоть мы с ним много говорили...

Жена Соседа. Человек из ванной *(хохочет).* Как метко. Как остро. Ты говори с ним, говори. Он большой ученый. Он даже с женщинами спит по-научному, согласно советам медицинской энциклопедии.

Волик. Вы лжете. Вы клевещете... Вы... Вы ящерица... Ядовитая, проклатая...

Жена Соседа. А разве есть ядовитые ящерицы?

Входит Сосед.

Сосед. Что за шум, а драки нет?

Жена Соседа. Остроумно. У моего мужчины много таких оборотов. Например: занимайте места согласно купленным билетам. Следующий, сказал заведующий.

Сосед. Вечно ты пытаешься отравить лучшие минуты.

Такой выходной. Сосны, солнце, река.

Жена Соседа. Я поцеловала Волемира Потаповича, а он возмутился. Потому и кричали здесь.

Сосед *(улыбаясь через силу).* Стоит ей выпить немного, и она становится ядовитой...

Жена Соседа. Какое совпадение. Минуту назад меня уже назвали ядовитой. Значит это правда. Пойду и ужалю кого-нибудь в сердце. Не пропадать же яду. Волемир Потапович, вы с моим мужчиной поговорите. Разговор у вас получится, у вас даже лица теперь одинаковые... *(Уходит.)*

Сосед *(уныло).* Я думал, после той истории все переменится... Взяли в кредит холодильник... Развестись, что ли? Дочка уже совершеннолетняя...

Волик. Не рассказывайте это мне. Это интимно, это свято, как бы не было запутано... *(Кричит.)* Не смейте говорить о таких вещах в котлетной! Я посторонний, понимаете?

Опускает голову на ладони. Некоторое время оба сидят молча. Вбегают двое юношей без компании, разбившей пластинку. Юноша с шевелюрой гонится за Стриженым юношей. Оба хохочут. Следом выходит, покряхтывая, Отдыхающий в шляпе.

Отдыхающий в шляпе. Вот-вот... Давай по газонам... Давай топчи... Крой, Ванька, бога нет... О-ха-ха... Давай... За хоботок его... *(то ли кашляет, то ли смеется).* Давай промеж ушей его...

Сосед и Волик тоже наблюдают за юношами. Поборовшись, оба убегают в ворота дома отдыха. Отдыхающий в шляпе садится к столику вытаскивает газету, разворачивает.

Волик *(Соседу).* Я вас теперь очень отчетливо вспомнил. Мы ведь с вами дважды знакомились. Недавно и в детстве, впрочем, в детстве мы были совсем другими людьми... Ах какой вы мальчик были смешной. С длинной шеей и в какой-то зеленой куртке байковой... Куртку вашу я отлично помню, рукава у нее были более светлые, из другого куска материи что ли? А гуляния в саду гортеатра... Теперь это вовсе и не сад, так несколько деревьев... На пятачке деревянном были танцы... А в павильоне по коммерческим ценам пироги... Квас... Модницы ходили в сапогах на высоких каблучках... Знаете, это было красиво... Ракеты... Это вас ракета ошпарила? *(Смеется.)*

Сосед *(тоже смеется, лицо его оживлено).* Нет... Меня сторож поймал и набросал мне колючек за шиворот... Репейник и другую чепуху... Как они кололись, как они чесались... *(Хохочет.)* Какое время было счастливое...

Волик. А зимой я вас чего-то не помню... Зимой мы с вами не дружили, что ли? Постойте, постойте, это вы ходили в таких женских рейтузах?.. И на лыжах, на лыжах однажды прямо на двор и в помойку...

Сосед. Нет, это Яшка. Он умер три года назад.

Волик *(тихо).* Да, я его помню... Наши сверстники уже умирают... Наше поколение... А только вчера было детство... Когда мы впервые узнаем, что смертны? Лет в пять, должно быть. А может, в восемь? Вы помните этот момент? Никто, пожалуй, не помнит. Во всяком случае никто не бывает потрясен. А предположим на миг, что мы пребывали бы в счастливом неведении до зрелых лет и это разом бы открывалось нам. Жизнь была бы абсолютно иной, не знаю, лучше или хуже, но иной. Были бы абсолютно иные отношения между людьми, иная история, иные государства. Это как в шахматы. Стоит поменять местами коней с офицерами, и игра полностью меняется.

Сосед. Я, знаете, не философ, мне трудно с вами спорить. Я как понимаю. Вот вы детством восхищались. А что такое детство? Это никаких тебе жен, никаких тебе холодильников, никаких тебе ванн, где купаются посторонние голые мужчины...

Волик *(трет пальцами лоб).* Да, да... Это совсем уж другой *поворот мысли...* Это совсем уж другое... То есть я с вами абсолютно не согласен, но дело не в том... Насчет того, из ванной, я сам не пойму... Я вот поехал с вами за город, потому что его ненавидел... То есть я себя ненавижу, как предателя чувств своих, но в нем причина... И вот я опять, кажется, наговорил... И ему и вам. То есть с вами ладно... С вами я на общие темы... А он в самую душу... Я поправить

дело хотел, а еще хуже получилось... Впрочем, я вот что сию минуту подумал... В голову прямо и ударило... От него щукой несет... Помните, у Крылова... Однажды лебедь, рак да щука... Мы к одной телеге привязаны. Вас не шокирует подобное сравнение... Я — лебедь... Помните: я — ворон... В опере "Риголетто"...

Сосед. Я в оперы не хожу, а телевизор мы недавно купили.

Волик. Щука безжалостная и трезвая... Щуки едят молодых утят, молодых лебедят... Прямо за папку — цап... Господи, как я его ненавижу... Он обманывает меня своей трезвостью... Он приводит меня в восторг... Восторг идиота...

Сосед. Мы с вами, как пьяные говорим. На нас оглядываются.

Волик. Где он? В какой палате? Вы ведь знаете...

Сосед *(испуганно поднимаясь).* Оставьте меня... Из-за вас у меня могут быть неприятности по работе... Только замял один скандал...

Волик. Мне надо с ним поговорить, мне надо его увидеть. Что я ему такое наболтал. Я жену свою из-за него любить перестаю. Я его... *(Он хлопнул кулаком по столу, недопитая бутылка фруктовой воды покатилась, упала и разбилась).*

Сосед. Оставьте меня. Вам надо проспаться... То есть выспаться... Подлечиться...

Волик. Нет, тут гораздо сложнее... Вернее, гораздо проще... Тут было много разговоров о жизни, о вселенной, а налицо простой факт... Вернее, пример... Представьте себе, я ложусь с женой и специально своими руками открываю форточку, вернее, щелочку, и зову посторонних... Для любования собственными высокими чувствами... Чтоб иметь слушателя, зрителя... Слушай, мол, что шепчу я моей жене... Смотри, что я делаю... Оцени и восторгайся силой моих интимных чувств... Это пример неточный, но что-то есть... Меня одно лишь извиняет, что тут не был трезвый щучий рассудок, не умысел... Впрочем, пример крайне неточный. Я об этом уже говорил...

Сосед. Я ухожу... Мне по делу... То есть к жене... Я Лизу к вам пришлю. *(Уходит.)*

Отдыхающий в шляпе подходит к Волику.

Отдыхающий в шляпе. Прошу извинения, вы не иностранец?

Волик. Нет.

Отдыхающий в шляпе. Вы по-иностранному как-то говорили, я ничего не понял.

Волик. А зачем вам понимать? Кто вы такой?

Отдыхающий в шляпе смотрит некоторое время на Волика.

Отдыхающий в шляпе. Просьба у меня к вам, письмо почитайте. Почерк там — ничего не разберу. Я и в очках пробовал и без очков. А кроме вас, просить не у кого. Я к вам пригляделся, кроме вас, тут одни сволочи.

Волик. Хорошо, давайте письмо.

Отдыхающий в шляпе садится, достает из кармана исписанные листы. Волик начинает читать безразлично, монотонно.

Волик. "Я даже не знаю, зачем вам пишу. Наверно, чтобы развеять свои иллюзии о наших отношениях, которых, очевидно, не существует и которые придуманы мною. Но знайте, каждый вечер я встречаю с радостью, потому что предчувствую, как лягу в постель, погашу свет и буду думать о вас. Каждое утро я встречаю с радостью, потому что оно предвещает день, когда я увижу вас. О ночах своих я писать не буду. Ночи мои мучительно длинны. Я панически боюсь заснуть, ведь во сне я теряю вас. Иногда мне везет, и вы мне снитесь, но часто мне снится вовсе иное, ненужное или даже гадкое, особенно под утро, если пролежать долго в бессоннице. Когда у меня бессонница, я долго говорю с вами и представляю себе разные эпизоды нашей жизни. Ведь жизнь не может состоять из одной любви, правда? Я представляю, как вы приходите усталый, не в духе и ругаете меня очень несправедливо и мне обидно и горько, хочется реветь, но все равно, даже под этой горечью я ощущаю радость, потому что мы вместе и у нас уже свои, только наши с вами неполадки, наши

с вами семейные обиды, которые мы скрываем от соседей, от знакомых и даже от родных, потому что мы с вами друг другу самые близкие на земле".

По мере чтения голос Волика становится все менее безразличным, даже начинает дрожать, а Отдыхающий в шляпе хныкает, покряхтывает и скребет шею под воротником.

Волик *(прерывая чтение)*. Это вам... ваше?

Отдыхающий в шляпе. Упаси бог. Я эти листки подобрал. Раньше б за такое письмо посадили.

Волик *(растерянно).* Как подобрали? Где?

Отдыхающий в шляпе. Обыкновенно. С земли. На траве валялось.

Волик *(кричит).* Лжете... Лжешь... Украл его...

Отдыхающий в шляпе. Ты осторожней. Думаешь, волю дали, так и гавкать можно. Не бойся, еще прижмут.

Волик *(стоит, закрыв глаза, бормочет сам себе)*. Подлец. Дрянь. Я ведь соучастник теперь. Я в чужом интимном мире... В чужих чувствах... Какое несчастье... Какой парадокс... Это закономерно. Какая естественная последовательность падения... Я украл чужого лебедя...

Отдыхающий в шляпе осторожно пятится к воротам. Волик вдруг подбегает, хватает его за плечи.

Волик. Стой... Нет, теперь ты мне выложишь... Кто, кто... кого?..

Отдыхающий в шляпе *(испуганно)*. Тише. Не принимайте так близко к сердцу... Ну, украл этого самого... не понял кого... Ну, бывает... Ты спокойней... У нас тоже был один... Варфоломеев Петр. Все знали, что нечист на руку, начальство знало, а ценили. Главное, чтоб политических колебаний не было... В общем я ничего не слышал. И ты молчи...

Волик. Молчать. Значит сидеть притаившись, как шпион в чужой жизни и молчать...

Отдыхающий в шляпе. Шпионаж это другая статья... Это измена... Ты меня не запутаешь. Я таких пачками через себя кидал.

Волик *(хватает Отдыхающего за лацканы).* Кто?.. Назови...

Отдыхающий в шляпе *(кричит).* На помощь!

Волик. Кто? Чье ты письмо украл? Кому...

Отдыхающий в шляпе. Подожди... Пусти... Скажу... Пусти... Эта та, в белой панамке... С компанией... Она тому писала... Тому, с кем ты говорил... Отдыхающему нашему... Не тому, с кем ты пришел поначалу... Понял... Ну что смотришь... Пусти...

Волик. Человеку из ванной?

Отдыхающий в шляпе. Пусти. Какой такой ванной? Я это не знаю... Она с ним джазы в клубе танцует, это мне известно.

Волик отталкивает Отдыхающего в шляпе. Вбегает отдыхающий в сетке.

Отдыхающий в сетке. Что здесь? Кто кричал?

Отдыхающий в шляпе. Он... Он душил меня... Он покушался... Он украл... Он сознался... Он шпион...

Отдыхающий в сетке *(Отдыхающему в шляпе).* У тебя в голове клапан лопнул, ты сразу весь свой репертуар подряд прокручиваешь.

Появляются еще люди. Отдыхающие, прохожие. Среди них юноши и девушки, разбившие пластинку. Девушка в Панамке, Сосед, Жена Соседа. Последним подходит Человек из ванной. Возгласы: "Что? Кого?"

Юноша с шевелюрой *(вытаращив глаза)*. Убили!

Возгласы: "Вот так да! Выходной... Отдохнул..."

Сосед. Что за шум, а драки нет? Волемир Потапович, вы где были? Говорят, зарезали... Пьяный какой-то...

Волик *(бормочет).* Это я... Я виноват... С него какой спрос, он дерьмо просто... А я, разве я лучше...

Отдыхающий в шляпе. Сознается, стерва. И на следствии все против тебя покажу. Ты душил меня. Ты свидетеля убрать хотел.

Жена Соседа. Надо бы за Лизой сходить. Валяется на пляже, как корова.

Человек из ванной. Товарищи, тут явно недоразумение. Я могу поручиться. Я этого человека знаю. Это очень честный и хороший человек. Но он не совсем здоров.

Отдыхающий в шляпе. Врешь, сообщника выручаешь.

Отдыхающий в сетке. Иди, иди, а то пиндалей надаю.

Отдыхающий в шляпе. Не выйдет. У вас тут шайка. Безопасность разберется.

Отдыхающий в сетке берет его за шиворот и утаскивает в ворота дома отдыха.

Отдыхающий в шляпе *(кричит).* Протокол требую... Требую заактировать...

Люди перешептываются, посмеиваются.
Разговоры: "От жары с ума сходят... А может, правда... Концов не найдешь... Да нет, видно тронулся... Не человек, а чайник..." Некоторые уходят, некоторые продолжают издали посмеиваться...

Жена Соседа. Волемир Потапович, вы присядьте... Вам бы кефиру холодного... Жаль буфет закрыт...

Сосед. Торговое предприятие... Я когда помоложе был, часто в рестораны ходил. И был у меня принцип — не давать швейцару на чай. Не из жадности, а просто не люблю. Однажды швейцар одел меня, одел трех моих женщин, а ему ни фига. Он повернулся, меня локтем в бок...Я думаю, нечаянно, а прихожу домой — синяк.

Жена Соседа. Неужели ты не замечаешь, что путано рассказываешь какую-то чепуху?..

Сосед. Вечно ты, чтоб испортить... Чтоб подковырнуть. Я чтоб развлечь. Чтоб отвлечь...

Девушка в панамке подходит к Человеку из ванной, смотрит на него. Человек из ванной ласково улыбается.

Жена Соседа *(мужу).* Сходил бы за Лизой, она под пятнадцатым грибком. Волемир Потапович, вы пока в тенечке посидите.

Волик. Нет, прошу вас остаться. Я при людях говорить хочу. Тот старик дрянная личность, но он прав. Я может самый недостойный из вас всех... Предательство и вероломство... Да, да. И что такое причины перед фактами... *(Поворачивается к Девушке в панамке.)* Теперь я меж двух замочных скважин... Одна позади, в которую наблюдают за мной, другая впереди, в которую наблюдаю я за вами...

Жена Соседа *(мужу).* Это что-то поэтическое.

Зевака *(хохоча).* Маньяк... Скоро он вообразит себя Наполеоном... Или женой космонавта...

Человек из ванной *(Девушке в панамке).* Не пугайся, дорогая. Это очень, очень хороший человек. Это несоразмерно хороший человек. В этом суть. Всякое явление при чрезмерном развитии переходит в свою противоположность.

Волик. Заговорил. Он снова заговорил. Нет, хватит, теперь вам не привести меня в восторг. Я давно хотел вам сказать... Я специально поехал за город, чтобы вам сказать... Вы щука... От вас омутом несет... Разве может человеческое тело не содрогнуться, когда прикоснется эта холодная хищная чешуя... Этот хищный рассудок...

Девушка в панамке *(Волику).* Вы наглец. Вы недостойны смотреть на него... Вы... Вы пьяны...

Волик *(грустно).* Как вы правы. Я не пьян, а все остальное правда. Но вы еще не знаете главного. Я говорил слишком общо. *(Он достает из кармана листки.)* Вот ваше письмо к этому человеку. Я читал его... Причины неважны, важны факты. А факты — это замочная скважина...

Человек из ванной подбегает, вырывает листки, просматривает.

Человек из ванной *(раздраженно).* Какая у вас все-таки... *(Пауза.)* опасная честность...

Волик *(грустно).* Да, я взвешивал... Испачкана чистота, порваны хрупкие, нежные... то есть что я говорю... к чему эти

сравнения... Но поверьте, это не месть... Это случайно... Впрочем, важны факты... Раз уж случилось, разве честней притаившись молчать у замочной скважины?

Человек из ванной *(раздраженно).* Далась вам эта скважина.

Сосед незаметно уходит. Все молчат. Зеваки посмеиваются. Вдруг Девушка в панамке подбегает к Волику и дает ему пощечину. Она хочет ударить еще раз, но Человек из ванной хватает ее.

Волик *(осторожно прикасается к щеке).* Вот теперь легче. Немножко, но легче...

Входят Лиза и Сосед.

Волик. Лиза, где ты пропадала. Ты мне так нужна была.

Лиза. Сосед по дороге рассказал мне о случившемся. Я хочу разъяснить в двух словах о письме и о всем прочем. Дело в том, что Волемир Потапович давно неравнодушен к этой девушке. Отсюда и все остальное. Перехваченное письмо, разговоры, чтоб замаскировать свое чувство...

Волик *(дико смотрит на нее).* Лиза, что ты говоришь... Я впервые тут увидел эту девушку. У меня нет к ней никаких чувств.

Лиза *(улыбаясь, поглаживает его по щеке).* Мой дорогой, неужели ты думаешь, что я, твоя жена, не могу понять тебя и простить... В семейной жизни все бывает. Не только у нас, но и у других людей... Бывают увлечения, закружится голова... Это неприятно, но в порядке вещей... Это объяснимо... *(Внезапно резко с ласкового тона переходит к злобному.)* Зачем же ты ловчишь, ломаешь комедию... Выдумываешь, притворяешься... Превращаешь себя в сумасшедшего, а меня в жену сумасшедшего... *(Кричит.)* Зачем ты позоришь меня перед людьми!

Волик *(стоит, опустив голову).* Да, да, да... Как я понимаю... Как я понимаю... Украсть кошелек, забраться в чужую ванну — все это предусмотрено, занесено в определенную графу. Главное в этом. Главное — оказаться в графе...

Человек из ванной. Як вам хорошо относился, но все-таки вы преступаете всякие нормы. Вы просто тщеславны... Вы и страдаете из тщеславия. Вы даже не хотите замечать, какую опасность представляет для окружающих ваша чрезмерная совестливость. Может, придет такое время, когда мы будем мучиться, не спать по ночам от того, что случайно наступили соседу на ногу. Но посмотрите на календарь. Разве вы живете вне времени и вне пространства? Пару десятков лет назад сквозь газовые камеры пропускали коляски с младенцами... Согласитесь только с одним — существует хронология... Хронологический порядок движения времени. Представьте, если бы человек с нашими современными взглядами появился в период рабовладельческого строя или феодализма. Сколько страданий он принес бы и себе и окружающим.

Волик *(тихо).* Как вы все-таки хорошо говорите. Как только вы начинаете говорить, невольно забываешь, что вы щука...

Сосед. Такое странное сравнение. Он щука, вы лебедь, а я тогда рак, что ли... *(хохотнул).* Ладно, я не разборчив, пусть я рак... Однажды лебедь, рак, да щука везти с поклажей воз взялись... Эту басню я помню...

Волик *(поворачивается к жене)*. Лиза, я перед тобой больше, чем перед всеми виноват... Ты прости... Ты права...

Лиза. Пойдем домой. Уже нагулялись.

Жена Соседа. Пойдемте, Волемир Потапович. Поспите, отдохните. Вечером по телевизору кино хорошее.

Сосед *(веселым голосом).* И вот какая еще история. Это не анекдот, но вы похохочете. Когда я учился в школе, наша учительница, такая старая дева с такими большими зубами, запрещала нам приносить на завтрак котлеты, чтоб в классе не воняло чесноком.

Лиза берет Волика об руку, а Жена Соседа старается идти подальше от мужа. Они уходят. Зеваки, наблюдавшие издали, тоже расходятся. Кое-кто показывает пальцами, прыскает. Человек из ванной и Девушка в панамке смотрят друг на друга, садятся за столик.

Девушка в панамке. Ничего не пойму. Какой-то сон. Я его ударила, кошмар, кошмар.

Человек из ванной *(перебирая листки).* Это письмо мы порвем, а ты напишешь мне новое *(рвет листки)*. Безобразие, выходной день, а буфет закрыт. Выпить бы холодного вина, что-то затылок побаливает. Мне всегда холодное вино помогает, когда начинает побаливать.

Через сцену проходят с лукошками Отдыхающий в шляпе и Отдыхающий в сетке.

Отдыхающий в сетке. Гриб, он хитрый. Сегодня он есть, а завтра его нет.

Отдыхающий в шляпе. Все обтопали. Каждое дерево. Мусорницы студенты ногами пинают. Старухи на реке в белье ходят, как футболисты. Раньше старшина стоял — чуть в сторону — свистит. А теперь охрану сократили. Нет, делов не будет. Народ без свистка не привык. *(Они уходят.)*

Человек из ванной *(задумчиво)*. Все-таки Крылов не знал физики. Телега давно бы потонула или валилась бы в кювет, если б кто-нибудь не тянул в облака.

Девушка в панамке. Какой вы умный, какие у вас глаза. У вас ресницы длинные, длинные, как у ребенка... Как у мальчика... Вы такой молодой... И седина ваша такая блестящая, такая милая... Вы извините, я говорю глупости... Я глупая, глупая... *(Человек из ванной берет ее руку, прикасается губами.)*

Ползет занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина 3-я

Квартира Соседа. Посреди комнаты стол, уставленный бутылками и едой. За окнами хмурый дождливый день. Входят Волик и Жена Соседа, оба в плащах, мокрые.

Жена Соседа *(весело).* Майская гроза в октябре.

Волик. Зачем вы меня позвали?

Жена Соседа. На день рождения. Муж заказал чудесные пригласительные у фотографа. В правом углу целуются голубь с голубкой, в левом углу цветут розочки. Посреди я с мужем, головка к головке.

Волик. Мы с Лизой придем вечером. Там написано в семь, а сейчас три.

Удар грома. Жена Соседа хватается за ноги. Смеется.

Жена Соседа. Говорят, когда грохочет, нужно хвататься за больные места. У меня тромбофлебит. Видишь, как я с тобой откровенна. Разве хоть одна женщина призналась бы своему любовнику, что у нее тромбофлебит.

Волик *(раздраженно).* Оставьте ваши шутки. Я не намерен... Я вообще... Я и Лиза не придем... Мы не придем к вам... Я решил...

Жена Соседа *(другим тоном, искренне, даже несколько испуганно)*. Ну извини меня, ну прости... Я смеюсь... Я смеюсь... Да, я смеюсь... Дура старая... Я сегодня получила телеграмму от дочери... Она не приедет... Поздравляет и так далее... У нее своя жизнь, уже наверное с кем-нибудь встречается... С каким-нибудь... Этим... Зачем ей мать... Я совсем одна... Когда я думаю о себе, я думаю о тебе... О нас двоих... Я знаю, как тебе тяжело... Ты похудел... *(Она проводит пальцами по его лицу, щекам).* У тебя воспаленные глаза, ты тоже не спишь. Я знаю, эти слухи, сплетни, эти анонимки... Сегодня ко мне гости придут, чтобы разглядывать тебя... В основном... Видишь, я признаюсь... На четвертое после сладкого стола, современный праведник...

Волик. Как это гнусно... Неужели вы не видите сами... Ну скажите... Пригласить человека... Ох, как это гнусно...

Жена Соседа. Да, это гнусно... Я знаю... Я все знаю... Я знаю, Лиза уже несколько раз хотела уйти от тебя... Приезжал отец ее. Он кричал на тебя. В твое отсутствие он рылся в твоих вещах... Он нашел коробку с камешками, пробками, веревочками... Он кричал, что Лиза не имеет права иметь от тебя детей... Впрочем, и его можно понять... Он получил ужасную анонимку... А эти камушки, веревочки у пожилого, лы-

сого человека... Эта коллекция... Согласись сам... Все-таки он отец...

Волик. Да, конечно. Я не обижен, я понимаю... Коллекция веревочек и пробок... Но откуда слухи, анонимки... Неужели он... Эта щука... Впрочем, я достаточно сам болтаю... Лиза — это прекрасная женщина... Как она несет свой крест... Мне больно смотреть... У меня снова к ней чувство... Не то что раньше... То я растоптал... Я обнищал... У меня ничего нет более внутри... Отец прав, он выбросил камни в мусоропровод. Чудно, чудно... Вы знаете, раньше я испытывал к Лизе неприязнь. Раньше, когда любил ее по старому... С камушками... Иногда, на мгновение вдруг неприязнь... А теперь у меня к ней такое ровное чувство... Такое теплое...

Жена Соседа. Это потому, что ты остановился на полдороге. Упал с крыши, да зацепился за балкон...

Волик. Ах, при чем здесь... И почему я вообще говорю о своих чувствах с вами... Впрочем, полдороги — это мысль... Это замечательная мысль... Нельзя висеть, это мучительно... Вот о чем я думал, но не сформулировал. Надо либо стоять, либо падать до конца. И тогда наши отношения с Лизой сделаются более ясными, более определенными... Мы сможем расстаться, не испытывая друг перед другом ничего... Вернее, Лиза ничего не должна испытывать. Ни тени угрызений совести. Лиза молода, еще полюбит... Я должен полностью освободить эту благородную женщину от меня... Самоубийство не выход... Это может ее потрясти... Здесь может быть неясность... Может быть грязь, которая ее запачкает... Да, в этом есть мысль: падать до конца... Я должен запачкать себя... Так, чтобы она отвернулась брезгливо... Отряхнула и ушла... Это хорошо... Это нужно... *(Смотрит на Жену Соседа.)* Вы говорили здесь о своих чувствах ко мне...

Жена Соседа подходит к Волику, запрокинув голову, она обходит его вокруг, потом кладет ему ладони на шею.

Жена Соседа. Я думала о тебе давно, я искала тебя и все время это был не ты, не ты, не ты... Мне тридцать семь лет... Тридцать семь, и вот наконец это ты... Сними плащ...

Ты мокрый... Я хочу, чтоб ты был без плаща, будто ты дома... И я буду без плаща... Мы оба сегодня дома... Не все дома — это про ненормальных говорят... Как смешно... Это я по ассоциации... Мы оба ненормальные... Я хочу быть с тобой сегодня... Я хочу тебя...

Она прижимается к нему, трется головой о его грудь. Волик стоит, опустив руки, прямой, неподвижный, словно мертвый.

Волик. Изменить, а потом в ванну... Есть такой анекдот... Это в графе... Это нормальное отклонение от морали... Это не камушки и веревочки... Как хорошо придумано. Все будут довольны. Я — потому что казню себя нравственно за предательство чувств своих. Лиза — потому что, не испытывая уж никаких сомнений, развяжется со мной, все эти гости — потому что увидят: я ничем не угрожаю их спокойствию... Ничем непонятным... Я самый обыкновенный прелюбодей из анекдота...

Жена Соседа *(она точно не слышит, что говорит Волик).* Дай я поухаживаю за тобой... Дай я расстегну пуговицы, сниму плащ... Какой ты смешной, какой ты мягкий, какой ты добрый... *(Снимает с него плащ, целует его лицо, шею.)*

Волик по-прежнему неподвижен. Звонок. Жена Соседа, не обращая внимания, гладит Волика, затем берет его руки и кладет их себе на грудь, на шею, гладит себя его безжизненно висящими руками. Снова звонок.

Волик *(словно очнулся и ищет спасения).* Надо открыть...

Жена Соседа. Сожми меня, сожми меня крепко *(кричит).* Сожми меня так, чтобы стало больно!

Звонок. Волик вырывается, бежит в переднюю. Жена Соседа стоит, закрыв глаза, посреди комнаты. В передней шум, поцелуи. Входит Волик, волоча Пьяного гостя. Это мужчина лет пятидесяти с баками и огромной, завернутой в целлофан коробкой.

Пьяный гость. По случаю, так сказать, и принимая во внимание... *(Обнимает Волика, целует и сует коробку.)*

Волик. Простите, но вы ошиблись... Вы меня путаете... Я тоже гость...

Пьяный гость *(грозит Волику пальцем).* Ах ты пострел...

Жена Соседа подходит к Гостю.

Жена Соседа. Вы пришли чересчур рано.

Пьяный гость. Принимая во внимание *(сует коробку)*, тогда я пойду... Я ухожу... *(внезапно начинает отстукивать чечетку).* Я уже ушел... *(Идет к двери.)*

Волик. Постойте.

Пьяный гость. С удовольствием.

Волик. Вы играете в шахматы?

Пьяный гость. С удовольствием.

Волик торопливо берет с полки шахматы, расставляет фигуры, они садятся друг против друга. Жена Соседа ходит по комнате.

Пьяный гость. Понимаете, иду я по центральной аллее парка, вдруг какая-то барышня: хи-хи-хи... Оглядываюсь — все в порядке. Иду дальше. Подхожу к центральному гастроному. Две молодые женщины: хи-хи-хи... Оглядываюсь уже с беспокойством. Иду дальше. Группа подростков-девочек: хи-хи-хи... Оглядываюсь с ужасом. Снимаю пиджак. На нем птичий помет. И тут я подумал: какое счастье, что коровы по воздуху не летают... *(Хохочет.)* Удивительно, удивительно. Говорят, этот страстный праведник ходит за своей женой с ломиком и следит, на какие именно булыжники мостовой она наступила своими галошами... Потом выковыривает их, то есть не галоши, а булыжники и целует... Но позвольте, ведь это вызов человечеству. Это вызов светочам мировой культуры. Семья из ячейки превращается в религиозную секту...

Жена Соседа вдруг подбегает к Пьяному гостю, хватает его и волочит к дверям. Пьяный гость молча сопротивляется, по дороге цепляясь за мебель. Слышна возня в передней, хлопает дверь. Жена Соседа возвращается, тяжело дыша. Она подходит к Волику, обнимает его. Волик встает, кладет ей ладони на плечи. Жена Соседа тушит свет. В темноте они бредут по комнате долго, словно слепые. Жена Соседа включает телевизор. Затем оба скрываются в спальне. По телевизору голос с приятным тембром вещает: "Нептунисты считали, что земля возникла из воды и вновь в нее обратится. Плутонисты, например, Гераклит, что огонь составляет основу всего существующего. Все рождается из огня, чтоб вновь в него обратиться. Огонь порождает море, море — землю и жир, поднимающиеся пары образуют солнце. Существует также созданная в более позднее время гипотеза тепловой смерти вселенной. "Пульс природы беспрерывно замирает, ее жизнь погасает, в бесконечной дали вырисовывает призрак тепловой смерти", — утверждает один из приверженцев этой гипотезы. А Джинс говорит: "Энергия еще сохранится, но она потеряет всякую способность к изменению. Она также мало будет способна привести в движение вселенную, как вода в стоячей луже заставить вращать колесо мельницы". Критика гипотезы дана в "Диалектике природы" Фридриха Энгельса. Тепловая смерть немыслима для бесконечной природы. Мир существует вечно, проходя через периоды разрушения и созидания"...

Входит Волик, силуэт его маячит в темноте. По телевизору продолжают передавать лекцию. Затем входит Жена Соседа и выключает телевизор.

Волик. У тебя есть сигареты?

Жена Соседа. Разве ты куришь? *(В темноте натыкается на стул).*

Волик *(поспешно кричит).* Не надо... Не надо искать.

Жена Соседа. Что с тобой?

Волик. Мне показалось, что ты хочешь включить свет.

Жена Соседа подходит к Волику, усаживает его на стул, садится рядом.

Жена Соседа. Расскажи мне о себе.

Волик. Я плановик. У меня есть старая мама. Она сейчас гостит у моей сестры и скоро должна приехать.

Жена Соседа. Расскажи мне еще о себе. Рассказывай мне долго о себе.

Волик. Мне тридцать шесть лет.

Наступает продолжительная пауза. Оба молча сидят в темноте. Потом Жена Соседа зажигает свет.

Жена Соседа. Тебе надо пойти домой. Отдохнуть, переодеться.

Волик. Допустим... А потом?

Жена Соседа. А потом вернуться с Лизой.

Волик. А потом?

Жена Соседа. Зачем ты повторяешь это слово: потом, потом. Кто знает, что будет потом. Зачем думать, что будет потом... Надо торопиться.

Волик. Куда?

Жена Соседа. Домой, домой... К Лизе...

Волик. Ты не такая, как минуту назад...

Жена Соседа *(раздраженно)*. Да, я не такая. Я живу сейчас, а не минуту назад, скоро я буду жить минуту спустя... Один умный человек сказал тебе главный твой недостаток: ты не в ладах с хронологией... С движением времени.

Волик. Минуту назад ты была нежной и неловкой. Ты была искренна... И все это, вся твоя нежность, твоя искренность были порождены похотью...

Жена Соседа *(кричит)*. Замолчи... Не смей... Да, я как-то вдруг разочаровалась в тебе... Обыкновенный мужчина... После близости хочет курить... Я искала в тебе сон... Видишь, я тоже способна на поэтические сравнения... Глупо как... Я, может, тоже хочу путать хронологию... У меня никогда не было даже альбома со стишками... Этот сукин сын прятал меня в шкаф от участкового... В семнадцать лет я уже стирала ее пеленки... А теперь она прислала телеграмму... Научи путать хронологию...

Волик. Прости меня. Я тебя оскорбил. Я не умею ничего путать. Я обыкновенный человек... Я такой, как все... Вот только сейчас прямо и ударило: главная беда моя, главная трагедия моя не в разрушении некоего моего интимного мира, не в предательстве неких чувств своих. Я обманывал, а теперь меня поймали. Вначале я обманывал себя, потом начал обманывать окружающих... Я всегда знал, что камни это камни, нет, конечно, временами я увлекался и весьма искренне. Но на дне сознания, понимаешь, я всегда был обыкновенным... Вот дети... Когда ребенок скачет на палочке, ведь он в любой момент понимает, что под ним не лошадь, и все-таки чувствует себя всадником... Тут какая-то загадка... Ее объясняют просто, но это не то...

Жена Соседа. Когда ты говорил, я смотрела на твое лицо. Мне тридцать семь лет, я впервые вижу такое лицо.

Волик. Как у меня болит голова. Мне кажется, я умер и родился опять другим человеком... Щукой... Я хочу запачкать себя... Я должен, понимаешь... Теперь особенно... Я не смею смотреть на эту благородную женщину... Я уехал бы давно, бежал бы, но не я ее, а она меня должна оставить... Как болит голова... Это был чудный план... Все до конца... Но в нем был просчет. Ты. Твоя судьба. Ты права. Мне надо быстрее уходить. Нет, не домой... Я могу случайно коснуться Лизы локтем, рукой. И смотреть... Нет, тут уж не до благородства. Просто надо придумать что-либо более удачное.

Жена Соседа. Это я тебя позвала. Я хотела тебя...

Волик. Нет, я должен был один, один, только один. Может, украсть что-нибудь мелкое? Я уже крал. Я украл в вашем доме консервный нож... Или разбить витрину... Конечно, оплатить, но чтоб был скандал... Лиза не должна испытывать ни тени симпатии ко мне... Отряхнуть меня как пыль, как грязь... Я пойду... Я пойду и разобью витрину...

Жена Соседа. А может, я поговорю с ней. Я попробую ее убедить...

Волик. Ее не надо убеждать. Она поймет сама. Она поймет и останется. И будет нести свой крест. Она благородна. Даже теперь, когда я дошел до крайней степени падения, она поймет, если я искренне признаюсь ей во всем. Но ведь это мучительно. Я не хочу этого. Я хочу ловчить, обманывать. Я хочу вызвать ее презрение... Она должна освободиться от меня...

Звонок. Оба вздрагивают.

Жена Соседа. Вот ты уже и не ушел.

Волик. Я не хочу, чтобы меня здесь нашли. Это был глупый план.

Жена Соседа. Я не боюсь ничего...

Волик. Скажи мне, этот человек... тогда... как он очутился в ванной? Это очень важно для меня... Для нас...

Жена Соседа. В ванной?.. В ванной можешь пустить воду... Плеска не слышно... Хорошая плотная дверь... И коридор... Я повешу замок... Ремонт...

Волик. Да, да... Это мысль... Ты скажи, ванна не работает... Повесь замок... Как это мерзко... Это так мерзко, что я даже уже не испытываю презрения к себе...

Звонят снова, уже беспрерывно, настойчиво.

Жена Соседа. Я хочу поцеловать тебя.

Волик молча смотрит на нее с испугом, лицо его искажается, он прижимает ладони к лицу. Жена Соседа подходит, отводит его ладони и целует несколько раз, глубоко, теряя дыхание. Потом они уходят в боковую дверь. Жена Соседа возвращается одна, идет в переднюю, отпирает. Шум, смех. Входит Гость с бородкой и Гостья с голубыми волосами. Меж ними висит Пьяный гость.

Гость с бородкой. Мы подобрали его на лестнице. Спал и спать продолжает. Посмотрите, какое ясное младенческое лицо. Точно он понял жизнь. А ты что-то долго не отпирала.

Жена Соседа. Я целовалась с любовником. *(Общий смех.)*

Гостья с голубыми волосами. Тонко, тонко. Поздравляю, дорогая.

Гость с бородкой *(сваливает Пьяного гостя на стул).* А где хозяин?

Жена Соседа. Ищет семгу.

Звонок. Жена Соседа отпирает. Вваливается шумная компания. Мужчины и женщины. Объятия, поздравления, поцелуи. Кто-то включает магнитофон. Гость с бородкой берет об руку Гостя с перекошенным лицом.

Гость с бородкой *(вполголоса).* Понимаете, коллега, сегодня мне приснилась женщина. Понимаете, не дух, а с удивительно конкретными признаками, хоть в этом мире я ее никогда не встречал. И представьте себе, она говорит мне: вы плохо выбрили шею. И я, представьте себе, не нахожу никакого остроумного ответа. Вернее, что-то возникало потом, как говорится, уже на лестнице... Но все не туда, все не то... Я проснулся в ужасном смятении духа и целый день сегодня думал и даже сейчас думаю, но все не мог сконструировать остроумный ответ на эту колкость.

Гость с перекошенным лицом *(вынимает зеркальце и начинает гримасничать перед ним). У* меня на нервной почве простужены мышцы. Врачи рекомендуют грязи, а также гимнастику лица. Язык свертываю в трубочку... *(гримасничает).*

В углу собралась группа гостей. Гостья с голубыми волосами рассказывает.

Гостья с голубыми волосами. И вот перед этой девицей он попросту на коленях... Прости меня, говорит, что я случайно читал твое письмо... Что хочешь бери... Сейчас зову нотариуса и оформим. Половину квартиры бери. Мебель бери. Деньги у меня есть на сберкнижке — бери... Все бери — только прости...

Гостья с утиным носиком. Ух ты... А она?

Гостья с голубыми волосами. Отказалась. И еще пощечин надавала.

Гостья с утиным носиком. Ух ты... Дура... Знала б я, специально свои письма по городу раскидала...

Пожилая гостья. А нотариус не оформит. Это больной человек. Да. А где совесть у тебя больного грабить?

Гостья с утиным носиком. Подумаешь. А может, ему удовольствие от этого. Я читала, есть люди, которым удовольствие, когда гвоздь в ботинке колет...

Пожилой гость. Совершенно с вами согласен, девушка. Это он из гордости юродствует. На стремлении возвыситься над простым рабочим человеком. Это из нынешних...

Гостья с голубыми волосами. Может он рядом. Стоит и слушает. Надо у хозяйки спросить. Хозяка.

Тот праведник... Тот, который камушки собирает...

Жена Соседа *(очень тихо).* Волемир Потапович сегодня не будет... Он занят...

Гостья с утиным носиком. Ах, как жаль... Я давно мечтала познакомиться с каким-нибудь аскетом, потанцевать с ним... Ах, как я хочу умного разговора.

Гость с бородкой. В Англии существует специальный закон о сплетницах. Их публично погружают в воду, посредством особого снаряда, специально для этого приспособленного...

Гость с перекошенным лицом *(аплодирует).* Браво, браво. Остроумно...

Гость с бородкой. Ну, подумать только. Обидно. Мимоходом что-нибудь как скажешь — самому удивительно. А тут воображаешь специально целую ночь, целый день и ничего. "Вы плохо выбрили шею". Удивительно. Ничего. *(Уходит, сжав виски руками.)*

Звонок. Жена Соседа возвращается с Лизой. В руках у Лизы пакет. Она протягивает пакет Жене Соседа.

Лиза. Я зашла только поздравить вас. Волемира Потаповича до сих пор нет с работы, а я чувствую себя не очень хорошо. Так что извините.

Жена Соседа. Волемир Потапович звонил. Он просил передать вам, что выезжает в срочную командировку. Я замоталась, забыла, извините... Спасибо большое за поздравление, за подарок. Проходите... Знакомьтесь...

Лиза. Вот как. Не думала, не знала...

Гостья с голубыми волосами *(громким шепотом).* Это его жена.

Гостья с утиным носиком. Ой, как интересно.

Жена Соседа *(Лизе).* Простите, можно вас *(они отходят в сторону).* Скажите, только поймите меня правильно... Как человек близкий к Волемиру Потаповичу... Что вы думаете о нем?

Лиза. Вот как. Странно. А почему это вы, посторонняя женщина, задаете жене постороннего вам мужчины такой рис-

кованный вопрос? Ну хорошо, не станем ворошить. Не будем прикасаться. Знаете, я даже отвечу вам. Волемир Потапович очень несчастный человек.

Жена Соседа. Всего навсего? И вы уважаете его?

Лиза *(они говорят уже откровенно враждебно).* Поделом мне. Не следовало отвечать с самого начала. Но я рассчитывала на вашу тактичность. Впрочем, раз уж начала, надо продолжать. Хуже всего недоговорить. Тогда возникают домыслы, слухи. У меня были с ним счастливые минуты, даже дни. Не очень много, но были. И потому я чувствую перед ним определенные обязанности. Особенно при его полнейшей беспомощности в жизни.

К беседующим подходит Гость.

Гость *(к Лизе).* Прошу извинения... Разрешите вас на танец.

Лиза. Вы приезжий?

Гость. Математик из Харькова, Прорезинер.

Лиза. Как это удачно. Вы мой партнер на целый вечер...

Прорезинер. С радостью. У вас нет двоюродной сестры в Харькове?

Лиза танцует. Кажется, она не слышит вопроса. Потом внезапно говорит: "У меня ничего нет, Прорезинер".
Звонок. Входит Сосед, нагруженный покупками. Человек из ванной и Девушка. Они тоже с покупками.

Человек из ванной. Общий привет и поздравление. Хорошо, что мы встретили и частично разгрузили хозяина. Гнулся, как верблюд. Вы, конечно, извините, я шучу.

Сосед. На улице дождь, а здесь как весело, как прелестно *(жене)*. Семгу я достал.

Девушка *(тихо. Человеку из ванной).* Я не вижу его. Неужели его нет. Я пришла только, чтоб извиниться.

Человек из ванной. Тише. Вот Лиза, сейчас узнаем. Неудобно ведь повернуться и уйти.

Гость без особых примет (*держа бокал).* Товарищи, я предлагаю выпить за наших женщин, за наших

жен, за наших матерей... За наших мам, то есть...

Гость с перекошенным лицом *(слегка уже подвыпивший)*. А почему не за пап? Папу всегда игнорируют...

Пьяный гость *(мертвым сном, как казалось, спавший до этого на стуле, вскакивает)*. Я п-презираю папу Пия двенадцатого.

Гость с бородкой *(почесывая пальцами шею)*. У вас... То есть вы плохо выбрили шею. Удивительно. Ничего.

Шум, теснота, возгласы, музыка, танцы.

Ползет занавес.

Картина 4-я

Стол уже сдвинут в сторону, еда и бутылки на нем в беспорядке перемешаны. Лица у всех красные, мужчины без пиджаков. Лиза стоит у окна с Прорезинером. Гостья с голубыми волосами и Гость с перекошенным лицом сидят прямо на полу по-татарски. Человек из ванной танцует с Девушкой. Пожилой гость с Пожилой гостьей. Гостья с утиным носиком кормит Соседа конфетами и хохочет. В комнате еще гости, мужчины, женщины. За столом сидят друг против друга Гость без особых примет и Пьяный гость.

Гость без особых примет *(монотонно)*. Предлагаю выпить за наши идеалы...

Пьяный гость. Протестую.

Сосед *(Гостю без особых примет)*. Не надо путать идеалы с одеялами *(хохочет)*.

Гостья с утиным носиком тоже хохочет.

Жена Соседа *(входя в комнату, она слышит слова мужа, морщится)*. Я прошу тебя... Хоть бы в день моего рождения...

Сосед. Ну, ну, ну, ну... Серьезина какая... Ты беспрерывно выходишь, лапочка... Кажется, ты что-то ищешь... Может, ты ищешь идеалы? Не надо, лапочка. Я сам иногда бываю серьезиной. Помнишь, когда ты уехала. Я говорил такие

слова... Я думал про закон всемирного тяготения... Да... Все эти мировые открытия сделаны неудачниками... Когда у человека нет возможности обнять жену, он находит себе другие занятия.

Гостья с утиным носиком. Это хорошо *(аплодирует. К Жене Соседа)*. Где у вас, простите за грубость, удобства?

Жена Соседа. Ванна на ремонте... Налево по коридору...

Сосед. Неправда, неправда. Первое апреля. Пойдемте вместе. У нас превосходные удобства.

Жена Соседа *(хватает мужа за плечо)*. Ванна на ремонте.

Сосед. Шутит, шутит... *(Хохочет.)*

Гостья с утиным носиком *(тоже хохочет)*. Есть такой анекдот. Муж говорит: "Хочу идти в ванную". А жена говорит: "Ванная на ремонте..." А муж говорит: "Что ж там испортилось..." *(Внезапно замолкает. Сосед уже не смеется, с побледневшим лицом он смотрит на жену. Жена смотрит на мужа)*.

Жена Соседа *(медленно)*. Мне известен конец анекдота. В ванной притаился любовник.

Сосед. Дрянь... *(кидается к дверям)*.

Все затихают, смотрят на них. Жена Соседа отталкивает мужа от двери.

Жена Соседа. Там висит замок.

Лиза. Скажите, Прорезинер, что знает математика о человеке?

Прорезинер. На голове человека в среднем сто пятьдесят тысяч волос. В месяц их выпадает в среднем три тысячи. По этим данным можно высчитать, в среднем конечно, сколько держится на голове каждый волос.

Лиза. Спасибо, Прорезинер. Вы честный математик.

Сосед оглядывается вокруг, замечает Человека из ванной и облегченно вздыхает.

Сосед. Простите... Извините... Я выпил, я пьян...

Человек из ванной. Заранее прощаю. Но что?

Сосед. Я выпил... Все в порядке... Друзья мои... Прошу прощения... У меня недостатки... Я вырос в мещанской семье... Давайте танцевать *(хочет обнять жену, та отстраняется).* Я понимаю, я оскорбил... Но ты простишь... Давайте танцевать.

Снова задвигались пары. Смех, шутки. Привставшая было Гостья с голубыми волосами и Гость с перекошенным лицом садятся опять за стол.

Жена Соседа *(мужу).* Тебе бы отдохнуть. Ты позеленел от вина.

Сосед. Все в порядке, лапочка... Дай три рубля, покажу голую ногу. *(Хохочет.)*

Девушка *(танцуя с Человеком из ванной).* Правда ли, что Волемир Потапович не живет с женой... Сразу же после свадьбы предоставил ей полную свободу и удалился?

Человек из ванной. Это наглая ложь. Наоборот. Волемир Потапович страдает не от воздержания, а от чрезмерности.

Девушка. А ты?

Человек из ванной. Я человек счастливый, но коечем недовольный. Этот ответ я украл у одного известного писателя.

Гость без особых примет *(лежа подбородком на столе).* Да здравствует большая часть человечества!

Пьяный гость. Я презираю пацифизм! *(Разбивает бокал.)*

Гостья с голубыми волосами. Утихомирьте его. Он мешает тосковать.

Несколько мужчин, в том числе Гость с перекошенным лицом, пытаются вытащить Пьяного гостя из комнаты, но он разбрасывает их.

Пьяный гость. Я сейчас буду бить целый ряд товарищей!

Человек из ванной. Мне кажется, планета уж чересчур перенаселена.

Неожиданно набрасывается на Пьяного гостя сзади. Пьяного гостя выносят. Звонок. Входит фотограф.

Фотограф. Добрый вечер, поздравляю. Тариф прежний *(отдувается, вытирает пот).* Ну и времена. Я многого не требую. Иметь хотя бы твердых два покойника в день.

Сосед. Внимание, внимание. Групповой снимок.

Человек из ванной *(фотографу).* Вы странно продолжили мою мысль, которую я высказал за минуту до вашего прихода. Вы тоже считаете, что планета перенаселена?

Фотограф. Я считаю, что тариф на живых ниже тарифа на мертвых. Мне выгоднее фотографировать одного мертвеца, чем трех живых младенцев.

Человек из ванной. Почему?

Фотограф. Это штучки бухгалтерии коммунхоза.

Человек из ванной. А я согласен с вашим главбухом. Если бухгалтерия коммунхоза не поощрила бы смерть более высокой тарифной ставкой, в каких-нибудь два-три десятка лет материки покрылись бы непроходимыми лесами и степями, где кишели бы миллионы животных, борющихся между собой за место. Океан наполнился бы рыбой до того густо, что судоходство стало бы невозможным, а воздух сделался бы едва прозрачным от множества птиц и насекомых. Что касается человека... Сколько в настоящее время на Земном шаре людей?

Прорезинер. Поверхность Земного шара пятьсот миллионов квадратных километров. Между тем, объем тех нескольких миллиардов людей, которые живут сейчас на Земле, так скромен, что если б все человечество потонуло, например, в Ладожском озере, то вода в нем поднялась бы только на полсантиметра.

Человек из ванной. Простите, вы кто?

Прорезинер. Я математик.

Лиза. Это Прорезинер. Ему можно верить, он честный математик.

Человек из ванной. Превосходно. Значит, вы не считаете смерть благом, единственным, что спасает от перенаселения... Знаю, подобными теориями пользовались варва-

ры, каннибалы... Но что с того? Почему ж мы не отрицаем химию, ею ведь тоже пользовались гитлеровцы в своих душегубках.

Прорезинер. Если человечеству и может угрожать когда-либо опасность перенаселения, то это как раз результат войн и массовых убийств, эпидемий, голода и нарушения всех прочих человеческих норм. Перенаселение при более внимательном рассмотрении, как это ни парадоксально, есть порождение неестественно короткой человеческой жизни. Перенаселение есть дробление человеческой жизни. Общая сумма лет, отпущенных поколению, остается неизменной. Недаром, как правило, перенаселение угрожает наиболее отсталым странам.

Человек из ванной. Мне ваша мысль не совсем ясна. Тут какая-то поэзия, мистика, а я думал, что вы, математики, люди беспощадно точных свежих до холода мыслей.

Прорезинер. Я поясню свою мысль простым арифметическим примером. Какой-нибудь человек, допустим, согласно биологии, должен жить сто лет. Однако существующее нарушение естественных законов сокращает его жизнь вдвое. Поэтому вместо одного человека должны жить два. Общая сумма остается неизменной, хоть, безусловно, при прочих равных условиях одна столетняя жизнь значительно ценнее двух пятидесятилетних.

Человек из ванной. Вы меня не совсем переубедили... Впрочем, надо подумать... Вы не знакомы с Волемиром Потаповичем? Природа все-таки не математическое уравнение...

Во время разговора кое-кто из гостей пытается слушать, но вскоре отходит. По телевизору передают ритмические танцы. Входит Гость с бородкой.

Гость с бородкой. О чем тут? То бишь для чего тут?

Гостья с утиным носиком *(кивнув на Человека из ванной).* Этот гадкий мужчина пугал нас концом света.

Гость с бородкой. Так долго? По-моему лучше

зарычать: "бу-у-у". Это компактнее, а результат одинаков.

Человек из ванной. Вы оптимист.

Гость с бородкой. Вы сказали так, точно уличили меня в чем-то аморальном.

Человек из ванной. Нет, просто я думал раньше, что оптимист — это сказочная синяя птица, а здесь они разгуливают табунами, как в заповеднике.

Девушка. Ну не надо *(к Гостю с бородкой).* Простите его, он устал, он встревожен.

Лиза. Мне кажется, все мы как-то встревожены. Шутим, рассуждаем, а лица тревожные. Даже самые пьяные лица. Какие-то флюиды беспокойства витают в этой комнате.

Пьяный гость появляется из коридора. Он весь перепачкан штукатуркой.

Пьяный гость. Почему он рыдает? Шепчет и рыдает. Я хотел посмотреть, помочь, но там темно... Темно и пауки...

Жена Соседа *(обняв Пьяного гостя).* Сейчас мы будем фотографироваться на память. Вы станете рядом со мной.

Пьяный гость. Вы знаете, как я вас уважаю... Я разделяю все ваши симпатии и антипатии... Но скажите, почему он рыдает, так беспомощно и безнадежно, почему он не зовет на помощь в этой густонаселенной квартире?.. *(Он опускает голову и начинает вдруг похрапывать.)*

Сосед. Станем здесь. Полукругом.

Гости становятся в полукруг. Пьяного гостя, Гостя без особых примет и еще несколько "тепленьких" фигур укладывают штабелями на пол перед группой. Шум, разговоры.

Гостья с голубыми волосами. При круглом овале лица следует подчеркивать верхнюю губу. При продолговатом — нижнюю.

Гость с бородкой. Новейший анекдот. В вестибюле метро "Маяковская" в Москве сидит еврейский бог Иегова и торгует лотерейными билетами. Подходят Пушкин и Лермонтов...

Гость с Перекошенным лицом начинает хохотать, каждый раз вынимая зеркальце и глядя на себя. Одновременно он гримасничает.

Фотограф. Внимание *(щелкает).* Она... *(бормочет).* Дело не в мертвецах, дело в тарифной ставке... Разве мне приятно фотографировать мертвецов?.. Они мне снятся... От них воняет порошком против насекомых...

Пожилая гостья и Пожилой гость усаживаются за стол и начинают есть.

Пожилая гостья. Сосиску надо отваривать так, чтоб шкурка была целехонькая, не на пределе и лопалась от прикосновения горчицы. Тогда первый мясной сок смешивается с горчичными парами...

Пожилой гость берет куски мяса, нюхает их, а затем кусает, широко разинув рот. Запивает водкой.

Девушка *(Человеку из ванной).* Как они едят. Посмотри, как он впивается зубами в мясо, отдирает мякоть от костей. У меня прямо холодок по коже...

Человек из ванной. Мы живем в четвертичный период, это пока еще предыстория человечества. Плохие ученики в грядущем обществе будут путать нас с неандертальцами.

Прорезинер. Но скептикам грядущего ведь тоже может показаться, что они в предыстории и потомки будут путать их с неандертальцами и с нами. А в конце концов окажется, что предыстория и была, собственно, историей.

Человек из ванной. Это мелко. Прошлое ваше возражение было интересней.

Гость с бородкой *(Гостье с голубыми волосами).* Эррудиция. Какое слово. Два "эр". Можно обучить попугая. Кстати, о попугаях. Неужели ты думаешь, миленькая, что попугай, умеющий говорить "попка дурак", умнее попугая, не умеющего говорить "попка дурак".

Человек из ванной *(Гостю с бородкой).* Согласен с вами. Помимо эрудиции существует еще и первородная мудрость. Один немецкий ученый, например, утверждает, что ребенок, достигший трехлетнего возраста, приобретает треть тех идей и познаний, с которыми он стариком ложится в могилу.

Гость с бородкой. Вы сегодня слишком много цитируете. Закусывали бы хоть соленым огурцом. Как бы не стошнило.

Девушка *(Человеку из ванной).* Пойдем танцевать.

Человек из ванной *(смотрит на Гостя с бородкой)*. Однако быстро вы иссякли...

Гостья с голубыми волосами. Вы оба милые, умные люди, просто у вас какое-то фрейдистское отталкивание. Я люблю тоску, разговоры, такие тихие, такие щекотные... Знаете стихи: "Вчера давно уже умчалось, быть может завтра не придет, и лишь в одном сегодня радость бесспорно человек найдет".

Пожилой гость *(охмелев, неожиданно ударяет кулаком по столу).* Молчать! Я старый чекист, едри вашу кость!

Сосед и еще несколько мужчин берут Пожилого гостя об руки и ведут к дверям.

Пожилой гость *(кричит).* В тридцать восьмом на мне числились: наган, винтовка, противогаз и шелковая вожжа для связывания... Раз-два... *(Вырывается и пытается приемом скрутить Соседу руки. Его вновь хватают и уводят).*

Лиза. Так что ж все-таки знает математика о человеке, Прорезинер?

Прорезинер. В теле человека примерно в четырнадцать раз меньше литров крови, чем килограммов в его весе. Каждое кровяное тельце имеет поперечник семь тысячных миллиметра, а толщину две тысячных миллиметра.

Фотограф. Товарищ Прорезинер, у вас золотая голова *(выходит).*

Пьяный гость и Гость без особых примет одновременно выползают откуда-то из задней комнаты и подходят к столу.

Пьяный гость. Он рыдал так искренне, так нежно.

Гость без особых примет. Либерализм. Голосую за строгий выговор с предупреждением *(поднимает руку.)*

Пьяный гость. Не умея прощать, вы не достойны... Это самое... Рецен-дрецен-пере-пере-тацен... То есть, тьфу, что я сказал... Хотел изложить серьезную мысль и вдруг вот здесь, в черепе, я даже почувствовал в каком месте, сантиметра на два повыше правого уха что-то затрещало, точно искра, и из мозга моего, растоптав глубокую и гуманную мысль, вырвалось что-то нечленораздельное и нерусское...

Вдруг в передней раздается крик, топот, и в комнату вваливается перепуганный Фотограф.

Фотограф. Там, там... Оно стоит и колышется... Я хотел перезарядить пленку, а оно стоит на пороге...

Гость с бородкой. Лет сто назад один наш парижский коллега вызывал с помощью спиритизма духи умерших, фотографировал их, а карточки продавал родственникам покойного. Был процесс, его обвинили в мошенничестве, но вы в данном случае могли бы его реабилитировать, как очевидец *(смеется).*

Фотограф. Товарищ Прорезинер, вы, конечно, отрицаете тот свет, как опиум для народа. В молодости я видел представление в театре... На базарной пустой площади ночью собираются мертвецы... Он похож... Он весь белый... То есть оно... Я не знаю, как это... Оно стоит на пороге ванной...

Гостья с утиным носиком. Ой, как интересно.

При слове "ванна" Сосед, благодушно похохатывавший до этого, заинтересованно поднимает голову, потом меняется в лице, вскакивает, в два прыжка пересекает комнату, роняет что-то в передней, издает дикий вопль, вталкивает в комнату человека в купальном халате и в тапочках, подбегает к телевизору и двумя умелыми ударами по крышка разбивает его. Гости вначале смотрят оторопело, потом начинают хохотать. Человек прикрывает лицо полотенцем, стоит согнувшись. Только Человек из ванной не смеется, смотрит пристально и серьезно.

Гости. Анекдот!

А может, это розыгрыш... От дает... Остро...

Сосед *(подскакивает, рвет полотенце, замирает, потом медленно начинает отступать).* Волемир Потапович? Вы...

Наступает тишина. Лиза внешне выглядит спокойно, лишь побледнела и опирается на руку Прорезинера.

Гость с бородкой *(после паузы).* Посмотрите, какие у этого праведника белые худые ноги... Это всегда тревожно, когда рядом праведник... Это всегда упрек, само существование его, нам, грешным... Но теперь я успокоен... Оказывается, и праведники оголяют свои худые ноги...

И начинается хохот. Смеются икая, хватаясь за бока, кружась волчками на месте, повалившись на стулья и дергаясь всем телом. Не смеются лишь Лиза, Прорезинер, Человек из ванной, Девушка и Сосед. Волик стоит с застывшим лицом, изредка поглядывая на Лизу, но такое впечатление, что он как бы удовлетворен происходящим. Появляется Жена Соседа. Она в плаще, видно, выходила куда-то. Она подбегает и становится против Волика.

Жена Соседа *(тихо).* Зачем ты вышел... Я заказала такси... Все было бы так хорошо...

Волик. Я не мог... Я сидел на краю ванны и слушал... Вначале мне показалось даже проще, чем я предполагал... Временами я забывался... Вода пахнет хвойным раствором... Мягкий свет... Удобно... Коже приятно... Вот в этом суть... Почему человеку трудно выдержать пытку? Не потому, что тело жгут раскаленным железом, а потому что иногда перестают жечь... Он не выдерживает именно этих мгновений... Он запоминает их так ярко... Его ломает не боль, а это сравнение с секундами блаженства... Вернее, тогда это просто секунды без чувств... Как блаженство он их ощущает потом, при сравнении. Они существуют одновременно с болью, и это ее удесятеряет.

Жена Соседа. Зачем я сняла замок, зачем я послушала тебя...

Волик. Я не мог... Там у тебя на потолке пятно сырое... Я смотрел на него... Мне вдруг показалось, еще немного, еще

мгновение, и я закричу... Страшно... Это напомнило мне другое состояние, когда я сидел ночью на лодке, переполненной счастьем... И мне тоже хотелось крикнуть... Нечто общее было... В чувстве, доведенном до предела, что ли... На какие-то доли мгновения забываются причины, и остается лишь состояние без эмоций... И тогда и теперь... Ни радости, ни тоски,.. Лишь мгновение... В нем-то и вся пытка... Когда перестают жечь тело...

Смех утих. Гости смотрят, некоторые с испугом, некоторые с удивлением. Жена Соседа проводит ладонью Волику по мокрому лицу, запахивает халат.

Гостья с голубыми волосами *(шепчет)*. При живом муже... Господи, господи...

Гость с бородкой. Молчи.

Лицо Лизы вдруг искажается.

Лиза *(кричит)*. Блудница... Подлая проститутка...

Волик. Лиза, ты не можешь так... Ты благородна... Это несчастная женщина... Одинокая... Я виноват во всем... Меня презирай...

Жена Соседа *(кричит Лизе)*. Я люблю этого человека... Мне наплевать на всех, пусть слышат... Я непорядочна, да... Но я искала и нашла... Я понимаю, что недостойна... А ты... Тебе выпало такое счастье... Но разве ты способна понять... С таким зубастым лицом...

Волик *(Жене Соседа)*. Ты не смеешь... Она чистая, она прекрасная... Мы с тобой перед ней пустота... Спасибо тебе, Лиза, за то счастье... В общем за то... За все...

Лиза. Паяц, лицемер... Сначала ты опозорил меня своими камушками... Над нами смеялся весь город... А теперь так мерзко, так пошло...

Волик. Ты оставишь меня?

Лиза. Разумеется. Сегодня же.

Волик. Спасибо, Лиза... Вот сейчас я себя немножко лучше почувствовал... На самую малость... Нет, конечно, вернуть

уважение к самому себе — это утопия... После моего предательства, после вероломства... После жизни меж двух замочных скважин, в которых лишь один я повинен... И венец всему этому ванная... Я — Человек из ванной... Кстати, вот и вы... Добрый вечер...

Человек из ванной. Поверьте, невзирая ни на что, я продолжаю глубоко уважать вас. Я понимаю, как страшна была бы жизнь, если б все люди были такими, как вы... Но жизнь была бы не менее страшна, если б не было ни одного такого человека... Простите, может, я слишком много на себя беру, но зачем вы это сделали?.. Вы ведь это сделали умышленно, ведь правда?

Волик. А зачем вы это сделали?

Человек из ванной. Я купался...

Сосед подходит к жене и смотрит не нее заискивающе.

Сосед. Мы уладим, мы простим, мы свои люди тут... Зачем, зачем усложнять... Бывает, все бывает... Я сейчас починю телевизор... Мы возьмем в кредит шубу...

Жена Соседа. Для чего мне шуба, муж мой дорогой... У меня жизни нет... Шуба есть, а жизни нет...

Волик. Я не позора боялся. Позор мой справедлив. То есть я достоин... Но я боялся, что ты, Лиза, в благородстве своем пожертвуешь жизнью, молодостью, чистотой ради меня... В позоре, в унижении... Это значит — все напрасно... Это значит — я палач, я осквернитель... Это значит — я погубил навек такую женщину... Нет, это было бы слишком жестокое наказание, даже при моих позорных поступках... Тем более что где-то в глубине у меня проскакивала такая мысль... Даже желание... Ты останешься, простишь... Разделишь мой позор... Мы вернемся и будем сидеть всю ночь молча, не касаясь друг друга и даже не глядя... А утром уже новая жизнь... Да, в этой мысли весь я, весь мой эгоизм... Это самый дурной мой поступок... Дурнее ванной...

Лиза *(кричит)*. Ты интриган... Теперь я раскусила тебя... Ты пытаешься тихонько пролезть, опутать... Мой отец... Я не слушала его, он раскусил тебя раньше...

Волик *(испуганно).* Лиза, поверь, я искренне. Впрочем, я рад. Я все-таки тоже повинен в этой справедливости. Я помог отсечь от живого тела мертвое, гнилое...

Жена Соседа *(Волику).* Вот сейчас ты отвратителен. Вот сейчас ты дерьмо. Да посмотри на нее. Ведь она перед тобой блоха. Она уродлива. Она глупа, как индюшка.

Волик *(после паузы).* В первое мгновение меня обдало жаром... А теперь мне смешно. Как она смотрит на тебя. Что значим мы оба перед ней... Спасибо, Лиза, что ты позволила мне хоть недолго быть счастливым возле тебя... И если любовь моя к тебе остыла, то только потому, что я обнищал вот здесь, внутри... Я перестал любить тебя, Лиза, потому что начал себя презирать...

Человек из ванной. У каждого свой лебедь, свой рак, своя щука... У одних большая щука, маленький лебедь, у других большой лебедь, маленький рак...

Прорезинер. В математике это называется сложением сил по параллелограмму. Главное, в какую сторону направлена равнодействующая...

Волик *(Прорезинеру).* Вы стойте рядом с Лизой... Я вам немного завидую, может, даже крепче завидую... Но я искренне желаю вам всего, всего... Раз Лиза рядом, я испытываю к вам глубокую симпатию...

Прорезинер. Мне интересны ваши суждения... Мне кажется, чувства тоже поддаются математическому анализу... Чувство —это энергия живого вещества... Насчет нейтральных точек в чувствах чрезвычайно занятно... Достигая предела, они утрачивают знак... Остается только абсолютная величина... Недаром в сильном горе человек не плачет, а в сильной радости не смеется... Где-то чувства смыкаются... Конечно, на крайне малом промежутке... Может потом, когда после проникновения в неорганическое вещество, наступит черед вещества живого, когда после века атомной физики наступит век биологии, мы расчетным путем найдем этот промежуток.

Человек из ванной. Как только математика проникнет в человеческие внутренности, жизнь станет понятной и скучной.

Гость с бородкой. Я не пойму. Может, я не совсем ощущаю ситуацию. Муж изменил жене — раз. Он спрятался в ванной — два. Его нашли — три. Он стоит перед нами в халате — четыре. У него худые белые ноги — пять *(смеется).* Вышел зайчик погулять. Вот и вся математика...

И снова начинается смех. Правда, смеются уже не так громко. Фотограф, например, смеясь, непрерывно оглядывается. Гость с перекошенным лицом смеется, смотрясь в зеркальце. Пожилой гость, неизвестно откуда появившийся весь в пуху, смеется, удивленно протирая глаза, точно не веря происходящему. Пьяный гость, Гость без особых примет, Гостья с голубыми волосами тоже смеются как-то не в полный голос.

Человек из ванной *(Гостю с бородкой).* А вы ведь боитесь чего-то. Так со страха смеются. Вы хорохоритесь, как подросток, у которого со страха дрожат колени, да он поет и смеется, чтоб подбодрить себя.

Гость с бородкой. Вот как. Чего же я такого боюсь?

Прорезинер. Бесконечности. Есть такой математический значок. Восьмерка, лежащая на боку. Там, где властвует эта спящая восьмерка, все непохоже. Параллельные пересекаются, от перестановки слагаемых сумма меняется...

Гость с бородкой *(продолжает).* Муж, изменивший жене и спрятавшийся в ванной, становится поводом для научной дискуссии.

Лиза. Ах, все мы боимся бесконечности... Вернее, большинство... Это очень к месту, насчет бесконечности... Я кричала, я ругалась... Это под настроение... Вернее, потому что я не знаю, как поступать иначе в такой ситуации... Я не сердита на тебя, Волемир, у меня просто голова кружится. Я долго думала о тебе, я не соглашалась со своим отцом... Да он и неправ, я в этом даже теперь уверена... Но все-таки я ухожу от тебя... Даже без сегодняшнего, я бы все равно ушла...

Волик *(тихо).* Вот теперь верю. Знаешь, Лиза, я ведь до этих твоих слов думал, что все образуется... Это так нагло, даже смешно... Я уверен был, конечно, нам надо расстаться... И в то же время не было ни секунды, лишь теперь я понял, ни

секунды, когда б я верил, что это перейдет из области чувств в область реальную с чемоданами, с обменом квартиры... Насчет любви я тоже лгал... Нет, не подумай... Я всегда лгу по цепочке... Вначале я обманываю себя, а потом уже честно обманываю других... Конечно, я люблю тебя... Кого ж мне еще любить, как не тебя... Я просто лишил себя этого права за предательство чувств... За вероломство... Подобно тому, как лишают себя жизни... Понимаешь... И многие поступки мои, как в лихорадке... Я боялся не выдержать и торопился... Старался сделать невозможным возвращение... Бесконечно любимое приносится в жертву бесконечно истинному... Как это верно сказано там, в этом... В общем не помню где...

Человек из ванной. Волемир Потапович, вы б вышли с женой, объяснились наедине.

Волик. Нет, теперь уж все равно. Теперь я поверил.

Сосед. Вот и хорошо, вот и все в порядке. Раз поверили, значит, помиритесь... Опыт моей семейной жизни... Знаете, у вас такое грустное лицо, вроде у белуги. *(Смеется.)* Знаете, эти ребята как скажут... Иду я раз, школьники дразнят школьницу: белуга, белуга... Оглядываюсь — точно... До чего похожа... Губы вытянуты, нос... Белуга *(хохочет).* Кстати, тоже не менее смешно. Говорят, какой-то грабитель, это раньше, не теперь, оставлял ограбленным женщинам драгоценности, часы, платья, а снимал только бюстгальтеры...

Кто-то хохотнул, но сразу же замолк. Наступила тревожная тишина. И вдруг Жена Соседа подбежала к мужу и подняла над ним обе руки, точно желая ударить его ладонями по голове. Сосед перехватил ее запястья и испуганно зашевелил губами.

Гость с бородкой *(Гостье с голубыми волосами).* Какой фейерверк семейных драм.

Сосед (испуганно). Но ведь я хотел поднять... То есть развеселить... Я так смеялся, когда мне рассказали...

Гость с бородкой. По-моему, вы просто рассеянный человек. Вы не произносите слова, а теряете их... Просто из вас выпадает то, что лежит с краю и плохо закреплено... Впрочем, все мы немножко рассеянны... Скажите, вас никогда не упрекали за плохо выбритую шею?

Жена Соседа смотрит на мужа, потом подходит к Волику, останавливается и вдруг, привалившись к его плечу, начинает всхлипывать. Волик осторожно прикасается ладонью к ее волосам. Сосед ходит вокруг, делая странные глотательные движения и шевеля руками, вроде пытаясь что-то взять, подгрести к себе.

Пожилой гость *(вылавливая пух в голове и дуя на него).* Что это такое? Путается у меня все, путается...

Гость с бородкой. Это конец света. Апокалипсис. Скоро появится железная саранча.

Жена Соседа поднимает голову, смотрит на Волика, потом выходит в коридор. Сосед хочет пойти за ней, но останавливается, подходит к столу, садится, прикрыв глаза ладонью...

Пожилая гостья *(шепчет).* Скандал. Подарочек ко дню рождения.

Волик садится перед Соседом.

Волик. Давайте поговорим. Мы с вами по-настоящему не говорили еще сегодня. А ведь между нами теперь какие-то новые отношения...

Сосед *(устало).* О чем нам говорить?

Волик. Давайте поговорим о человеке. О его миссии на земле... О таких вещах обычно говорят в мантиях. Поэтому у нас все-таки какое-то своеобразие. Какая-то иная плоскость. Особый взгляд на эту проблему. Вы только что сказали ужасно пошлую сальность... Я вылез из чужой ванны... Из вашей... Тут круг... Я ведь помню вас мальчиком... Помните горсад... Впрочем, об этом мы уже вспоминали... Почему же теперь наши взаимоотношения так запутались?.. Что постигаем мы, взрослея? Впрочем, дело не в нас двоих... Человек слишком много не допускает, а потом стремится наверстать... Отсюда лихорадка...

Сосед. Помирали б люди в семнадцать лет. Только, чтоб все, чтоб никому обидно не было.

Лиза. Как много здесь говорят сегодня вздора. Прорезинер, вы математик, скажите тоже что-нибудь.

П р о р е з и н е р . Геометрическая симметрия невозможна для произведений живой природы. А всякое отсутствие симметрии влечет движение по дуге. Обратили ли вы внимание на полет ослепленных птиц? Они летят по кругу. По кругу движется и заблудившийся человек.

Г о с т ь с б о р о д к о й . Это меня успокаивает. Значит, мы прячемся в чужих ванных или говорим сальности только потому, что не симметричны? Потому что правая нога толще левой...

В о л и к *(Соседу).* Нам мешают. Так мы никогда не выясним с вами истины.

Л и з а . Я все-таки не поняла, Прорезинер.

П р о р е з и н е р . Жизнь требует постоянного напряжения. Иначе она движется по дуге. Человек существует ради этого напряжения.

Г о с т ь с б о р о д к о й . Наслушаешься таких слов и захочется вдруг стать симметричным *(раздвигает руки в стороны, смеется).*

В о л и к. Вот нам и ответили, ради чего мы существуем. Мы существуем ради напряжения, выпрямляющего дугу в прямую... Или в спираль... Знаете, Прорезинер, в вас есть что-то щучье. Нет, я по-прежнему испытываю к вам симпатию... Вы щука на какой-то другой манер... Вы полезный хищник. Знаете ли вы историю со змеями, крысами и мангустами?

Входит Жена Соседа. С ней Старушка.

Ж е н а С о с е д а *(Старушке).* Вот он *(зовет).* Волемир Потапович.

Волик оглядывается, замечает Старушку, кидается к ней, целует.

В о л и к. Здравствуй, мама. Я думал, ты на следующей неделе. Я встретил бы тебя.

С т а р у ш к а . Мне сказали, ты на свадьбе. Приехала, квартира закрыта *(показывает на Жену Соседа).* Это твоя новая жена?

В о л и к . Что ты мама, это соседка, разве ты не узнаешь? А вот Лиза.

Лиза подходит, прикасается губами к щеке Старушки.

Л и з а . Здравствуйте, мама.

С т а р у ш к а . Вы, молодые, так торопитесь... А почему ты в халате? Ты купался? У тебя волосы мокрые...

В о л и к . Да, мама, я купался.

С т а р у ш к а . Катя тебе привет передает. И Ферапонт. И Танечка.

В о л и к . Спасибо, я напишу... Я устал немного, ты не обижайся.

С т а р у ш к а . Нет, нет, нет. Сейчас ты будешь с Лизой танцевать. На той свадьбе ты куда-то спрятался. Уплыли на лодке. Я мать, я думаешь не переживала... Знаешь Ферапонта... Ну его к собакам. Я поругалась и уехала. Над тобой смеялись, а теперь ты плюешь... У тебя красивая жена, и ты должен танцевать, чтоб они лопнули... О чем это я? Ах да... Как я рада тебя видеть...

В о л и к . Но у меня болит голова, мама.

Л и з а . Он сейчас переоденется после купанья и мы потанцуем.

Жена Соседа подводит Старушку к столу, ставит перед ней тарелку с кусками пирога. Волик смотрит на Лизу, на мать, выходит. Появляется Сосед с Мастером по ремонту телевизоров. Волик поворачивается опять к Прорезинеру.

В о л и к . Чтоб избавиться от ядовитых змей, жители одного из островов привезли специальных птиц, истребляющих змей. Змеи исчезли, но развелись крысы, поедавшиеся ранее змеями. Тогда развели мангуст, истребивших крыс. Однако расплодившись, мангусты стали истреблять домашних животных, посевы... В общем, что-то в этом роде...

Ч е л о в е к и з в а н н о й . Мораль вашей прозаической басни ясна. Существовать должны одни травоядные. А не станет ли жизнь после этого двигаться по дуге?

Д е в у ш к а *(подойдя к Волику).* Я хотела бы извиниться... Я поступила глупо. Я не поняла вас тогда.

В о л и к *(смотрит на Девушку).* Да, да... Я пытался забыть ваше письмо. Вначале я вспоминал его до малейших

подробностей, а потом начинал думать о барашках. Но это все бесполезно.

Гости, сбившиеся ранее в кучку, теперь разбрелись, каждый занимается своим делом. Кто ест, кто танцует, кто беседует. Пожилой гость рассказывает что-то Пожилой гостье и Гостье с утиным носиком.

Пожилой гость. Числился также на мне пинджак в полоску и брюки такие же, хе-бе. Это на случай маскировки, чтобы незаметно приблизиться, весь сержантский состав имел. А кепку каждый на свои деньги покупал, у кого какая. *(Гостья с Утиным носиком начинает хохотать.)* Ну и дура.

Гостья с утиным носиком *(разозлившись).* Сам, сам, сам... Вас теперь всех разоблачили...

Гость с бородкой *(Гостье с голубыми волосами).* Обрати внимание, после семейных неурядиц всегда возникают неурядицы политические. *(Танцуют.)*

Мастер *(Соседу).* Вы платите за свет благодаря счетчику? Может, это проводка горит? *(Подходит к телевизору.)* Нет, опять упало что-то сверху.

Сосед *(Мастеру).* Однако каково... Представьте себе, я знал человека очень солидного, уважаемого, главу семьи, безукоризненного поведения и неглупого. И кто бы мог подумать, что, оставшись наедине с собой, он иногда, разумеется не всегда, но иногда возникает потребность... он одевает крахмальную свежую рубашку, перламутровые запонки, галстук, новый пиджак, а снизу он, простите, без брюк и вообще, так сказать, в натуральную величину. И вот в таком виде ходит перед зеркалом. Разумеется, заперев дверь и опустив шторы. Не подумайте, что он ненормальный. Просто он приоткрывает клапан и выпускает определенного рода энергию, которая существует в каждом и подавление которой ведет к больным нервам. Он советовался с врачом, и это даже одобрили. Хотя насчет врачей точно утверждать не буду.

Входит Волик в костюме. Они с Лизой медленно танцуют.

Волик *(тихо).* Я пойду ночевать к приятелю.

Лиза *(тихо).* Матери мы скажем, ты в командировке. А

потом я рассчитаюсь на работе и уеду... Как я рада, что мы расстаемся друзьями.

Старушка *(Жене Соседа).* На третьей неделе Волик уже сам садился в коляске. Чепчик с головки срывал... Сорвет и бросит. *(Смеется, жует пирог.)*

Лиза *(тихо).* Хорошо, что у нас не было детей.

Волик. Да, Лиза, хорошо... Хорошо, что мы встретились, жили... Как это началось? Это началось тут... Он прятался в ванной... Почему он прятался в ванной, такой мыслящий?.. Все началось с белого пятна, потому так запуталось... Я ему рассказал... Нет, какая-то необходимость была, но крайне незначительная... Я вдруг почувствовал потребность рассказать. Опять пятно. На географической карте существование белых пятен признано, потому-то они и исчезли. А нам еще предстоит долгое плаванье... Знаешь, в утробе матери мы проходим все этапы жизни. Вначале мы одноклеточная плазма. Потом многоклеточная. Потом мы приобретаем форму существ нам не известных. Потом мы становимся рыбой. Потом земноводным. Потом пресмыкающимся... Это не поэзия... Это биология, это медицина так считает. За девять месяцев утробной жизни два миллиарда лет. С двухмиллиардной историей каждый из нас появляется здесь, и все эти многоликие существа живут в нас, мы несем их в себе и тут тоже пятно... Главное, признать существование пятен. В познании это первый шаг. Смешно противопоставлять взгляд из глубин вселенной на человека, взгляду из глубин человека на вселенную. Это все равно, что противопоставлять неорганическую химию органической... Впрочем, я несколько отвлекся...

Жена Соседа танцует с Прорезинером. Лицо ее усталое, но более оживленное.

Жена Соседа. Я люблю осенние яблоки. Летние яблоки мягкие, гнилые, теплые, а осенние крупные, чистые, с толстой чистой кожурой.

Танцуют Гостья с голубыми волосами и Гость с бородкой.

Гостья с голубыми волосами *(томно, капризно).* Как я устала от своей фамилии. Мне нравится фамилия Хиггенс. Как бы я хотела быть Хиггенс.

Гость с бородкой. Это уж как повезет. У меня есть приятель, так его фамилия Ципес. Счастливчик.

Гостья с голубыми волосами *(кладет партнеру голову на плечо, говорит с грустью).* Уехать бы в какую-нибудь сельскую местность и там пахать почву. *(Танцует.)*

Проносится а танце Гостья с утиным носиком и Гость с перекошенным лицом.

Гостья с утиным носиком *(щебечет).* Он такой умный, такой образованный... Над столом у него висит плакат Лермонтова... *(Хохочет.)*

Пьяный гость. Я должен провозгласить тост, но руки у меня уже не функционируют... *(Задумавшись.)* А все-таки на чем жизнь зиждется?

Волик *(медленно танцуя с Лизой)*. Математики говорят, человек существует для выпрямления геометрической дуги в спираль. Ну и профессия... Знаешь, мальчишкой я выпрямлял стальные стержни... Один конец зажимаешь в тиски, на второй наваливаешься... Или болванки таскал чугунные... В шестнадцать лет... Вдруг вспомнилось... Шея разбухает, глаза выдавливает наружу, и вот здесь, повыше затылка что-то горячее начинает под волосами по коже поглаживать так нежно, лениво... Зато потом душ... И сразу обволакивает всего, тело еще помнит тяжесть, и эта тяжесть сталкивается мгновенно с покоем. На мгновение ты как бы весь испаряешься... Это тоже высшая точка... Как тогда на лодке, помнишь?.. Потом тяжесть исчезает, начинает плескать вода, барабанить по ушам, ноги твои опять вырастают, упираются в пол... Впрочем, о чем я?.. Снова забыл, что мы расстаемся... Быстрей бы Прорезинер подсчитал математические точки... Бредешь вслепую, теряешь дугу. Все-таки жаль, что у нас нет детей. Это не к слову, просто подумалось... *(Внезапно останавливается, впивается руками в кожу, точно хочет что-то отодрать от лица.)* Что я натворил?.. Лиза... Прошу тебя, останься... Умоляю...

Все вздор... Солнышко мое... Ты плохо одета... Мне больно... Я буду работать ночами. Мы возьмем в кредит шубу...

Лиза смотрит на него, затем просовывает свои пальцы под его ладони.

Лиза *(тихо).* Это мгновение, Волик. Это секунда... Ты устал... Ты настоящий... Ты милый мой... Ты такой, как всегда... Ты чистый... Я тебя по-прежнему уважаю... Нет, даже по-новому... Невзирая ни на что... Я люблю тебя... Я влюблена в тебя... Но жить с тобой не могу... Не умею... Это было бы нечестно притворяться... Я хочу жить с человеком рядом. Я не могу жить все время запрокинув голову...

Старушка *(улыбается, жует пирог).* Волик, я только сейчас заметила, какие у тебя большие ноги. А у тебя ведь были такие маленькие ножки...

Гости танцуют. Звучит тихая музыка.

Ползет занавес.

Юрий Дружников

ПОСЛЕДНИЙ УРОК

Директор школы Гуров не знал, как поступить. Прямого указания сверху не было, сказали, мол, разберетесь сами, но так, чтобы до конца учебного года вопрс был решен правильно. Гуров уж и в райком ездил, дескать, намекните, а как будет правильно? Там отвечали: вам же сказали решите самостоятельно. Вот и действуйте. Ошибетесь — тогда и будем поправлять. Легко сказать! Если ошибешься, уж ничего не докажешь, и никто старых заслуг не вспомнит. Вот почему Гуров откладывал. А учебный год спешил к концу, откладывать некуда.

Месяц назад в школу нагрянули одна за другой три комиссии из разных инстанций. Перекопали до дна, а причину тщательно скрывали. Гуров грыжей чувствовал: что-то идеологическое. Но что именно, не мог выяснить, несмотря на все связи. Ничего страшного, видимо, не раскопали. Дела в школе были не хуже, чем в других, а в чем-то даже и лучше. Учительскую перестало лихорадить, все вошло в свою колею. И вдруг:

— Ну, рады за тебя, — поздравлял Гурова завотделом школ в райкоме, — что телега не подтвердилась.

— Телега? — его словно током ударило.

— Да, анонимка, из-за которой весь сыр-бор. Учитель географии Комарик расхваливал на уроке американский империализм.

— Что? — Гуров поперхнулся и закашлялся, не мог остановиться.

— Не заходись... Ведь не подтвердилось. Учитель старый, уважаемый. А насчет того, что политики у него на уроках, будем говорить, недостаточно, факт, к сожалению, установленный. Дыма без огня не бывает. Там где не все пронизано идеологией, остаются щели. Вот в щель и подуло. Кстати, сколько?

— Шестьдесят один.

— Шестьдесят один плюс беспартийный. Надо тебе этот вопрос подработать. Зря что ли комиссии работали? Хотя, конечно, учитель известный на всю Москву, разговоры пойдут, дескать, не бережете кадры.

— Так как же быть-то?

— Придумай.

По дороге домой Гуров вспомнил, как Пал Палыч вылез недавно на педсовете с неуместным замечанием. Гуров вел еженедельное тридцатиминутное чтение газеты "Правда" для всей школы, а Комарику показалось, что для младших классов это рановато, да и тяжело им стоять навытяжку, без движения.

— От жизни отстаешь, Пал Палыч! Они ведь будущие защитники родины, — пристыдил его тогда Гуров, не придав значения недовольству Комарика, а оказалось, зря не придал.

Мучился Гуров недолго, когда указание поступило, — надо выполнять, немедленно. А после думай, сколько влезет. Хотел он посоветоваться с учителями, которым доверял, но боялся, что раньше времени слухи по школе поползут, и делиться ни с кем не стал, кроме завуча, да и то, чтобы выяснил насчет автора анонимки (а то завтра на меня напишут!) . Он придумал прямо-таки гениальный ход, чтобы все были довольны.

— Пал Палыч, — он распахнул дверь учительской. — Тебе не трудно зайти ко мне?

И скорей вышел, вздохнув. Убирают-то не за старость, а за политику — тут уж мораль ни при чем. И нечего пускать интеллигентские сопли. Черт дернул Комарика жалобу на себя спровоцировать. Чего он там такое ляпнул? А с другой стороны, Гурова поставили в эту школу не так давно и скоро возьмут в Министерство. Как бы учителя не приняли шаг нового директора за желание выслужиться и бюрократизм. И без того зовут за глаза полковником. Гурова действительно бросили на укрепление фронта просвещения после отставки из армии, но он всегда старался быть гуманным. Выгонять человека с почетом — это не он придумал. Так и на самом верху делают.

Пал Палыч сразу захлестнул и прислонил к стенке потертый портфель с поломанным запором, открыл директорскую дверь и остановился посреди кабинета с непременным портретом того кого надо. Старик помнил, что на этом месте одно время висел Хрущев, а до него Сталин, портреты эти и сейчас стоят в пыли за шкафом, Гуров небось и не знает.

Директор поднялся и, задев животом угол стола, двинулся к учителю. В принципе все уже решив, он опять заколебался: а что если решение преждевременно? Но защищать старика нельзя. Если защищаешь — ты с ним заодно. И Гуров не смалодушничал, не отступил.

— Любезный Пал Палыч! — он взял старика за локоть. — Говорят якобы анонимка тебя обидела. Пустяки. В чем там дело-то?

— А дело серьезное, не пустяки. — Пал Палыч вытащил из кармана малюсенькую щеточку и пригладил седые усики, делавшие его похожим на благородного иностранца. — Я этот пример лет тридцать привожу, когда проходим Голландию. Но до сих пор анонимок не поступало.

— Да что за пример-то?

— Немцы из других стран вывозили ценности, специалистов. А из Голландии везли в вагонах землю. Вот какие были умные фашисты.

— В каком смысле? — осторожно спросил Гуров.

— А в том, что земля голландская так ухожена, дает такие урожаи, что они даже больше, чем в американском штате Айова.

— Да при чем тут Айова?

— Мне уже Марина Яковлевна говорит: "На кой вам Айова!? Сравнивал бы лучше с Кубанью, что ли...". Хорошо, на будущий год сравню с Кубанью...

Черт дернул старика трепаться про эту Айову. Промолчал бы, никто бы его не трогал. А теперь — все ангелы, а Гуров — змей горыныч

— Пал Палыч, — Гуров взял быка за рога, — я слышал ты на пенсию собираешься. Нехорошо скрывать от нас, нехорошо. Все-таки мы — твоя вторая семья. У коллектива встречное предложение: не просто тебя проводить, а торжественно, пригласить общественность на последний урок...

Сказав, Гуров ощутил неловкость. Какая вторая семья, когда семьи у Комарика никогда не было. Еще подумает, что намекнул на давнишний флирт с завучем Мариной Яковлевной.

Пал Палыч не знал, что собрался на пенсию. Пожевал губами и произнес что-то вроде "мм-мм-м". Растерялся, но возражать администрации ему в жизни не довелось. Возражал он после, про себя, когда шел домой.

Слякотно было, как осенью, а ведь шло начало мая. Асфальт на тротуаре местами провалился, лужи, рыжие от глины, отражали заборы и прохожих. Сырость пробиралась внутрь, портфель тянул руку, хотя был почти пустым. Все, что могло понадобиться на уроках, лежало в голове. От кого же он слышал, полковник, что я собрался на пенсию? Может, из роно указание? Стало быть, пора меня, гнилого интеллигента, гнать.

2

В середине мая потеплело, и Пал Палыч открыл окно. Вечером дворовая ребятня разбрелась по домам, стало тихо. Он сидел за столом, покрытым желтой в цветах клеенкой. Это был и обеденный и письменный стол. Демаркационная

линия проходила точно посередине. На письменной стороне стоял глобус, похожий на дыню. Голубые океаны расцвели и стали желтыми пятнами. В войну, когда не осталось пособий, дети скатали из глины шар, облепили бумагой в несколько слоев, разрезали, нутро вынули, оболочку склеили и надели на проволоку. Земной шар, хрустя и пошатываясь, завертелся. На нем осталось множество ошибок: Африка налезала на Европу, Азия сплющилась и обе Америки перекосило. И глобус, и сам земной шар уйдут на пенсию за ненадобностью. Со временем, со временем, конечно. Может, пожаловаться кому? Да кто теперь на жалобы внимание обращает? Да и правы они: мало у меня идеологии, а география нынче никому не нужна, главное — знать указания, они вполне знания заменяют.

После того разговора, встретив в коридоре во время перемены полковника, он попросил только: не надо торжества. Тихо подам заявление, и все тут. Зачем будоражить школу, тратить время и без того забеганных учителей на сугубо личное дело?

— Понимаю и ценю твою скромность, Пал Палыч, —сказал Гуров. — Но дело это вовсе не личное. Ты — старейший учитель в районе. А к учителям, сам знаешь, отношение у общественности особое. И потом, не могу же я отказать коллегам, если они последний раз хотят посидеть у тебя на уроке. Да и в роно уже знают.

Стало быть, указание не из роно. Инициатива снизу, полковник сам решил.

Жизненный ритм Пал Палыча с того дня нарушился. По ночам старик ворочался, кряхтел, мысли теснились в голове, налезая одна на другую.

Встав из-за стола, старик протопал по комнате к тумбочке и, вытащив пачку фотографий, развязал тесьму. Какой же это год? Где-то в конце войны... Учительница ботаники, Марина Яковлевна, красивая и белолицая, как божья матерь... Жила она тогда в школе, вход сбоку, с пристройки, отец ее был директором.

Спустя год после войны Пал Палыча вызывали. Спрашивали, не искажает ли педагогической линии директор школы,

отец Марины Яковлевны, который, как выяснили, читал книги немецких педагогов начала века на немецком языке. Директор никакой линии не искажал, но Комарик как человек честный и недавний фронтовик, прежде чем сказать, задумался и получилось, что ответил он как-то нетвердо. Директора все равно забрали, и не потому, что не был тверд Пал Палыч. Но простить себе той медлительности он не мог и казнил себя, что не пошел просить за него, не написал. Все это Комарик изложил Марине Яковлевне, считая, что скрывать нечестно. Она поняла его задумчивость как трусость и сказала все, что о нем думает, с горячностью, свойственной молодости. Позже она его, конечно, простила, но Пал Палыч постарел и стал жалок. Так он и остался одиноким, на других женщинах не останавливался, не получалось.

Оставив на столе фотографию, Пал Палыч покрутил глобус. Он признался себе, что было бы приятно, если бы кто-нибудь из его бывших учеников появился завтра на уроке.

Но он был не до конца откровенен с собой. Он подумал об учениках только для того, чтобы сосредоточиться на одном-единственном — Толике.

Пал Палыч снова присел и, подняв очки, поднес к глазам фотографию. Вот, этот третий справа, стриженный наголо, как требовали в то время в мужской школе. Сколько раз Комарик, между прочим, упоминал его на педсоветах и районных конференциях и делал это не корысти ради. Ему лично ничего не надо. Хочется только пользы школе.

По настоянию учителя географии, портрет академика Анатолия Михайловича Дорофеенко в черном костюме, с лауреатскими знаками, поместили в раме, под стеклом, в коридоре старших классов. Дорофеенко висел скромно, без всяких подписей, в одном ряду с Ломоносовым, Менделеевым и Мичуриным, что особо подчеркивало его известность.

Учитель при случае укорял ребят Толиком, который де учился по географии блестяще. Толик был не столько способный, сколько деятельный по комсомольской линии. Учился средне, но везде проникал — тоже способность. Да и кто посмеет упрекнуть Пал Палыча в том, что он подкраши-

вал действительность? Возможно, в этом случае цель и в самом деле оправдывала средства.

Временами старику казалось, что Дорофеенко вообще не существует. Нет его. Муляж, наглядное пособие. Но легенда о знаменитом ученике то и дело подкреплялась документами. Дети приносили вырезки из газет: статьи с перечислением под фамилией всех титулов и званий, интервью о том, куда и как надо двигать географию в свете последних указаний и чем советская география коренным образом отличается от буржуазной. Дважды школьники писали ему коллективные письма от имени и по поручению. Учитель вместе с ними подписывал их. Ответы оба раза приходили не скоро, напечатанные на машинке, но приходили. Дорофеенко желал всем больших успехов. А в одном из писем имелась даже приписка от руки: "Особый привет географу Павлу Павловичу Комарику". Лучшие чтецы с выражением читали письмо во всех классах. В общем, появись Толик на последнем уроке, для авторитета школы — и в районе, и в городе — это было бы крайне полезно. Ну и полковник пожалеет, что отправил на пенсию учителя, ученики которого прославляют школу на всю страну.

Пал Палыч намотал на палец длинную цепь и вытянул из кармана тяжелые серебряные часы фабрики Павла Буре — тайную фамильную гордость, единственную уцелевшую от предков, небогатых дворян, имевших под Москвой хиленькое именьице, в революцию сожженное просто так, для красного петуха, и вышел в коридор, куда сходились еще три двери, составляя коммуналку с общим телефоном и карандашом на веревочке.

3

Дорофеенко нередко будили из Москвы, а то, случалось, звонили из Парижа или Рима. Он поежился, нащупал кнопку лампы, похлопал ладонью по журнальному столику, ища очки, и дотянулся до телефона.

— Извините, что бужу, Анатолий Михайлович, — по-домашнему сказала телефонистка. — Москва вас.

— Давайте...

Дорофеенко зевнул. Из трубки донеслось мычание.

— Толик... м-м-м... Толик...

— Слушаю, хэллоу! Кто это?

Он опять зевнул. Мало людей называли его, поседевшего, длинного человека, Толик. И он без труда различал их. Но тут не смог.

— Толик, это Пал Палыч...

— Пал Степаныч? Здравствуй, батенька. Что же монографию задерживаешь? Рассержусь!

— Нет, Толик, это Пал Палыч, учитель географии...

— Пал Палыч?.. Ну как же, как же, помню. Чем могу служить?

— Вы, м-м-м... извините меня, голубчик, что беспокою. Я помню, у вас поясное время...

— Пустяки какие!

—Что?

— Пустяк, говорю!

— Нет, не пустяк. Поясное время — это целых три часа. Но у меня завтра последний урок... м-м-м... в моей жизни. Я на пенсию...

— Поздравляю с заслуженным отдыхом. Помню, как вы беспощадно тройки мне вкатывали. За дело, ничего не скажешь, за дело...

Хохотнув, Дорофеенко поднялся, одной рукой накинул халат. Ему ежедневно приходилось общаться с множеством людей, и по первым вежливым фразам он умел угадать, что человеку нужно. Это помогало сэкономить время. А тут никак, наверно, со сна он никак не мог усечь, зачем позвонил учитель.

— Все знают, Толя, что вы мой самый талантливый ученик...

— Полноте.

— Прости старика! Говорят, ты чуть не каждый день в Москве... А завтра? То есть там у вас, в Новосибирске, сегодня?.. Не заглянешь в родную школу?

— В Москву?.. Собирался я в пятницу на президиум, потом гастроли французов поглядеть, а это среда?..

— Может, дорого?

— Чепуха! У нас государство богатое. А когда урок-то?

— В тринадцать десять по-московскому. В школе тебя очень любят, Толя.

— Точно обещать не могу, попробую... Кабы, батенька, заранее... Я ведь себе не принадлежу!

— Для всей школы твой приезд будет праздником!..

— Ну, уговорил, Пал Палыч, уломал, будь по-твоему, — Дорофеенко и не заметил, как соскользнул на привычное административное "ты".

— Закончили разговор, Анатолий Михайлович? — спросила телефонистка. —Спокойной ночи.

Он сбросил халат, лег на спину. Жена делала вид, что не просыпалась. Дорофеенко медленно снял очки и очутился в той проекции, о которой совершенно забыл. Старый московский переулок, школа, парадная с оторванной дверью, война... Небось, все посносили, а школа стоит. Да, утренним рейсом он вполне успеет. Встретят как положено. Пионеры будут салют отдавать, подарят цветы, которые никогда не знаешь, куда сунуть, и все прочее. Сколько раз принимал он подобные почести в других местах.

Пал Палыч казался немолодым, когда Дорофеенко еще учился. Сколько ему нынче? Почему я пошел в данную отрасль — благодаря ему или вопреки? Или он просто ни при чем? Совершенно неисследованный участок научной биографии. Последний урок... А ведь, с другой стороны, и у меня тоже будет это: последний труд, последнее выступление по телевидению, последний международный конгресс, последний путь.... Как говорится, за себя написать ничего не успел: сперва писал за других, а теперь другие за меня... Руки у Дорофеенко лежали скрещенными на груди, и он снял их. Как сказал однажды Лев Толстой, не спрашивай, зачем жить, спрашивай, что мне делать. Неплохо бы уважить старика. Нужно всегда оставаться людьми, да всегда мешает суета. Мы — жертвы. Наука поглощает нас целиком... Завтра бюро обкома — обойдутся, как бы только Совков не перебежал дорогу с поездкой в Испанию... прием англичан — это перепоручу. Что еще?

— Полетишь, Толя? — рассеянно спросила жена, привыкшая к непрерывным его вояжам.

— Знаешь ведь...— он не договорил и погасил лампу.

4

С утра Пал Палыч сходил в прачечную, взял накрахмаленную рубашку, которую не любил, потому что она натирала шею. Он заварил и выпил крепкого чаю, как всегда с кусочком сыра без хлеба. Взял под мышку портфель, дошел до двери и вернулся. Положил портфель на место, на табуретку возле стола и пошел просто так.

В школе мирно текли уроки, коридоры пустовали. Гулко отдавались шаги, да уборщица тетя Настя брякала ведром.

— Пал Палыч, миленький, где же вы? — пропела завуч, выкатываясь ему навстречу, бочком, бочком и артистически всплеснув руками. Полковник волнуется, скорей к нему!

Какая Марина Яковлевна нарядная! Она счастлива, чего там, только прикидывается грустной. Муж — начальник цеха на заводе, троих детей нарожала — редкость по нашим временам, дело любит. Комарик зашел в кабинет, пожевал, губами и сказал:

— М-м-м... Приедет, весьма возможно, Анатолий Михайлович...

— Ого! — удивился Гуров и встал. — Ай да Палыч! Как говорится, комментарии излишни.

Было отчего ахнуть Гурову: лауреат, член ЦК, президент какой-то международной ассоциации, почетный член нескольких академий Европы — сегодня собственной персоной будет здесь. Старик врезал в яблочко. Конечно, академика надо встретить, как подобает. Для коллектива огромный воспитательный фактор!

Директор приложил кулак к губам, посмотрел на учителя и вдруг пожалел, что плохо о нем сейчас подумал.

— Обрадовал ты меня сообщением, Палыч, — сказал он. — Очень обрадовал, иди, спокойно готовься к уроку, мы сами все организуем. Единственная просьба: не забывай про высокий идейный уровень. Сам понимаешь... Да, попроси ко мне завуча.

Когда дверь за учителем затворилась, Гуров набрал номер и соединился со знакомым в "Вечерке".

— Оценил? Тогда присылай сотрудника, можно и фотокорреспондента.

Вбежала запыхавшись Марина Яковлевна.

— Лозунг готов? — спросил директор.

— Да, все нормальненько.

— Текст?

— Очень сердечный, как вы велели. Написали: "Прощайте Павел Павлович!"

— Вас могут неправильно понять. Не чувствуете? — Гуров поморщился и потер пальцами, словно ощупывая, лозунг. — Срочно снимите с урока десятиклассников, пускай перепишут: не прощайте, а — до свидания.

Кивнув, Марина Яковлевна побежала обратно. Гуров прав: глупо написали. Как она сама не сообразила?

— Кстати, — окликнул ее директор, — а что с цветами?

— Деньги собрали. Цветы с рынка ребята уже притащили. Не очень свежие, ну уж какие добыли...

— Попрошу вас, — Гуров сделал паузу. — Букетов для вручения связать два.

— Два?

— Два. Приедет академик Дорофеенко. Подготовьте пионеров для встречи. Все — белый верх, темный низ и при галстуках. Проследите лично.

Побледнев, Марина Яковлевна хотела что-то сказать, но Гуров жестом дал понять, что вопросы неуместны. Он запер сейф, в котором стояло несколько бутылок коньяку и коробка конфет для почетных гостей (они захотят отметить событие в кабинете) и направился в учительскую.

Там народу набилось битком, и гул стоял ничуть не меньше, чем в коридорах на перемене. Учительницы начальных классов ребят отпустили и явились как одна. Предметники, даже те, кто хотел увильнуть (и без того дел полно!), или те, кто вслух не высказываясь, отрицательно отнеслись к уроку (это панихида какая-то!), все же, боясь гнева полковника, заглянули в учительскую. Свои и гости гнездились кучками. Инструктор из райкома стоял особняком с выражением большой ответственности на заплывшем от недостатка двигательной активности лице.

Чужие шепотом спрашивали своих, где академик, а те пожимали плечами. Корреспондент из газеты рассказывал заведующему роно, как несколько лет назад проскочила ошибка. Вместо слов "пионер космоса" в газете чуть не напечатали "старпер космоса" — наборщик пошутил.

— Небось, снизили бы вам дисциплину, — пошутил в свою очередь завроно.

Редактора бы снизили, — мрачно сказал корреспондент. — Между прочим, почему у вашего учителя такая фамилия?

— Он по паспорту чистый, — быстро ответил завроно.

— Читателям его паспорт не виден. Мне-то все едино, но редактор закривляется.

Вновь вошедшие подходили к Пал Палычу, который старался держаться в стороне. Жали руку, хлопали по плечу, желали успеха в личной жизни. Он всем кивал и виновато улыбался, обалделый от почестей.

— А стулья в класс затащили? — крикнул кто-то.

— Отнесли, отнесли...

Ровно в тринадцать десять уборщица тетя Настя в одетом поверх зеленого цветастого платья синем мужском пиджаке с медалью за победу над Японией вытерла подолом руки и с неизвестно откуда взявшейся военной выправкой, печатая шаг, подошла к выключателю звонка.

— Подожди, — остановил ее директор. — Я скажу, когда начать.

Он наклонился к завучу:

— Пионеры у входа выстроены?

Марина Яковлевна испуганно развела руки:

— Все нормальненько!

— М-да-а...

— Время-то идет, класс волнуется, — тихо пропела завуч, — Пал Палыч тоже не железный... Может, отложим урок, может, перенесем?

— Скажете тоже! — Гуров поморщился, оглядев учительскую. — Тут люди из райкома, из роно, из других школ... Ладно! То, что Дорофеенко опаздывает, еще лучше. Он вой-

дет в пионерском строю во время урока, — и это будет прекрасный воспитательный момент: встреча учителя и ученика на глазах общественности. Возвращение блудного сына. Это юмор, конечно, вы поняли? Начнем!.. Вас я прошу остаться и лично следить за встречей академика...

— Остаться? — Марина Яковлевна всплеснула руками, и глаза у нее поглупели. — А Пал Палыч?

— Ну не имеем мы право ставить личные желания выше долга. Тетя Настя, звони! — Директор повернулся ко всем. — Прошу, товарищи! Пал Палыч, дорогой, ты готов? Вперед иди, вперед!..

— А почетный гость где? — спросил корреспондент.

— Не волнуйтесь, — успокоил Гуров. — Всему свое время.

Настя подняла руку, будто давала команду: "Огонь!" орудийному расчету. Нажала на выключатель, но звонка не последовало.

— Опять заел, проклятый, — она стала дергать его из стороны в сторону, трясти, стучать кулаком по боку.

Учительская заулыбалась.

— Не хочет школа спешить с твоим уроком, а Палыч? — сказал завроно.

Наконец, Настя хитро шлепнула ладонью по выключателю снизу вверх, и звонок вякнул, а потом зазвонил, оглушая всех. Комарик в коричневом костюме, отдававшем нафталином, неуверенной походкой двинулся из учительской, неся в руках указку — не как пику, как тросточку. Марина Яковлевна пожала ему локоть и прошла с ним два шага. Он рассеянно кивнул ей. По чисто вымытому коридору, где рядом с Дарвиным и Мичуриным, на гвозде, который раньше держал академика Лысенко, висел портрет академика Дорофеенко, к девятому "б" за учителем потянулась процессия.

У двери старик остановился, пропуская общественность. Класс, переутомившийся от ожидания, загрохал партами и потянулся навстречу входящим. Ученики с ехидцей смотрели, как гости, толкаясь, усаживаются. Завроно грузно втиснулся в парту с корреспондентом. Принесенных стульев не хватало, и ученики сами начали вставать с последних парт и подсаживаться третьими вперед.

Когда Комарик вошел, в глаза ему бросилось красное полотнище, на котором было написано белыми буквами: "До свидания, Павел Павлович!"

— Здравствуйте, — хрипло сказал он.

Захлопали, засмеялись каламбуру. Отличница Сарычева, с комсомольским значком на груди, подняла руку и, не ожидая разрешения, спросила:

— Пал Палыч, а правда приедет Дорофеенко?.

Она хотела угодить, но Комарик пробурчал невнятно, сел за стол и уткнулся в журнал. Сарычева повела плечами и оглянулась на директора. Тот, покачав головой, приложил палец к губам. В горле у Пал Палыча першило, застлало глаза. Страх сказать что-нибудь идеологически неверное перехватил горло. Учитель все время поправлял очки, они мешали, больно давили на переносицу. Возможно, радуются, что ухожу, вдруг мелькнуло у него. И никак не мог отогнать эту мысль, хотя в нее не верил. Он отметил, кого нет, оглянулся, на месте ли политическая карта мира. Хорошо, хоть она висела на месте. На "Камчатке" все еще не расселись гости.

Комарик не знал, как должен проходить торжественный урок. Все эти дни думал, что скажет ученикам о себе и о жизни. Но уместно ли теперь, в присутствии официальных лиц, которым известно об анонимке, на уроке географии, говорить о жизни вообще? Не прозвучит ли это опять аполитично? И он приступил, как обычно, к опросу. Двоечников опрашивать было неуместно, отличников — стыдно. Он стал вызывать средних. Средние отвечали средне, даже хуже, чем обычно, испуганные своей исторической миссией. Оглядывая класс, учитель не мог себе простить, что сболтнул полковнику о Толике. Распустил нюни на старости лет. Приехал бы — хорошо, нет — никто бы не расстроился.

Гости шепотом переговаривались о всякой всячине, не имеющей к уроку отношения. Ребята оглядывались на дверь, ожидая явления академика. Сидя за партой с долговязым двоечником, Гуров следил за стрелкой часов и поглядывал то на завроно, то на инструктора райкома. Те были непроницаемы. Сперва Гуров ждал, что с минуты на минуту дверь откооется и академик Дорофеенко войдет в сопровождении

пионеров. Это будет кульминационным моментом урока. Если Комарик не сообразит вызвать знаменитого ученика к доске, можно будет тактично подсказать. Такое в "Вечерке" прозвучит неплохо. Но вот уже скоро пол-урока. Дорофеенко не появится, иллюзии ни к чему. А может, Комарик просто свистнул, рассчитывая на поддержку, чтобы на пенсию не уходить?

Пал Палыч подошел к карте и начал говорить, водя указкой. Он умел интересно рассказывать. Но сейчас директор наблюдал за классом. Не слушают. Думают о своем, для них это на другой волне. Нет, старость понять можем только мы, взрослые. Не слишком ли жестоко поступает школа? Но ведь так устроен мир. Мне велели только нажать кнопку. Даже с точки зрения общечеловеческой морали, хотя она нам и не указ, иного выхода не дано. Прогресс есть так сказать прогресс. Замена у меня на примете подходящая: географичка молодая, русская, партийная и даже симпатичная внешне, можно тряхнуть стариной.

Комарик вдруг замолк. Спазм сдавил горло. Слова запрыгали, заметались, заклокотали, бессильные сорваться с языка. Страх сказать не то давил на него всю жизнь, урезал его ум, обкарнал знания. Он чувствовал, что превратился в ничтожество, но что он мог поделать, как иначе жить? Наступила неловкая тишина. Глотнул, начал фразу, снова глотнул. Гуров поднял бровь, подумал было: вот и забывать стал старик, склероз. Наконец Пал Палыч совладал с собой, кашлянул и заговорил.

Внутренние часы сработали: едва Комарик произнес последнее слово, зазвенел звонок. Отличница Сарычева вытянула из-под парты и поднесла учителю букет цветов в целлофане, второй букет остался без употребления.

— Пал Палыч — пал, — грустно пошутил завроно на ухо корреспонденту. — Ну как урок? Понравился?

— Неплохо, — похвалил корреспондент и глянул на часы подумав о том, что потратил два часа, а без академика не дадут на полосе больше десяти строк — копечный гонорар. Хорошо еще, что фотарь зря не таскался.

Класс задвигался, загалдел. Все смешалось: хозяева гости, у дверей ученики второй смены, прослышавшие о том, что приехал живой академик, который висит в коридоре. Стоя в окружении детей, счастливых уже от того, что можно орать, старик беспокоился о Толике: не мог же тот просто забыть. Скучно прошел урок, серо. Виноват я, не оправдал надежд. И от Гурова достанется: про идейный-то уровень забыл...

— Пал Палыч, миленький! — вбежала в класс Марина Яковлевна. — Мне полковник, то есть директор, давал порученьеце, но я весь урок мысленно была с вами...

Она посмотрела в бегающие глаза старика, хотела его обнять, но постеснялась.

— Знаете, почему Дорофеенко не успел?.. — найдясь, обратился Пал Палыч к директору. — Погода в Сибири нелетная. А когда нелетная, то...

Уборщица Настя, запыхавшись, вбежала в класс, мигом отыскала глазами Гурова, вынула из кармана пиджака бумагу, обтерла об живот и протянула.

— Не время сейчас! — отмахнулся Гуров. —Ты же видишь!

— Дык, молния, — объяснила Настя. — Уж я бегла, бегла, думала, никак, запозднею.

Гуров надорвал телеграмму, пробежал взглядом и крикнул:

— Товарищи! Не расходиться! Телеграмма-молния, оглашаю...

Все затихли. Несколько учеников влезли ногами на парты. Кто-то хлопнул крышкой — на него цыкнули.

— Читаю, — театрально произнес Гуров. — "Приношу искренние извинения связи невозможностью прибыть торжество. Точка. Задержан важным государственным делом. Точка. Сердечно поздравляю коллектив учителей, запятая, учащихся, запятая, крепко жму руку и обнимаю Павла Павловича Комарика. Точка. Верный его ученик — академик Дорофеенко".

Зааплодировали, Гуров протянул телеграмму, старик взял ее двумя руками, как хлеб-соль, и поклонился. Он смотрел в нее, но строчки прыгали и прочесть ничего не удавалось.

— Радость-то! — громко воскликнула Марина Яковлевна. —

Радость какая!

— Есть мнение, — сказал директор, — зачитать телеграмму во всех классах на торжественных линейках.

— Может, не надо, — тихо сказала она.

— То есть как?! — Гуров повернулся в недоумении.

Она наклонилась к его уху:

— Я сама послала.

— Из Новосибирска?

— Дочка телеграфистки в моем классе. Я сбегала на почту, попросила, и все нормальненько...

— М-да! — Гуров почесал затылок и пошел к сейфу с коньяком, думая о том, что ему так и не удалось пока выяснить, кто в его коллективе строчит телеги в райком.

Второй букет цветов оказался ненужным, и длинноногие ученицы растащили его по цветочку.

Пал Палыч оглянулся на красное полотнище над доской и подумал: а что если попросить еще один последний урок, такой, чтобы, кроме учеников, никого не было? Разрешит полковник или нет?

А.Фрадис

ТРИ ЭТЮДА ОБ ОДНОЙ ИСТОРИИ

1

Скупые краски неяркого лондонского дня угасают за стеклами небольших окон квартиры политических эмигрантов Ульяновых. Хозяин, недавно вернувшийся из библиотеки Британского музея, где он в последние дни проводит особенно много времени, совершенствуя свой английский и конспектируя Фурье, дорвался наконец до газет, и глаза его быстро перебегают с одного заголовка на другой, затем он с размаху шлепает всю пачку на стол и несколько секунд нетерпеливо барабанит пальцами по краю стола.

— Надя! Где же чай? — поворачиваясь в сторону открытой двери, громко кричит он.

— Уже несу! Видишь, ты меня так напугал, что я чуть не разлила половину, — заканчивает добродушно хозяйка, входя в небольшую комнату, где на покрытом скатертью столе все готово к немудреному ужину, но видя через дверь соседней комнаты, что он, обхватив лысеющую голову, пристально вчитывается в лежащий перед ним газетный лист, она

качает головой, затем ставит поднос на стол и, подойдя к креслу, ласково обнимает мужа за плечи.

— Ох, прости! — Ульянов встает из-за стола и, полуобняв жену, шутливо подталкивает ее к двери столовой. — У, да у нас пиршество! Оказывается, я сегодня заслужил полный ужин, — Ленин быстро обходит вокруг стола и, взяв вилку, поддевает ею колбасный кружок. — И даже это излишество! — весело посматривая на Крупскую, он отправляет колбасу в рот.

— Да садись же, ну, прямо как маленький, а еще наши тебя в Петербурге "Стариком" звали. — Она притворно ворчит, но с любовью смотрит на мужа.

...Звонок входной двери дребезжит, разгоняя дремотное тепло только что выпитого чая. Надежда Константиновна, готовая убрать со стола посуду, резко выпрямляется. Замирает и Ленин. После секундной паузы, направляясь узнать, кто это, она переглядывается с ним. Успевает подумать: "Как мерзко все время ждать чужих. Проклятая конспирация". Приоткрыв дверь на длину цепочки, она видит молодого человека в демисезонном пальто, из-под которого выглядывают широкие, почти как матросские клеши, брюки, а под узкополой шляпой, надвинутой на лоб, резким диссонансом блестит пенсне. "Какой нелепый!" — проносится в голове.

— Вы — Крупская? — быстро спрашивает он, — то есть вы — Ульянова? То есть я хотел спросить, вы — жена "Старика"? — картаво и сбивчиво продолжает незнакомец.

Откуда вы? — Крупская удивленно рассматривает его, не находя в своей памяти ответа, и лоб ее хмурится от вынужденной бестактности вопроса.

— Я с Украины. Я хочу видеть Ульянова.

— С Украины? — здесь, в далеком Лондоне, сырым и знобким вечером слова эти звучат забыто и странно. Господи, где-то есть Украина!

— Кто вам дал наш адрес? — начинает было она, затем, спохватившись, сбрасывает цепочку и распахивает дверь. — Входите быстренько. Володя! К нам гость с Украины!

Слышен шум отодвигаемого стула, и фигура Ленина появляется в дверном проеме. Незнакомец несколько секунд смотрит на него, затем снимает пенсне, и, достав платок, начинает протирать его. Надев, взглядывает на Крупскую и несколько смущенно произносит:

— Мне вас долго описывали обоих, так вот вас — более похоже, — кивает он на Надежду Константиновну.

— Так, может, вам и не я нужен? — Ленин смотрит на пришельца, и лукавые огоньки разгораются в его глазах.

— Ульяновы мне нужны! — нетерпеливо отвечает тот.

— Ну, раз Ульяновы, милости просим. Что же вы не раздеваетесь? — Владимир Ильич помог гостю снять пальто. — Надюша, чай-то у нас, наверно, уже остыл?

— Иду, иду. А вы, — повернулась она к гостю, — вручайте пока хозяину свои верительные грамоты.

— Значит, забыли они в Женеве, как я выгляжу, а? Ай-я-яй! Ну, ничего, напомним, напомним, и вскоре! Вот сюда садитесь, к столу, к столу поближе!

— Да спасибо, Владимир Ильич, я и не голоден вовсе. И не представился я вам еще, а вы уже за стол сажаете.

— А для меня ваша худоба — лучшее представление, — парировал хозяин, — такою только тюрьма-матушка одарить может, да и запястья у вас стерты, так тоже ведь не часами швейцарскими. То-то же, — докончил он, заметив проступившую на бледных щеках слушавшего и одновременно разглядывавшего его человека краску.

...— Вы ведь с Украины недавно? — спросил Владимир Ильич, когда гость уже во второй раз смахнул капельки пота после очередной, заботливо подлитой ему чашки ароматного и густого чая, и, увидев утвердительный кивок, повернул голову к жене. — Помнишь, Надя, приезжавший недавно связной, рассказывая о новостях из России, сообщил о какой-то полулегендарной личности, и как раз где-то в ваших краях — на Украине. Он даже фамилию называл, — докончил он, вопросительно взглянув в лицо посетителя.

— Верно, — живо откликнулась Крупская, — помню прекрасно, его фамилия Троцкий, не слыхали часом?

Гость неловко повернулся на стуле, чуть не опрокинув

чашку, снял песне и, близоруко посмотрев на хозяйку, улыбнулся и просто ответил:

— Троцкий — это я. Но это не фамилия...

Несмотря на бурные протесты, его уже никуда не отпустили и оставили ночевать, постелив в столовой. Он прожил в Лондоне у Ульяновых несколько дней, пока не снял комнату.

— Скажите, Лев Борисович, — спросил как-то Ленин, — откуда это у вас такой псевдоним?

— Да рабочие все подшучивали надо мной, — усмехнулся тот. — Я когда сидел первый раз в Елисаветграде еще подростком с забастовщиками, они все меня спрашивали: "Ну что, хлопчик, страшно в тюрьме-то?" А я отвечал: "Трошки", то есть "немножко" по-украински. Да вот беда, отвечал картаво, так они меня все дразнили, что я вместо "ш" букву "ц" произношу. Потом уж, когда в кружках опять встречались, они меня сразу узнавали: "Что, "троцки" все-таки страшно?.."

Ленин смеялся до слез, а Лев Борисович грустно улыбнулся:

— Вот и вы меня теперь дразнить будете...

Спустя несколько дней, гуляя по городу и рассказывая Ленину подробно о положении на Украине, Троцкий заметил:

— Как это плохо, что вы здесь, за рубежом, с таким опозданием обо всем, что в России делается, узнаете. Вот в Грузии, к примеру, очень крепкое ядро марксистов есть, а связь с ними не налажена. Рабочие, ездившие туда, рассказывали мне, что там очень энергичные товарищи есть, агитаторы и пропагандисты социалистических идей, за которыми идут массы. Об Иосифе Джугашвили, например, много хорошего говорят, хотя странно немного то, что он как будто бывший семинарист.

Ленин с сомнением посмотрел на него.

— Нет, — вздохнул он, — о Джугашвили не слыхал.. Как вы говорите, семинарист? Очень любопытно, — немного помолчав, сказал он и, пройдя несколько шагов, повторил, — очень!

2

В ночь переворота серые тучи упорно наползали на город. Смольный был окутан дымом десятков разложенных неподалеку костров, возле которых сидели и стояли рабочие, матросы, разный любопытствующий петроградский люд. Хлопали отдаленные выстрелы, на которые никто не обращал особого внимания, под аккомпанемент негромкого мата выяснялись отношения сшибленных в эту ночь в одно кровавое месиво разных российских классов.

Внутри Смольного беспрерывно и шумно заседал Петросовет, и его председатель Лев Троцкий, махнув рукой и не пытаясь уже утихомиривать собравшихся, охрипшим голосом отдавал по телефону приказания членам Военно-Революционного комитета. С минуты на минуты он ждал прибытия Подвойского с известием о взятии Старого Дворца. Делегаты Второго съезда советов, бесцельно слоняясь по этажам, заглядывали в открытые двери или, прикрыв глаза бескозырками, шапками, а то и запахнувшись с головой в солдатские шинели, устало присев, похрапывали у стенных ниш и колонн. Из членов Военно-Революционного комитета на месте был только комендант Смольного Феликс Дзержинский. Троцкий уже несколько раз смотрел на часы, мысленно прикидывая, сколько нужно времени, чтобы дойти от Сердобольской до Смольного, и, взглядывая на видный из открытых дверей кусок коридора, гнал нехорошие предчувствия. Кажется, они все предусмотрели, но в городе полно шпиков, рыскают наряды полиции, конные юнкера. Наконец прибыл Подвойский и сообщил, что дворец взят. Ленина все еще не было. Во втором часу ночи все начали сходиться в главном зале. Решив, что ждать больше нельзя, и послав нескольких матросов в сторону близлежащих улиц, по одной из которых мог прийти Ленин, Троцкий и члены Петросовета прошли к делегатам. Многие из них еще вчера, затаив дыхание, слушали его выступление в помещении Народного дома и зал встретил Петросовет громовой овацией и криками "ура!". Пригото-

вившись открыть съезд и призывая к тишине, Троцкий поднял руку. В это время дверь в глубине зала распахнулась и, срывая на ходу со щеки маскировочную белую повязку, к возвышению по проходу стремительно зашагал Ленин. Только что притихшие делегаты взорвались приветственным валом в честь другого вождя переворота. Несколько рук протянулось к нему со сцены и как бы вознесли его вверх.

— Наконец-то! — шепнул, обнимая его, Троцкий. — Я уже всерьез забеспокоился!

— Юнкера, черт бы их побрал, в последний момент чуть не ухватили, — ответил Ленин. — Ну, Лев Борисович, — затем громче, с видимым нервным блеском в глазах добавил он, — объявляйте о нашей победе. Однако Троцкий уже не слушал его. Обратившись лицом к залу, он громко и торжественно объявил:

— Слово имеет товарищ Ленин!..

...Только под утро они остались вдвоем в комнате, которая вся еще будто заряжена была энергией ночного переворота. Глаза Ульянова покраснели от бессонной ночи и слезились, а левая линза пенсне Троцкого треснула, и от этого его лицо, сбросившее на миг все напряжение последних часов, дней, месяцев, лет, выглядело более старым, чем всегда.

— Как вы считаете? — произнес Ленин, очнувшись после долгого раздумья, — если бы меня и вас убили, меня вот юнкера могли бы давно, да вот хоть сегодня ночью, да и вас, голубчик, на любом митинге, как рябчика, — он сделал паузу, — смогли бы, к примеру, Каменев и Бухарин без нас тут со всем управиться?

Троцкий не ответил, хотя было видно, что он как бы взвешивает тяжесть этого груза для тех, о ком спросил Ленин.

— Ну, не вдвоем, — добавил Владимир Ильич, — понятно, не вдвоем, но все же... все же повести, понимаете?

— Да, думаю, что да, — медленно ответил Троцкий и, взглянув на часы, заметил, — поспать бы полчасика, да нельзя. Через пятнадцать минут — первое заседание Совнаркома. А умирать нам еще рано, Владимир Ильич, дорогой мой Ленин, начали переворачивать Россию по-своему, качнули крепко, а чтоб перевернуть мно-о-го еще пота и крови прольем.

Поднялись. Подходя к двери, Ленин заметил:

— Я вновь просматривал список народных комиссаров, и, знаете, Лев Борисович, мне кажется, оплошку мы допустили, что никто у нас вопросом национальностей всерьез не занимается. А ведь с этим много проблем будет.

— А с чем не будет? — шутливо отозвался Троцкий, но, став серьезным, добавил: — вы правы, Владимир Ильич!

Закрывая дверь и догоняя Ленина он сказал:

— А ведь есть у нас наркомнац готовый! И искать не надо!

— Кто же это? —Ленин даже приостановился от неожиданности, а Троцкий, увлекая его вперед ответил:

— Сталин!

— Сталин? — удивленный голос Ленина громко разносился в короткой предутренней тишине коридора. — Вы предлагаете ввести Сталина в Совнарком?

— Да! — твердо ответил Троцкий, — он работал в среде национальных меньшинств, хорошо знаком с их нуждами, запросами, он — с размахом, и я уверен — справится!

Боковая дверь бесшумно отворилась, и в коридор вышел человек средних лет в кожанке, сапогах и с револьвером на боку. Плотная фигура его застыла, оспенное лицо, повернутое в сторону удалявшихся, явно говорило о том, что он слышал весь разговор. В его глазах мелькали отсветы неизвестных огней, то вспыхивавших, то гасших, и они неотрывно смотрели в спину Ленина и Троцкого, пока те не скрылись за поворотом.

3

Он проснулся сразу и, несмотря на то, что погрузневшее тело чаще, чем раньше, просило утренней блаженной истомы, сразу встал, умылся и оделся. Последнее время он все чаще ночует в этой комнате за стенкой своего кабинета, подальше от раздражающего домашнего очага. За окном падает тихий и мягкий свет, ласково укутывающий старые ели во дворе. Быстро согрев себе в маленьком, специально сделанном титанчике кипятку и выпив стакан обжигающего чая вприкуску, Сталин вскрыл новую пачку "Герцеговины" и набил труб-

ку. Он любил в эти тихие минуты раннего утра представлять себе, как просыпается огромная страна от Балтики до Тихого, и люди, умываясь, завтракая, идя на работу, отводя детей в детсады и школы, думают: "Как там Сталин, что он, как живет?" "Так и живу!" — ответил он вслух, непроизвольно потер щеки и шею, проверяя чисто ли выбрит и, удовлетворенный, открыл обитую дверь, соединявшую эту комнату с кабинетом. Несмотря на ранний час, сводка ТАСС, специально делавшаяся для него, и новости, переданные корреспондентами других агентств, уже лежали на столе. Просмотрев тассовскую, он приблизил к глазам несколько сообщений иностранных журналистов. Увидев одно из них, замер и впился глазами. Затем, расслабившись, прерывисто вдохнул и нажал кнопку. В дверях вырос секретарь.

— Свяжитесь с ЦИК, — медленно сказал Сталин, — пусть подготовят проект указа о награждении министра госбезопасности за выполнение специального правительственного задания.

Он еще раз перечел сообщение агентства Рейтер из Мехико. Оно гласило, что неизвестным лицом, в номере гостиницы был убит один из двух вождей большевистского переворота Лев Троцкий и что полиция ведет расследование и ищет виновных. Подняв глаза, Сталин увидел, что секретарь не ушел.

— Вам что-нибудь непонятно?

— Да, товарищ Сталин. Вы не сказали, чем награждается министр?

Поправив карман френча, Сталин встал и, пройдя по ковровой дорожке, остановился в двух шагах от портрета, всегда висевшего здесь с тех пор, как он пришел сюда.

— Орденом Ленина, — ответил он секретарю и кивком головы отпуетил его. Затем перевел насмешливый взгляд на портрет, и ему показалось, что Ленин не выдержав его, Сталина, упертых глаз, загнанно вжался в отведенное ему пространство деревянной рамы.

ПРИСЯГА

Произошло это лет десять назад, когда я только-только начинал службу в армии, цвет знамен которой в детстве казался мне цветом алой крови павших героев, а позже — алой краской стыда. Мы были заброшены далеко на север, и места эти отличались от лагерной зоны тем, что назывались зоной военной и были в несколько сот раз больше. Первые суматошные дни по прибытии, помню, мы отрешенно привыкали к виду стриженых голов, полосатых тельняшек и негнущихся роб, вмиг вобравших в себя все человеческие индивидуальности и превративших нас в то, что на языке сухих воинских определений обозначалось "учебный отряд". Саднило руки от непривычной работы на прославленной во все века и во всех армиях картошке, дребезжали стекла от гула прогреваемых моторов военного аэродрома, и сероватый заоконный день удлинялся ежедневной "молитвой" — политзанятиями. Более всего страдал я в то время от невозможности остаться одному, избавиться хоть на час от назойливого присутствия чужих людей. Подлинным отдохновением было попасть в ночной наряд и, бодрствуя, охранять покой моих товарищей. Народ это был все разный — "немцы", то есть прибалтийцы, "черные", "жиды", "узкоглазые" и другие полу- и малоизвестные нации, не получившие специальных наименований, которые мы хорошо усвоили в нашей "учебке".

Так вот, когда мы долго тащились сюда железнодорожным эшелоном и тепловоз дребезжащим басом жаловался окружающему безмолвию на рубцы первых разлук, на одной из узловых станций добавили к нам группу ребят-латышей с сопровождавшими ее капитаном и двумя сержантами. Держались латыши обособленно, хоть показывать этого не старались. Где могли уединиться, сразу же переходили на свой родной язык и красноречиво смолкали при приближении кого-либо из офицеров или нашего старшины. Я долго пытался вспомнить его фамилию, но так и не вспомнил, ну, да и не это важно, а то, что невзлюбил старшина ребят-латышей до последней невозможности. Был старшина неповоротлив,

ступни ног странно расходились при ходьбе, набухший под кителем живот выдавал наступавший возраст, А неожиданно темные глаза из-под белесых бровей выражали непробиваемое безразличие. На груди его побрякивали два значка "10 лет" и "20 лет" за выслугу. Меж собой называли мы его Бармалей. Кличка эта прилипла к нему после того, как однажды мой земляк Борька, к которому старшина в очередной раз придрался из-за какого-то пустяка, испросив разрешение по всей форме, обратился к нему и попросил его фотокарточку, а на удивленное: "Зачем?", ответил: "Детей пугать буду!". "Учебка" тут же согласно повалилась в хохоте, а Борька получил пять суток губы.

Латыши были в основном жилистые, длиннорукие парни, стеснявшиеся много и длинно говорить, но сразу вызвавшие симпатию своим трудолюбием. Поэтому еще более нелепыми казались придирки к ним Бармалея. Но более всего доставалось бедным ребятам на строевых занятиях, где ежедневным удовольствием для старшины было выделять латышей в отдельную группу и самолично гонять их по бетонному плацу.

Жили мы, трудно привыкая, и единственным лучом, прорезавшим тогда постоянные февральские сумерки, были письма. С нараставшим нетерпением ждали мы паузы в утренних занятиях и бежали к тумбочке, где лежала охапка желанных конвертов. Почтовый голод, ослабевший к концу службы настолько, что, стыдно вспомнить, я по полгода не отвечал на письма, тогда мучил меня судорогами только что оставленной гражданки. К счастью, друзья баловали меня. Но каждый день получал письма только один из латышей — Янис Вушкан. В первые дни я этого не замечал, но потом обратил внимание, что даже в тот день, когда я отходил от тумбочки с пустыми руками, Янис непременно забирал очередное послание. Помню, как, хлопнув его по плечу, я сострил что-то насчет того, что его дама сердца сильно перегружает почту, а потом будет рассказывать другому, как она скучала. Получилось довольно едко, но он не обиделся, а улыбнулся, посмотрел на меня и неуверенно, словно сомневаясь, поверю ли, произнес: "Это от мамы". Рано осиротевший, долго и завистливо вспоминал я интонацию этих слов.

По временам мы попадали с Янисом в одну бригаду на какую-нибудь нудную работу, и я заметил, что лицо его в момент разговора ломалось, как фанера, обнаруживая резкие морщины, такие чужие для призывного возраста. Иной раз получалось так, что, сидя за столом и закрываясь уставом от Бармалея, читавшего мои обязанности как караульного, я видел его стриженую голову с коричневой родинкой на затылке и то, как он напряженно вслушивался, как будто решал сложную задачу, условие которой было известно только ему одному.

Первые дни и месяцы службы, пока не втягиваешься и не перестаешь их замечать, ползут, как улитка. Но вскоре мы уже прилично освоились с оружием, вызубрили ту часть устава, которая нас касалась, изучили первые солдатские заповеди, вроде "солдат спит — служба идет" и "голодный воин — не воин", а главное, поняли, что теперь нам три года "не отвертеться", то есть были вполне готовы принимать воинскую присягу.

День этот даже сегодня, спустя много лет, я помню во всех подробностях. Хоть и не было в нас давно никаких высоких порывов, а все же ритуал воинской клятвы перед знаменем, с оружием, перед строем товарищей вызывал известное почтение. Подъем в тот день был на час позже, и даже голос сержанта, прервавший наш сон, звучал восхитительным торжеством. На принятие присяги ожидали прибытия самого генерала.

Наконец все приготовления были закончены, и мы, впервые надев парадные хромовые ботинки вместо сапог и чувствуя их прохладную невесомость, начищенно замерли в П-образном строю, лицом к знамени и маленькому покрытому столу из-за которого на нас взирали несколько "больших военных звезд". Сержанты стояли у своих взводов, а Бармалей на правом фланге, и его шинель, топорщась над животом, казалась сильно обрезанной спереди. Раздалась команда. Горнист протрубил: "Слушайте все!", и мы начали по одному выходить на середину для присяги. Процедура была несложной. Надев автомат (один на всех) и держа шелк знамени в одной руке, а дощечку с наклеенным текстом — в другой,

нужно было произнести его, расписаться в какой-то ведомости и вернуться в строй. Первых выходивших все слушали внимательно, потом напряжение спало и сержанты зашикали, призывая к тишине. Я тоже быстро перестал следить за происходящим, так как вызывали по алфавиту, а моя фамилия — в конце. Я жадно вдыхал доносимую к нам угольную гарь, сладковато-едкую и пахшую до странного незнакомо, стараясь разобрать далекие звуки гарнизонного поселка. Затем я очнулся, не сразу поняв, что случилось.

— Курсант Вушкан, — услышал я.

По тому, как произнес это начальник нашего карантина, я понял, что он вызывает его вторично. Пробежав по рядом глазами, я нашел Яниса в строю. Он непонятно медлил, словно то, что он собирался делать, требовало концентрации всех сил. Наконец, по уставному ударив впереди стоящего, он вышел из строя, но, вместо того чтобы продолжать идти к столу, остановился. Это было так неожиданно, что весь плац замер, еще не успев ничего понять. Среди "звезд" за столом произошло движение, и майор-замполит скомандовал: "К знамени — шагом марш!" Янис дрогнул, но остался стоять. "В чем дело, курсант Вушкан?" — нарушая тишину, спросил командир соединения, и глаза его тревожно прыгнув к строю, снова уперлись в стоявшего перед ним Вушкана. Янис сделал пол-оборота к генералу, и все услышали, как он громко ответил: "Я от присяги отказываюсь!"

Мгновенно строй сломался, и задние, выдавливаемые из-за спин впереди стоявших,образовали круг, посреди которого стоял совершенно незнакомый для них человек, только что произнесший такие странные слова.

Замполит шагнул к нему, но увидел, видно, в глазах его что-то такое, от чего отвернулся и, обращаясь уже ко всем, крикнул: "Прекратить балаган!"

Вушкана вернули в строй, но процедура принятия присяги была безнадежно скомкана. Янису было велено явиться с вещами в гарнизонную комендатуру. И до конца службы я больше о нем ничего не знал.

Уже спустя несколько лет, как-то провожая кого-то из приятелей, я наткнулся взглядом на знакомую физиономию. Это

был Бармалей. Он мало изменился. Вяло сжал мою руку, пробормотал "как же" в ответ на мои напоминания о нашей "учебке" и замолк с выражением знакомого безразличия в глазах. Кое-как я все-таки завел с ним разговор и выяснил, что он на пенсии, живет в средней полосе и изредка выбирается в наш город повидать брата. Перебрали несколько эпизодов нашей тогдашней жизни и всплыло имя Яниса и все, что случилось в день присяги на плацу. Он хмуро посмотрел на меня и вдруг доверительно сказал:

— Много шуму тогда было, вы-то не знали, а нам из-за этого немца влетело аж от самого командующего. Приказ секретный был, так по нему выходило, будто на следствии тот сказал, что его мать пьяный советский офицер в сороковом году... того... изнасиловал, еще до его рождения, и в этой армии он служить не станет. Ну, дисбат ему дать нельзя было, так как присягу не принял, ему два года за отказ служить влепили. — Он помолчал и уже безразлично докончил: — Мало я их после войны в лесах-то пострелял, ишь какие змееныши народились.

Я отвернулся и, забыв о приятелях, побрел по перрону. Слова Яниса звучали у меня в ушах, сплетаясь, дробясь и входя в мое нутро: "Это от мамы...", "я от присяги отказываюсь", "это от мамы...", "отказываюсь... отказываюсь... отказываюсь..."

Евгений Дубнов

ЗА СКОЛЬКО ПРОДАЕТСЯ ПЕСНЬ

Из нового, выходящего в свет сборника

* * *

Я знаю цену вечных цен,
Как производится обмен
Души на звук, зрачка на бровь,
Горячих слов на плоть и кровь.

Какая красная цена
Своим и общим именам,
Мученью города во сне,
Болезненной голубизне?

В базарный вдохновенный день
За сколько продается тень
И свет, и правота руки,
На что меняются шаги?

За сколько продается песнь,
Почем высокая болезнь,
Чем, не торгуясь, уплатить,
За что продать, за что купить?

Ценою неизменных цен
Я заплатил за сцену сцен,
И если снова покупать,
Я все за все отдам опять.

Март, 1979

* * *

Напрягаются губы,
Чтоб цедился не вдруг
По-рабочему скупо
Заработанный звук.

Раскрываются очи
До исчезнувших век —
Надо зреньем рабочим
Зарабатывать век.

От мельчайшей песчинки
До космических бурь,
От безликой личинки
До захода в лазурь.

Март, 1979

* * *

Какая структура у губ,
Которые звук берегут,
Которые криком кричат,
Которые ждут и молчат?

Вчера я слова создавал
И губы легко целовал.
И слабость влюбленная их
Осталась теперь на моих

Рабочих губах и, казня,
Все мучит и мучит меня.

Март, 1979

* * *

Какою светлою кручиной
Твой взор и вешний воздух чист,
Какая вечная причина
Тревожит ветвь и мучит лист?

Какая тайная причина,
Все объясняя без труда,
Снимает лица, как личины,
И опьяняет города?

Смущая мальчика, мужчину,
Горячим семенем во сне,
Какая светлая причина
Приводит небеса к весне?

Февраль, 1979

* * *

Как губы ждут
И кровь толчется у висков,
Когда идут
Секунды, словно годы слов.

Как светел суд,
Когда бессмертные слова,
Как жизнь, грядут,
И слева кружится листва.

Не избежать
Волнения больших ветвей,
Словам дрожать
Серцебиеньем по листве.

Не удержать
Весны деревьев, не унять,
Не перестать
Воскресшим реквием играть.

Март, 1979

* * *

Флейта летит в эдинбургский туман,
Легкая флейта в шотландском тумане,
Как она мучит и сводит с ума,
Как высотою над городом манит.

Высокая флейта над городом.
С моря
надвигаются пятна тумана.

Завтра
начинаются
свет и тени
на море
свежесть и глубина
и тугой ветер в парусах
и голос тонущий там
где расходятся волны
у меня воля не своя в синем море
ветер дует
непохожий на ветер холмов
ветер звучит
в раковине раскрытого рта
молчаливые чайки
раскрывают крылья
над гибкими пальцами воды
ритмично работают крыльями
над светом от гребня волны
золотыми россыпями солнца

Обод вина в чаше
походил на морской горизонт
и его назвали винноликим
но его легкоречивые воды сини
где Пирита
Кесария
Бас Рок
синее море в солнечный день
всюду есть выход к морю
лишь изгнание из языка
не кончается.

Июнь, 1979

* * *

Это время огорчений,
Час принятия решений,
Час дождя, блужданий взгляда
По карнизам и оградам.

Время возвращенья к письмам,
Срок последним желтым листьям,
Завершенье дня и года,
Время пасмурной погоды.

Час воды без зыбкой лодки,
Ветви без поющей птицы,
Время тяжко подбородку
На ладони дно ложиться.

Время плача в телефоне,
Неоконченных симфоний,
Крика на мосту глубокой
Тишины вокруг потока.

Время резкого ответа,
В зеркале лица с поличным,
Час боязни, безразличья,
Время зажиганья света.

Срок бродить вдоль улиц шумных,
Время памяти бездумной,
Злое время вопрошанья,
Час озноба и прощанья.

Октябрь 1980

Памяти Семена Гринберга

* * *

И поднимется ветер над полем,
И глаза потемнеют от боли,
И расширится лоб, и тогда
Золотая взовьется звезда.

И незримы в березовых чащах,
Провожая легко уходящих,
Запоют соловьи, от земли
Оттолкнутся крылом журавли.

Сосны вскликнут вослед: до свиданья!
Ну а мы, облагаемы данью
Просветленной, безгрешной вины,
Свою жизнь изменить мы должны.

Нам судьбы не дано объясненье,
Отпеваньем становится пенье,
Богу — Богово, я не ропщу
И ответа на смерть не ищу.

Я сегодня в столовой увидел
Женский взгляд и, на улицу выйдя,
Я волнение в смертной крови
Ощутил и о месте любви

В вечной жизни подумал — быть может,
Только то нас во всем и тревожит,
Что не знаем, как нужно любить
И тепло без остатка дарить...

Отдаляясь, лицо его стынет
По-над степью, тайгой и пустыней,
И московскою ночью стучит
Чье-то сердце, и птица кричит.

Февраль, 1982

Джону Хит-Стаббзу

* * *

Но вот, сквозь тупую глазничную боль,
Он смотрит и видит, как шут и король
На сцену выходят, на суд бытия,
И он — обвинитель, защитник, судья.

И видит еще он — в далеком саду
Имен и господних творений чреду;
Он видит, как вновь превращается в день
Для Сафо и Фауста ночь, и ступень

Нащупав, он быстро взбегает туда,
Где свет и от лет не осталось следа.

А речь необъятна, и надо опять
Так много прожить и так мног о сказать,
Так много узреть *и* услышать — и вот
Гогочет он, просмаковав анекдот.

Январь, 1982

Дилан Томас

КОРЕНЬЕВ РЕЧЬ И РАЗГОВОР ВОДЫ

Переводы с английского Даниила Надеждина

ОСОБЕННО, КОГДА ОКТЯБРЬСКИЙ ВЕТР

Особенно, когда октябрьский ветр
Рвет волосы морозной пятернею,
Тень крабом оставляя за собою,
Под солнцем я, как краб, ползу на свет...
На берегу морском под птичий гам,
В пустом лесу под перекарк вороний
Сочится силлабическою кровью —
Трепещет сердце в такт своим словам.

И заточенный в башне слов и грез,
Я вижу женщин, отливающихся в слово,
На горизонте, и деревья, словно
Ряды детей с естественностью звезд.

Позволь перевести из немоты
На твой язык преданья старых буков
И голоса дубов и вылить в буквы
Кореньев речь и разговор воды.

За папортником твердят часы
Мне слово часа, — нервное значенье
Летит по диску утренним звучаньем
И ветром в петухе вокруг оси.
Дай расшифрую знаки на лугах —
Травы сигналы, что ползут в глаза мне,
Червям подобно, разрыхляя зиму.
Дай о вороньих расскажу грехах.

Особенно, когда октябрьский ветр
(Дай показать осеннюю словесность,
Паучьи сказы, гул холмов Уэлса),
Терзая землю, корни рвет из недр,
Дай рассказать о бессердечье слов
Из сердца с алхимическою кровью,
Вихрящеюся, предвещая бурю.
Над морем темень птичьих голосов.

А БЫЛ ТОТ ДЕНЬ

А был тот день, когда паяцы с их смычками
Плясали детский круг, забыв свои печали?
Был — и могли рыдать над книгами они.
Но время в блажь свою их повернуло дни.
Под небом стала жизнь для них тревожной.
Незнание одно — всего надежней.
Их руки — без оружия — чисты.
И как — без сердца — дух один не знает боли,
Тот лучше видит, чьи глаза под пленкой слепоты.

ОДНА И ТА ЖЕ СИЛА ГОНИТ ВЕТВЬ

Одна и та же сила гонит ветвь
И мой зеленый век; что корни рвет —
И мой убийца.
И нем я розе согнутой сказать,
Что тот же ветер юность гнет мою.

Одна и та же сила гонит воду сквозь гранит
И кровь мою; что сушит ключ в песок —
И в пепл меня.
И нем я, чтоб сказать — до самых вен,
Как в топь земную всосанный родник.

Одна рука вершит водоворот
И смерть; одна веревка вяжет вихрь
И парус мой.
И нем сказать повешенному я,
Как вешателя плоть во мне гниет.

К фонтану время присосало рот:
По каплям падает любовь, сливаясь, — кровь
Рубцует шрам.
И нем я, чтобы ветру рассказать,
Вкруг звезд, как время крутит небосвод.

И нем сказать я гробу, где твой прах,
Что тот же червь изгложет этот стих.

РУКА, ЧЬЯ ПОДПИСЬ ЗДЕСЬ

Рука, чья подпись здесь, повергла город;
Удвоив мертвых сонм и надвое деля
Страну, пять властных пальцев сжали горло;
Пять королей убили короля.

Всесильная рука — плечо обвисло
И пальцы скрючены и с желтизною свеч;
Гусиное перо кладет конец убийству,
Что оборвало речь.

Рука, чья подпись здесь, нагнала тучи, —
Приходит голод, волки скалят пасть;
О, как сильна рука, чья закорючка
Над человеком — власть.

Считают мертвых пальцы — их ли дело
Разгладить лоб, бинтом на рану лечь;
Рука правитель жалости, как неба;
У рук нет слез, чтоб течь.

НЕ УХОДИ ПОКОРНО В ТЕМНОТУ

Не уходи покорно в темноту,
На склоне дней гори при свете дня;
Воли, чтоб свет не пересек черту.

Пусть мудрость знает ночи правоту,
Поскольку — тьму прорезать — нет огня,
Но не идет покорно в темноту.

И эти люди, осознав тщету
Своих деяний (бедная возня),
Вопят, чтоб свет не пересек черту.

И дикари, что солнце, как мечту,
Поймали и горят, его виня,
Все ж не идут покорно в темноту.

И те, что видят лишь сквозь слепоту,
Как метеоры падают, маня,
Вопят, чтоб свет не пересек черту.

И ты, отец, взойдя на высоту,
Молю — кляни, благословляй меня, —
Не уходи покорно в темноту.
Вопи, чтоб свет не пересек черту.

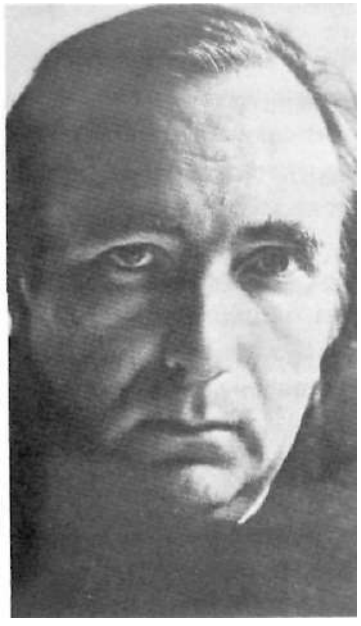
К СВЕДЕНИЮ УНИВЕРСИТЕТОВ, БИБЛИОТЕК И БИБЛИОФИЛОВ

В распоряжении редакции имеется несколько уникальных комплектов журнала "Время и мы" с 1-го по 64-й номер (1975-1982). Многие из ранних выпусков журнала отсутствуют в библиотеках и магазинах и, по оценкам специалистов, стали библиографической редкостью. В этот полный комплект входят лучшие произведения русской зарубежной литературы и самиздата, а также произведения выдающихся западных и израильских писателей.

В 64-х номерах журнала наиболее полно по сравнению с другими изданиями представлена эмигрантская и русская неподцензурная публицистика.

Цена комплекта 395 долларов, включая пересылку.

Заказы и чеки присылать по адресу редакции журнала "Время и мы".



Лев Наврозов

ДУРАКИ-АМЕРИКАНЦЫ ПРОТИВ УМНЫХ РУССКИХ: РАЗЫГРЫВАЕТСЯ ЗЕМНОЙ ШАР

РУССКИЕ СЧИТАЮТ АМЕРИКАНЦЕВ ДУРАКАМИ

Когда я уезжал из России в начале 70-х, многие русские, независимо от того, поддерживали они или нет существующий в России режим, утверждали в более или менее сходных выражениях, что глупость — американская национальная черта. Поэтому, излагая ниже их доводы, я буду употреблять слово "мы" в значении "правители России после 1917 года", независимо от того, отождествляли ли себя мои собеседники с этими правителями, или же были непримиримыми врагами режима.

"Не будь американцы дураками, любой американский школьник понял бы цели нашего стратегического развития, глобальные масштабы которого стали отчетливо видны в 60-х. Американцы с детства знают цену власти и богатства. И уж конечно, мировая власть и богатство, к которым стремимся мы, превышают власть и богатство, к которым стремится каждый из них. Каких только усилий не жалеет какой-нибудь американец, чтобы стать сенатором или купить машину, или ограбить банк. А в конечном счете у нас будет власть всех их сенаторов, все их машины и все их банки.

В 50-х американцы знали, что не могут защитить от нас наших европейских или азиатских соседей с помощью наземных сил. Они были далеко, а мы — в Евразии, примыкающей к Африке. Это стратегическое положение, военизированная природа нашего общества и наш выбор места и времени нападения давали нам решающее преимущество.

В то же время американцы знали и знают, что позволить себе такую роскошь, как отдать нам мир за пределами их границ, они не могут. Соединенные Штаты занимают всего лишь 2% всей поверхности земного шара и отступить на такой крохотный полуостровок, окруженный глобальным врагом, значит, заползти в капкан.

Как же удалось в 50-х американцам противостоять нашим превосходящим сухопутным силам? Путем американских стратегических — воздушных и морских — сил, несравненно превосходивших наши. Их бомбардировщики могли сбросить на нашу территорию ядерную бомбу; для наших их территория была недоступна. У них был флот во всем мире; наш держался у своих берегов. Мы не могли безнаказанно воспользоваться своим превосходством в наземных силах, чтобы расширить наши владения за их пределы на конец 40-х годов, ибо они ответили бы, пустив в ход свое стратегическое превосходство в глобальных воздушных и морских силах.

Однако благодаря стратегическим ракетам, над которыми мы работали с 40-х годов, наши глобальные стратегические силы начали догонять их. Наша территория была по-прежнему уязвима для их бомбардировщиков; но теперь и их территория была уязвима для наших ракет. Одним словом, американских стратегических средств устрашения, возмездия, сдерживания 50-х годов больше не существовало, они были нейтрализованы, и разрешение конфликтов свелось к наземным силам, включая шпионаж, подрывную деятельность и партизанские войны, где нам более чем когда-либо принадлежало первенство.

И вот в начале 70-х годов, стратегическое положение противоположно тому, что было 20 лет назад. Наши масштабы становятся все более глобальными, а они отступают в свой капкан.

Заметьте, что это наше глобальное стратегическое развитие отнюдь не сопровождалось экономическим ростом — в старом, западном, понимании экономики вне военного сектора. Напротив, в этом смысле мы беднее по сравнению с американцами сегодня, чем были в 1928 году. Не будь американцы дураками, они бы разработали концепцию обороны и осуществили бы ее в течение 60—70-х годов в ровном, неторопливом, не требующем особых затрат темпе. В частности, за эти два десятилетия американцы могли бы создать воздушную механизированную армию из двух миллионов добровольцев. Но они — дураки, и поэтому они вообще не разработали никакой концепции обороны. Спросите их, что они сделают, если мы открыто начнем завоевание, скажем, Ближнего Востока. И они ответят, что они никогда этого не допустят, точно так же, как они говорили, что никогда не допустят завоевания Южного Вьетнама, Камбоджи и Лаоса.

Вместо разработки и осуществления концепции обороны, что они делают в конце 60-х годов?

Они снимают двадцатилетнее эмбарго на продажу техники, которая нам нужна для форсирования производства оружия. Черт побери, они одалживают нам деньги, чтобы эту технику купить. И не понимают, что этих денег мы никогда не отдадим.

Начав финансировать ускоренный рост нашей военной экономики, Соединенные Штаты замедляют развитие собственной обороны. Доля американских затрат на оборону в 70-х годах снижается примерно до половины уровня 50-х. Причем около половины этой половины идет на заработную плату и другие подобные расходы ныне добровольной армии. Американское бактериологическое оружие уничтожается, а производство химического оружия прекращается в одностороннем порядке. Тайные операции против нашей подрывной деятельности и нашего терроризма практически отменены. Наша глобальная экспансия в Европе, Африке, Азии и Южной Америке вежливо игнорируется. Американские военные силы

становятся добровольческими, без всяких попыток расширить гражданскую военную подготовку, в то время как нашим вооруженным силам было официально и открыто предоставлено в 1967 г. (впервые с 1919 г.) право призывать любого мужчину-специалиста с высшим образованием тридцати лет или моложе.

Эти дураки залезли еще в один капкан, который мы им поставили давным-давно, в 30-е годы: разоружение. Пусть, дескать, обе стороны ограничивают свое глобальное стратегическое вооружение, дабы "достичь стратегического равновесия". Но что же тогда смогут противопоставить американцы нашим наземным силам? Во-первых, эти дураки забыли о наших наземных силах. Во-вторых, как же американцы смогут проверить ограничение советских стратегических сил?

Пока что их разведка не смогла заранее узнать даже о строительстве нашего глобального океанского флота. Не говоря уж о разработке нашей атомной бомбы, термоядерного оружия и межконтинентальных ракет. Когда в доме пожар, рано или поздно реагирует даже грудной младенец. В какой-то момент всем этим американским дуракам, включая Киссинджера, придется заорать: "Горим!" Они могут даже снова начать употреблять выражение "советское завоевание мира", которым пользовались до 1963 г. Но для того чтобы найти способ потушить пожар, нужен ум, а чтобы кричать "горим!" много ума не надо. По крайней мере, не больше, чем для того, чтобы кричать, что пожар — это не пожар, чем Киссинджер и все прочие и занимались в течение многих лет.

В нашей стране такой болван, как Киссинджер, максимум мог бы заведовать аптекой, а там в его ведение отдают национальную безопасность и внешнюю политику, и тысячи дураков в высших кругах американской стратегии, обороны, разведки, академического изучения России и средств массовой информации начинают восторгаться этим болваном и как попугаи твердить наше пропагандное словечко "разрядка", которое он подхватил.

Американцы — дураки, глупость — их национальная черта, а если вы еще сомневаетесь, посмотрите на физиономию этого Генри Киссинджера! Нет, им с нами тягаться не по силам,

и в конце концов мы заберем их полуостровок вместе со всем их скарбом, которым они так дорожат.

ВСЕ ЛИ АМЕРИКАНЦЫ ДУРАКИ?

В России я выступал в роли адвоката дьявола, защищая Соединенные Штаты, и придумал следующую простейшую модель, чтобы показать русским,* что не все американцы дураки.

Вообразим, что население России распределено по шкале сообразно уму каждого в какой бы то ни было сфере жизни или профессиональной области. В случаях сходной степени ума в различных сферах, распределяемых можно объединить в группы. Так чемпион мира по шахматам может оказаться в одной группе с никому не известной женщиной, которая едва умеет читать и писать, но обладает удивительным пониманием человеческих отношений.

К этому следует добавить, что ум в одной сфере или области может совершенно не соответствовать уму в другой. Тот, кто лучше всех понимает отношения между людьми, может вполне оказаться негодным шахматистом. Из выдающегося юриста может получиться никудышный министр иностранных дел, а финансового гения, ставшего послом, могут одурачить, как трехлетнего ребенка.

Наконец, надо принять во внимание, что умные люди могут быть преступниками (как Аль Капоне или Сталин) или завоевателями (как Чингисхан или Наполеон), в то время как дураки бывают самыми милейшими людьми на свете (как некоторые американские генералы, "разведчики", сенаторы и президенты).

Но как можно вообразить себе подобное распределение ума без применения объективных критериев или научных тестов?

Дело в том, что, скажем, для оперных голосов таких критериев или тестов тоже не существует. Однако относительно качества оперного голоса среди ценителей оперы никогда не было существенных разногласий. Можно спорить о том, равен ли талант Энрико Карузо таланту Шаляпина, но если бы, скажем, Джеймс Рестон или А.М.Розентол из газеты "Нью-Йорк Таймс" вышли на сцену "Метрополитен-опера" петь "Риголетто" с Флорой Льюис из той же газеты в роли Джильды, то аудитория "Метрополитен-опера" определила бы без всяких тестов бесконечную разницу между миссис Льюис и, скажем, знаменитой Галли Курчи.

Объясняется это тем, что в Соединенных Штатах существует оперная культура, и оценки во многих областях жизни зависят не от "объективных критериев" и "научных тестов", а от уровня культуры в этих областях. В самом деле, в мире и сейчас есть множество людей, которые не отличили бы Галли Курчи от Флоры Льюис из газеты "Нью-Йорк Таймс", и им не помогут никакие критерии и тесты.

Иначе говоря, понятие "ум" поддается объективным оценкам не больше, чем качества оперного голоса, но его можно оценить с неменьшей достоверностью.

А теперь вообразим, что население Соединенных Штатов тоже распределено по шкале соответственно его уму.

Отметим русского и американца в середине каждой шкалы. Это будут люди среднего умственного уровня соответствующей страны. В конце концов мне удавалось убедить моих русских оппонентов, что нет никаких доказательств того, что русский среднего ума превосходит такого же, как он, среднего американца. Поэтому не надо забывать, что половина американцев умнее, чем русский среднего ума, то есть половина жителей России по своему уму ниже среднего американца. Их можно назвать дураками, или, если это слово вам кажется ненаучным, назовите их ЛУУНС ("люди умственного уровня ниже среднего").

На этой стороне Атлантического океана мне приходится повторять то же самое американцам, которые убеждены, что любой американец, в том числе мистер Киссинджер, умнее русских: "Пожалуйста, не забывайте, что половина всех американцев — дураки, то есть по умственному уровню ниже среднего русского".

---

* В английском языке слово "русские" означает также жителей России всех наций. В этом смысле слово "русские" и употребляется автором.

Разумеется, я употребляю слово "дурак" как социологический термин. Американские дураки, которых заденет это слово, так же как оно задевало дураков в России, могут последовать тому же совету: заменить слово "дурак" аббревиатурой ЛУУНС.

Конечно, ни один порядочный житель Америки не признает себя ЛУУНСом. Но, как я уже говорил, та же самая проблема была у меня и в России.

Человек, изучающий войну между Францией и Германией 1940 г., может ошибочно заключить, что Франция — нация дураков. В народных сказках многих стран описывается, как дурак, стремясь защитить себя, возводит перед собой стену, не задумываясь о том, что ее можно обойти и ожидая, что любой незваный гость подойдет к стене, постоит, повернется и уйдет. Именно на это, по-видимому, рассчитывали французы между 1933 и 1940 годами: они выстроили дорогостоящую линию Мажино, где в солдатских казармах были кондиционеры, не думая о том, что вражеские войска могут ее обойти. У них не хватило ума, чтобы не выбрасывать деньги на линию Мажино, а вместо этого потратить их на подвижную оборону.

Но это отнюдь не означает, что французы глупы, а немцы умны. Это означает только то, что лица, ответственные за оборону Франции, были в основном из более глупой половины французского населения, а те, кому было поручено завоевание Франции, были из более умной половины немецкого населения. В результате разразилась война французских дураков с умными немцами.

Точно так же идет глобальная борьба между Соединенными Штатами и тоталитарной Россией, между американскими дураками и умными русскими.

КУДА НАПРАВЛЕН УМ НА ЗАПАДЕ

Но где же была умная половина населения Франции между 1933 и 1940 годами и где она сейчас в Соединенных Штатах?

Однажды после лекции, которую я читал во Флориде, ее устроитель представил меня бывшему сотруднику ЦРУ, человеку блестящего ума. Я спросил его, почему он ушел из ЦРУ. Он рассмеялся. Он не играл в шпионаж, как играет ЦРУ. Он занимался делом всерьез: работал на американские фирмы, которым требовалась тайная информация о своих конкурентах. Зарабатывал он в десять раз больше того, на что он мог бы рассчитывать в ЦРУ после многолетней карьеры со всеми ее интригами, неизбежными в любой большой бюрократии (будь то ЦРУ или "Нью-Йорк Таймс").

Не вдаваясь в анализ социологического феномена денег (как комплекса побуждений, мотивированных установок), приведу один эпизод. В 1919 г., когда деньги в России практически исчезли, моя мать, молодой врач, пыталась уговорить Федора Шаляпина выступить перед Медицинским обществом в Петрограде. Гениальный певец запросил в качестве гонорара невероятное количество муки. "Да зачем же она вам, — изумилась моя мать. — Вам ведь столько не съесть. И продать вы ее не сможете, потому что денег нет". — "Но зато вы будете голодать, — ответил Шаляпин. — А я буду знать, что вы готовы на голод ради того, чтобы меня послушать".

Для многих людей громадного дара большие деньги так же важны, как для Шаляпина была важна ненужная ему мука — знак огромной к нему любви.

Но, помимо денег, бывшему работнику ЦРУ было важно, что теперь он не винтик в машине разведки, а "сам себе начальник", "сам себе ЦРУ", Леонардо да Винчи или Томас Алва Эдисон разведки, продающий свой гений тому, кто больше заплатит. И в общем и целом, он был в гораздо большей безопасности, чем любой человек, занятый разведкой против советского режима. Кроме того, "Нью-Йорк Таймс" никогда не изобличит его как негодяя или преступника, как поджигателя войны или врага прогресса, как неотесанного болвана или опасного реакционера.

В России подобные частные занятия, разумеется, невозможны. Или вы продаете свой талант режиму, цель которого — покорение мира, или вы его зарываете, как говорят, в землю.

Правда, вероятность появления Эдисона или Леонардо да Винчи в свободном обществе выше, чем в тоталитарном.

Но последнее может обойтись второстепенными талантами, учитывая, что никакого работодателя или покровителя, кроме советского режима, нет, и потому все таланты, желающие работать на режим, можно направить на задачу покорения мира. Проиллюстрируем это обстоятельство следующим простым примером.

Советский режим поощряет игру в шахматы. Офицерам даже предписывается игра в шахматы. И это целесообразно, ибо у некоторых американских высокопоставленных стратегов и дипломатов часто не хватает представления о том, что такое стратегия на уровне среднего советского школьника-шахматиста.

В России регулярно играют в шахматы около 5 миллионов человек, а в Америке — всего 50 тысяч. Тем не менее, сильнейший шахматист мира Роберт Джеймс (Бобби) Фишер — американец. Коэффициент Фишера — 2780. На целых 80 очков выше, чем у Анатолия Карпова, русского чемпиона мира по шахматам.

Фишер — не менее "жадный" и "плохой" человек, чем Федор Шаляпин, — перестал участвовать в чемпионатах мира по шахматам в 1972 году. Соединенные Штаты потеряли шахматного гения. Результат? Только у двух шахматистов — уроженцев Америки — коэффициент, по данным на 1 января 1981 г., выше 2550: Уолтера Брауна и Ларри Кристиансена. Они, так сказать, второстепенные таланты. Но против них советский режим может выставить восемь игроков, из которых каждый сильнее Брауна и Кристиансена, и множество игроков примерно той же силы. По данным на 1 января 1981 г., шахматист с самым высоким коэффициентом в Соединенных Штатах — это Лев Альбурт, недавний эмигрант из России.

Из этого можно заключить, что только Фишер разведки (или другой области обороны) способен "переиграть" советские второстепенные таланты, работающие в различных областях завоевания мира. Второстепенные таланты Западу не годятся, потому что у советских правителей, скорей всего, будет больше таких талантов: ведь в Соединенных Штатах ни один человек, чей ум выше среднего, не вынужден продавать свои способности учреждению, нааначение которого — оборона Запада.

Но ЦРУ, его отделы и филиалы и не думают назначать Фишера разведки (с окладом 600 тысяч долларов в год), чтобы переиграть советскую разведку. Вместо этого будут взяты на работу 100 тысяч дураков, желательно с докторскими степенями и с окладом в среднем 27 тысяч долларов на человека (а на всех 2,7 миллиарда), и те будут усердно читать "Нью-Йорк Таймс" в поисках секретных сведений о тоталитарных обществах, переписывать советские брошюры в секретные доклады ЦРУ и вообще говорить и печатать на машинке, не иначе, как с совершенно секретным видом.*

Некоторые налогоплательщики тоже будут довольны. Их деньги не разбазаривают: средняя зарплата в ЦРУ не выше средней зарплаты университетского профессора, не говоря уж о водопроводчиках.

Я охотно соглашусь, что какой-нибудь Фишер разведки мог пожертвовать доходом с пятью нулями и в 1969 г. поступить в ЦРУ с начальным окладом 8 тысяч долларов в год. Ну, а его коллеги? Что если большинство из них такие тупицы, что их нигде не взяли на работу, и по этой причине они устроились в ЦРУ на 8 тысяч долларов в год? Если таких большинство, то нашему Фишеру либо придется валять дурака, подлаживаясь под них, либо эти дураки его вышвырнут вон или "обнаружат", что, дескать, он советский агент, подосланный, чтобы подорвать престиж ЦРУ.

В рецензии на биографию Томаса Эдисона "Нью-Йорк Таймс" описывает жизнь великого изобретателя в тоне искушенного человека, говорящего о жестянщике (и в самом деле Эдисон проучился в школе всего три месяца), который был "в общем-то мерзавцем", к тому же "помешанным на деньгах" и "со своим необычным сочетанием жадности и творческой энергии" принадлежал XIX веку.

"В нашем веке, — пишет "Нью-Йорк Таймс", — возобладала исследовательская лаборатория, сделавшая ярких индивидуальных гениев, подобных Эдисону, почти устаревшими. Наши изобретатели теперь безымянны, они борются с реальнос¬

---

* См. мою статью: "Что знает западная разведка о России". "Время и мы", № 37, 1979.

тью в чревах гигантских корпораций или за закрытыми дверьми университетов, или в засекреченных помещениях министерства обороны".

Монополиям , вроде "Нью-Йорк Таймс'' не нужны гении, подобные Эдисону: им не приходится ни с кем конкурировать.

Однако за пределами не знающих конкуренции, бесплодных, самодовольных бюрократий, вроде "Нью-Йорк Таймс", отсутствие или присутствие Эдисона может означать для предпринимателя потерю или выгрыш миллиардов долларов, а для страны — поражение или победу. Когда Соединенные Штаты ставят перед собой определенную цель — опередить нацистскую Германию в изобретении атомной бомбы во время второй мировой войны, — то становится ясным, как редки и необходимы индивидуальные гении.

Можно было бы подумать, что в 40-х годах в Америке было достаточно физиков с дипломами и степенями лучших американских университетов, чтобы изобрести атомную бомбу. На самом деле Соединенные Штаты не дали в этой области ни одного гения, равного Эйнштейну (эмигранту из Германии), Нильсу Бору (эмигранту из Дании), или, пожалуй, даже Ферми (эмигранту из Италии). Кроме того, хотя физики-американцы, как, например, Комптон, и сравнялись с такими иностранными физиками, как Теллер, фон Нейман, Вайскопф, Гамов или Чедвик, — эти "индивидуальные гении" были уникальны, необходимы, незаменимы. Нельзя было, например, фон Неймана (эмигранта из Венгрии) заменить Комптоном, лишь на том основании, что оба они были гениальными физиками.

Это необыкновенная концентрация гениальности была достигнута во время войны. Но что, если бы Гитлер держал Соединенные Штаты в состоянии мира, устанавливая свое мировое господство медленно и осторожно, чтобы не дать Америке повода к войне? По всей вероятности, эти гениальные эмигранты нашли бы своим уникальным умам любое применение, только не изобретение атомной бомбы, и нацистская Германия изобрела бы ее в глубокой тайне, создала бы, тоже в глубокой тайне, достаточный запас атомных бомб и установила бы с их помощью мировое господство.

УМ: СВОБОДА И МОБИЛИЗАЦИЯ

В мирное время распределение умственных ресурсов в свободном обществе в некоторой степени объясняется поведением людей в условиях свободы. В противоположность их поведению в тоталитарном обществе, для которого различий между мирным и военным временем не существует.

В демократическом обществе свободный человек, будь то афинский купец пятого века до нашей эры или нью-йоркский водопроводчик 1982 г., зарабатывает столько, сколько платят ему его покупатели или клиенты. И из полученного таким образом вознаграждения он имеет право истратить столько, сколько пожелает. Он может купить самые редкие деликатесы, самые удобные и красивые частные дома, самые изысканные платья и драгоценности и удовлетворить любые желания и прихоти. Другие же члены общества также имеют право в свою очередь зарабатывать деньги, чтобы удовлетворить свои личные желания.

С другой стороны, в тоталитарной России те, кто не представляет собой индивидуальной ценности для правителей, — а таких, естественно, большинство — живут в условиях, не менее обезличенных и стандартизированных, чем армейские казармы. Правители видят единственную цель — поддерживать жизнь, здоровье и силу этих взаимозаменяемых человеко-единиц так, чтобы они обходились ему как можно дешевле.

Поэтому лица, ответственные в России за производство даже самых необходимых потребительских товаров для указанных человеко-единиц, вполне могут быть идиотами, пьяницами, инвалидами, которых не берут на важную стратегическую или военную работу.

Обычно для любого человека жизнь его бесценна, как бесценна жизнь его близких, и, будь у него даже несметные богатства, он отдал бы их врачу за ее спасение. Может быть, поэтому ресурсы — в том числе и умственные, — поглощаемые в Соединенных Штатах медициной, стремятся к бесконечности.

В тоталитарном обществе только жизнь самих правителей

и людей, которые незаменимы для них, например разрабатывающих новые вооружения, требует наилучшего медицинского обслуживания. С другой стороны, подавляющее большинство населения в этом обществе вполне заменимо. Поэтому расходы на содержание этой заменимой человеко-единицы, включая медицинскую помощь, не должны превосходить расходы, необходимые, чтобы эту единицу довести от рождения до работоспособного возраста. Если расходы на медицинское обслуживание, необходимое, чтобы спасти ее жизнь, начинают приближаться к ее себестоимости, то выгоднее заменить ее другой человеко-единицей. Кто же станет чинить машину, если стоимость ремонта выше, чем стоимость самой машины? Само собой разумеется, врачи, которым поручены жизнь и здоровье этих человеко-единиц, — одна из самых низкооплачиваемых групп в стране. Да и сами эти врачи вполне заменимы и потому могут быть дураками, чтобы умных использовать на что-нибудь поважнее для нужд правителей.

Следом за медициной в свободном обществе идет юриспруденция. Человек, стремясь защитить свое имущество, свою свободу или жизнь, нанимает лучшего юриста, и стоимость его тут опять же стремится к бесконечности, хотя и более медленно, чем в области медицины. Опять-таки применительно к тоталитарному обществу все это нелепо. В отличие от лучших врачей мира, которые, по крайней мере, нужны тоталитарным правителям, ни один умный юрист в России вообще не нужен: все они без исключения могут быть дураками (официальная оплата советского юриста смехотворна, и только незаконная оплата, из-под полы, создает некоторым из них приличный заработок).

Однако картину распределения умственных ресурсов в свободном обществе, например в Соединенных Штатах, нельзя попросту вывести из тех или иных общих представлений о поведении людей в условиях свободы. Ибо в этом случае можно было бы заключить, что современные американцы никогда не станут слушать оперу или так называемую классическую музыку. Какой современный американец станет часами сидеть и слушать эти аристократические сублимации и экстазы XIX века, состоящие из чередования неуловимых нюансов тембра и тональных абстракций, если вместо этого он может употребить свое время и деньги на то, чтобы есть, пить и веселиться, погрузившись, например, в порнографический журнал? И тем не менее в Соединенных Штатах классическая музыка — одна из тех областей, где в поисках гения не жалеют денег и никогда еще за всю историю человечества не было такого числа ценителей и знатоков классической оперы, как в Соединенных Штатах в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА И УМ

В этой связи позвольте взглянуть на область распределения умственных сил в Соединенных Штатах, именуемую литературой в широком смысле слова (то, что французы называли "летр") — от прозы до мыслей пишущего.

Поскольку Бог не одарил Россию философией, то мне, как русскому, литература представляется ценнейшим и высшим вместилищем ума.

Недавно я подробно разобрал "интеллигентную" халтуру Джона Апдайка под названием "Кролик богат" и потом сравнил свою рецензию с рецензией в "Нью-Йорк Таймс". Я не стану говорить о своей рецензии, тем более что "Кролик богат" ничем не отличается от последней халтуры Филиппа Рота, Вильяма Стайрона, Ежи Козинского или Ирвина Шоу, которую я тоже рецензировал.

Это не плохие романы. Это романы — никакие.* В них нет ни грана литературы, и я был бы благодарен тому, кто бы указал мне хоть на одну строчку, которая не была бы любительской, избитой или глупой. Если уж необходима культурная параллель, то эти произведения можно сравнить с худшими пропагандными романами сталинской эры, с той лишь разницей, что роль "коммунизма" у гг.Апдайка,

* Рецензии Льва Навроэова на упомянутые романы появились в журналах: "John's Review", "Chronicles of Culture" "Yale Literary Magazine". Примеч.переводчика.

Рота, Стайрона, Козинского и Шоу играет "секс".

"Нью-Йорк Таймс" должным образом отметила выход в свет романа "Кролик богат": верхнюю половину страницы ее книжного обозрения занимал мистер Апдайк на фоне книг, по всей вероятности, его собственных. Из помещенной ниже статьи, озаглавленной "Апдайк об Апдайке", мы узнаем от него самого, что "двадцать с чем-то" книг мистера Апдайка были переведены на "двадцать с чем-то языков, в том числе финский, сербохорватский, иврит и корейский".

Я помню, как мы читали, что худшие из романов сталинской эры переведены чуть ли не на сто, а не на какие-то двадцать. Психология самооценки совершенно одна и та же: "Посмотрите, сколько книг я написал, сколько в каждой из них страниц, на сколько их перевели языков, сколько экземпляров каждой продано и сколько премий, званий и степеней я за них получил".

Далее м-р Апдайк, говоря о цели его, Апдайка, прозы, пишет: "Пусть литература, как Евангелие, сделает своей темой внутренний мир незаметных людей". М-р Апдайк объясняет, что писатель — это "кладоискатель образов, молящийся о том, чтобы некоторые из этих образов имели бессмертный отзвук мельниц Дон Кихота (бедный Сервантес! его всегда упоминают в связи с чтивом Ежи Козинского "Игра страстей", — Л.Н.), Мадлены Пруста (бедное пирожное, сколько раз тебя припоминали еще в 30-х годах! — Л.Н.), плота Гека Фина (бедный Марк Твен! была бы у м-ра Апдайка хоть крупица его юмора, — Л.Н.) ".

Но честолюбивые мечтания м-ра Апдайка не кончаются на Сервантесе, Прусте и Твене. "Я хочу писать книги..." — заявляет м-р Апдайк м-ру Апдайку. Какие же? "Нечто вроде (эйнштейновского) $E=mc^2$ только словами, слово за словом".

До такого не дошел ни один советский шарлатан от литературы. Наглость м-ра Апдайка имеет поистине космический размах.

В своей рецензии на его роман "Кролик богат" м-р Лионард ("Нью-Йорк Таймс") говорит загадками.

В самом начале рецензии мы узнаем, что "пожилой Гарри", по прозвищу Кролик, герой данного и двух предшествующих романов, "вырос до Беббита Синклера Льюиса". Пока что — никаких загадок. Сплошные банальности. Но в конце своей рецензии м-р Лионард объявляет, что ему, м-ру Лионарду, Кролик очень нравится. Кролик "мечтает за всех нас. Он — наш канадский гусь". Точка, конец абзаца.

Беббит Синклера Льюиса* мечтает за всех нас? Почему же "нас"? Или м-р Лионард и себя считает Беббитом?

Наш канадский гусь?

В самом деле, в романе "Кролик богат" обсуждается газетная заметка о канадском гусе, убитом на площадке для гольфа. Так почему же этот Кролик-Беббит — "наш канадский гусь"? И кто такие "мы"? Беббиты?

Чем больше читатель ломает голову, тем лучше. Пусть даже читатель скажет: "Я что-то не понимаю — какая вообще связь между убитым гусем, этим Кроликом-Беббитом, и нами? Что, мы убили этого Кролика-Беббита? Или это нас убивают, как того гуся? Или кто-то убил нашего Кролика-Беббита?"

На это подхалимы из "Нью-Йорк Таймс" дружным хором ответят: "Не понимаете? Куда же вам! Наш великий Джон Лионард для вас чересчур глубок! Он —для мудрых. Равно как и "Нью-Йорк Таймс". Verbum sapienti sat est. Для мудрых достаточно и одного слова".

Послушайте загадки м-ра Лионарда, столь расплывчатые, сбивающие с толку или туманные, что они могут сойти за мудрые изречения, предназначенные для избранных.

"Он (Кролик,-Л.Н.) растрачивает себя, пока не смотрят мертвые (может, они в это время смотрят в другую сторону? — Л.Н.), а Богу недостает смысла".

Или:

"После смерти Бога — после леденящего кровь открытия, что, как только мы делаем шаг по направлению к невидимому, кого-то убивают, — нам нужен миф общности, нечто та-

---

*Имя героя романе Синклера Льюиса "Беббит" стало нарицательным, означая самодовольного провинциала-пошляка. (Примеч. переводчика.)

кое, что, по выражению Феликса в "Ударе", соответствует фактам, только в обратную сторону".

Жестокий урок — и после трех книг серии "Кролика" — великолепное достижение. Предоставим Феликсу и последнее слово: "Я увидел, что в Америке мужчина — это неудавшийся мальчик". (Точка — конец рецензии.)

Что же означает все это высокопарное пустословие?

Ницшеанскую "смерть Бога" еше до смерти Ницше в 1900 году истаскали до дыр. М-р Лионард, должно быть, думает, что это невероятно ново: он повторяет эту пошлость несколько раз. Но при чем тут то, что кого-то убивают?

Кого убивают? Опять канадского гуся?

И что это за "жестокий урок"? Что Бог умер? Что кого-то убивают? Что нам нужен миф общности, как открыл Феликс из "Удара" м-ра Апдайка (тоже с опозданием на полтора века после Людвига Фейербаха) ?

И какое отношение это все имеет к тому, что будто бы в Америке мужчина — это неудавшийся мальчик, или мальчик — неудавшийся мужчина?

Чем запутаннее, чем лучше. Текст, который можно понять, выдаст м-ра Лионарда с головой: все сразу же увидят, м-р Лионард-критик не умнее м-ра Апдайка-писателя.

Но какую же все-таки оценку дал м-р Лионард роману "Кролик богат"?

Она состоит из восьми слов. Книга — это "обычный апдайковский ксилофон" (три слова) и "мне очень нравится его музыка" (пять слов). После чего м-р Лионард бросается в атаку на критиков, которые не смогли понять прелести ксилофонной (почему не саксофонной?) музыки м-ра Апдайка.

"Пусть критики, как Нельсон, высасывают пену из еще одной консервной банки, пусть их угрюмые и озадаченные лица съедают и выпивают весь мир, да к тому же еще и со злости".

Что это означает, нам знать не дано. Как могут критики, вместе с Нельсоном, высасывать пену из еще одной консервной банки, если они съедают и выпивают весь мир? Или, может, это не о н и съедают и выпивают весь мир, а только их л и ц а?

Как бы то ни было, цель э т о й гневной тирады — показать, что критики против м-ра Апдайка, и только м-р Лионард может оценить и героически защитить "обычный апдайковский ксилофон". Удивительно, как высокооплачиваемые чиновники вроде м-ра Лионарда (который хвалит чтиво Джона Апдайка, потому что "все хвалят") любят воображать себя интеллектуальными героями-одиночками в борьбе против господствующего мнения.

ДУРАКИ МОГУТ ПОДРАБАТЫВАТЬ В КАЧЕСТВЕ КЛОУНОВ

Короче говоря, на верхушке социоэкономической лестницы в Соединенных Штатах — производство так называемых потребительских услуг (медицина, юриспруденция или, например, исполнение музыки, называемой классической). Здесь для привлечения гения не жалеют средств.

На нижних ступенях этой лестницы — изучение внешнего мира, разведка, внешняя политика, оборона, стратегия или, например, литература.

Эти низшие области — своего рода царство "государственного вспомоществования для образованных".

Ни американцев, ни русских не должно удивлять, что у тех и у других на низших ступенях социоэкономической лестницы преобладают дураки.

Американская разведка бездарна? Советское "общественное питание" не лучше.

Соединенные Штаты пытались помочь Южному Вьетнаму, Камбодже и Лаосу. Но Северный Вьетнам вышвырнул их из Юго-Восточной Азии, несмотря на человеческие потери и огромные затраты. Нелепо? Советская торговля не менее нелепа.

Из восьми вертолетов, посланных спасать американских заложников в Иране, три вышли из строя. То же самое случается с каждыми тремя из восьми тракторов в советском колхозе.

Не так давно один бизнесмен-республиканец пригласил меня на обед с Генри Киссинджером. Я сказал, что в любом обществе, желающем выжить, Киссинджера должны были

отдать под суд, а не приглашать на обед. Бизнесмен пришел в ужас. Для него Генри Киссинджер — безобидный клоун, с которым можно поразвлечься на республиканском обеде. Дело, которым занимается бизнесмен, — это дело его жизни и смерти, а дело Генри Киссинджера — развлекать гостей.

Если бы Киссинджер работал в одной из аптек Нью-Йорка и предложил ее владельцу купить пистолет для того, кто намерен ее ограбить, владелец не поверил бы, что есть на свете такие дураки и выгнал бы его за наглость. Но когда Киссинджер предложил давать советскому режиму западные деньги, чтобы тот мог ускорить рост своей военной мощи, наш владелец аптеки, вероятно, отнесся бы к этому забавному предложению весьма добродушно.

Внешний мир — это несерьезно. Когда президент Никсон встретился с Брежневым в Соединенных Штатах перед телекамерой, третьим на этой встрече был профессиональный клоун, проделывавший свои обычные штуки — вроде вспрыгивания Никсону и Брежневу на спину. Будущий историк, может быть, скажет, что именно в этот момент Америка в лице Ричарда Никсона с улыбкой подписала себе смертный приговор. Но владелец аптеки принимал все это как буффонаду, за которую клоунам платят бешеные деньги.

А КАК ЖБ ВЫБОРНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ?

Раз уж зашла речь о Ричарде Никсоне, уместно спросить: какое место занимают — и должны были бы занимать — по уму выборные представители? Все, что писали в прессе о Джоне Ф. Кеннеди, один автор обобщил таким образом: "Он не только красивее всех, лучше всех одет, красноречивее всех и грациозен, как газель. Он всеведущ, он за несколько минут проглатывает и усваивает целые книги; его взгляд мгновенно схватывает самое главное в длинной докладной; он потрясает экспертов своими превосходными знаниями в их областях. Он вездесущ... он всемогущ... более, чем лев, и более, чем лисица. Он сверхчеловек!"

Увы, от рядовых граждан нельзя ожидать, чтобы они избирали только всезнающих Леонардо да Винчи, каким был

ложно представлен Джон Ф.Кеннеди. Суд присяжных работал бы куда лучше, если бы в его состав всегда входили люди уровня Солона, Томаса Джефферсона или Джона Стюарта Милля. Но на самом деле считается, что присяжные должны быть "людьми среднего ума". Суд присяжных и был создан за тем, чтобы воспрепятствовать назначенным на судейские должности Солонам, Томасам Джефферсонам и Джонам Стюартам Миллям стать исполнителями воли тиранов. Присяжные — люди среднего ума, но они по крайней мере не ставленники тирана. Такой ценой приходится платить за демократию. Демократия была создана не для того, чтобы избирать всезнающих Леонардо да Винчи, которые бы положили начало новому Ренессансу, разработали стратегию глобальной обороны и изобрели новый способ всеобщего процветания. Демократия была создана как средство защиты от тиранов, и если выборные ее представители — люди среднего ума по сравнению с Чингисханом, Наполеоном и даже Сталиным, то, по крайней мере, этих представителей не надо опасаться. При демократии гениальность должна исходить не от выборного представителя, а от свободомыслия и творчества, благодаря которым стала возможна деятельность Генри Форда, Томаса Эдисона и Альберта Эйнштейна. Выборные представители, как люди со здравым смыслом, могут быть только потребителями мысли и творчества свободного общества, а не кеннедиподобными гениями, творящими на благо любимого народа.

Да, Ричард Никсон — человек среднего ума, здравомыслящий человек, не более того. Но советник Ричарда Никсона по национальной безобасности должен был быть гением — Эйнштейном или, по крайней мере, Комптоном национальной безопасности. А он вместо этого был дураком.

ОБЩЕСТВО ВЗАИМООБОЖАНИЯ ДУРАКОВ

Когда я писал свою статью "Посредственность и спасение Запада", * президентским советником по национальной бе-

* См. "Время и мы", № 50, 1980.

зопасности был Збигнев Бжезинский, и поэтому как пример глупости я избрал его, а не Генри Киссинджера.

Нельзя отрицать, что, когда существует определенный объем проверенных знаний (как, например, в современной медицине), любой человек может стать более знающим, а следовательно, и более умным, приобретя кое-что из этих собранных и проверенных знаний. Но д-р Бжезинский имеет степень доктора в советологии, а, скажем, не в медицине. Каким же запасом проверенных знаний обладала советология, когда ее изучал д-р Бжезинский? До него Джордж Кеннан, которого д-р Бжезинский, видимо, считает отцом-основателем американской советологии, сделал в конце 40-х годов открытие, называемое "сдерживанием": советский режим нужно сдерживать, то есть не позволять ему расширять свои владения за пределы, существующие на конец 40-х годов. Это открытие по глубине и новизне соответствует открытию, что цель медицины — не болезнь, а здоровье. Однако Джордж Кеннан посвятил остальную часть своей жизни тому, чтобы доказать с помощью штатных сотрудников своего института, что он никогда не делал столь безумного открытия, что его неверно поняли, неверно цитировали, извратили. Так что отец-основатель американской советологии давно отрекся от своего единственного открытия, а именно, что экспансию советского режима нужно сдерживать. Поэтому д-р Збигнев Бжезинский не мог извлечь пользы даже из этого открытия.

Д-р Бжезинский никогда не жил в тоталитарном обществе. У него нет ни воображения, ни даже желания представить себе жизнь, несхожую с его собственной. Но разве это имеет значение? Доктора медицины в средние века никогда не видели человеческого легкого и не пытались представить себе, как оно выглядит. Они знали все о человеческом теле и его болезнях из своих т е к с т о в . У д-ра Бжезинского были свои т е к с т ы — в основном советские книги и брошюры, которые он изучил так хорошо, что получил звание доктора (от латинского docere, — учить) и теперь учит студентов, как изучать эти т е к с т ы , чтобы стать в свою очередь докторами советологии. В 1963 г., когда советско-китайский раскол был фактом, уже известным каждому жителю земли,"Форин Эфферс", американский журнал по проблемам внешней политики, поместил статью д-ра Бжезинского, согласно которой "этот блок не подает никаких признаков раскола и вряд ли расколется в будущем."*В предисловии от редакции говорилось, что "Збигнев Бжезинский дал тонкий и глубокий анализ китайско-советского конфликта". **

Ну а что, если раскол все-таки произойдет? На этот вопрос д-р Бжезинский отвечает: "полный раскол не сулил бы (Западному) миру ничего доброго".***

Даже некоторые животные инстинктивно чувствуют, что враг, когда он разделен, менее опасен врага объединенного. Голова д-ра Бжезинского или редактора вышеупомянутого журнала не работает даже на уровне инстинкта. Но почему же именно в то время, когда я писал об этом статью, доктор Бжезинский помчался в Китай, чтобы заключить союз против России? Потому что д-р Бжезинский или д-р Киссинджер всегда понимали, что все тома, напечатанные или продиктованные ими, ничего не значат. Это — груды схоластических т е к с т о в , годных для того, чтобы готовить из дураков новых докторов советологии, но легко предаваемых забвению, когда нужно выполнять указания начальства (зависящие опять-таки от преобладающего мнения дураков). В начале 60-х годов это мнение было таково, что китайско-советский раскол не сулит Западу ничего хорошего, а в конце 70-х (когда я писал статью) мнение требовало, чтобы президентский советник по национальной безопасности мчался в Китай добиваться союза против России. Д-р Бжезинский, позабыв свои т е к с т ы о вреде китайско-советского раскола, помчался в Китай выполнять поручения нового начальства.

Во время переговоров в Конгрессе об ограничении стратегических вооружений (в 1979 г.) никто иной, как д-р Кис-

---

* Збигнев Бжезинский. Вызов на изменение в советском блоке, в сб.: The Soviet Union 1922-1962. New York, Preger, 1963, p. 449.

** Там же, с.441.

*** Там же, с.453.

синджер, осудил американскую внешнюю политику последних 15-ти лет. Где же был эти 15 лет д-р Киссинджер — на Марсе? Скорее всего, это так: тысячи и тысячи дураков снова превозносили его как величайшего создателя внешней политики в мировой истории. Если бы сам он сказал, что некий д-р Киссинджер, вершивший американскую политику в 1969-1975 гг., дурак, то американские дураки стали бы спрашивать: "Откуда только взялся этот дурак, которого так ругает наш великий создатель внешней политики д-р Киссинджер?"

Но кто же дал ему все эти титулы, степени, дипломы, звания и рекомендации, подтверждающие, что он величайший эксперт по России, Китаю и национальной безопасности? Дураки. Кто его выдвинул? Дураки. Кто писал восторженные рецензии на книги и статьи дурака? Дураки. Кто расхваливал его словоблудие в специальных журналах? Дураки. Кто создавал имя дураку в массовых журналах? Дураки. Кто интервьюировал его по телевидению? Дураки.

В условиях конкурентного свободного предпринимательства или советской военно-стратегической деятельности некто, отвечающий за успех либо своей прибылью, либо головой, сказал бы: "Да на кой черт мне его писанина? Что я средневековый схоласт, что ли? Да вы разве не видите, что он дурак? Гоните его в шею!"

Но я никогда не слышал, чтобы что-нибудь подобное было написано о Збигневе Бжезинском или даже Генри Киссинджере, которого день за днем в течение многих лет поливали грязью — особенно усердствовала "Нью-Йорк Таймс" — за его утверждение, что вьетнамская война должна быть выиграна (хотя он, разумеется, и понятия не имел, как ее выиграть). Его осыпали всеми оскорблениями, какие только может изобрести человеческая злоба, но ни один из его критиков не обнаружил, что д-р Киссинджер — дурак. Ибо, хотя он и был дурак, но критики были еще глупее. А оскорбляли они его потому, что вьетнамской войне нужно было "положить конец", то есть ее проиграть.

Вера в то, что с помощью образования из дурака можно сделать д-ра в какой бы то ни было сфере, лишь отчасти уходит корнями в средневековье. Отчасти эта вера исходит также из представления о любом занятии как о ремесле — можно научить любого писать стихи или мыслить, так же как чинить водопроводные трубы или танцевать чечетку.

Есть в этой вере элемент мещанского уравнительства: "Мой Джонни не Бетховен, потому что у Бетховена были большие деньги и доступ к хорошему образованию, а у нас их нет". Есть в этой вере и механистический элемент (жизнь — это машина, которой можно управлять, если машинист хорошо обучен). И есть, наконец, в этой вере элемент коммерческого надувательства: "Дайте нам деньги — ваши или ваших родителей — и мы сделаем из вас поэта или мыслителя, советолога или астролога — любого, кем бы вы хотели стать".

"НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС": КОРАБЛЬ ДУРАКОВ В МОРЕ ГЛУПОСТИ

"Нью-Йорк Таймс" и К° ответственна за сосредоточие дураков в определенных американских учреждениях не более, чем за концентрацию в определенных советских учреждениях инвалидов и пьяниц. Корпорация "Нью-Йорк Таймс" — сама лишь жертва общего распределения умственных ресурсов на Западе. Но сказать, что в демократическом обществе не может быть никакой ежедневной прессы, кроме той, что создается дураками для дураков, и поэтому "Нью-Йорк Таймс" — наименьшее из зол, — это сказать, что в демократическом обществе не может быть музыки, кроме мелодий, исполняемых в универмаге. А если в Соединенных Штатах когда-нибудь и поставят оперу, то через каждые две минуты ее исполнение будет прерываться стриптизом и раздачей жареной кукурузы.

Хотя "Нью-Йорк Таймс и К° — не более чем корабль дураков, носящийся по волнам океана глупости, — команда всегда начеку: не пропустить бы даже отдаленную искорку ума!

Ирландско-американский писатель по имени Константин Фиц-Гиббон написал в своей книге, что фрейдовская теория "эдипова комплекса" неверена или, по крайней мере, невер-

но названа: ведь "весь смысл трагедии Софокла в том, что Эдип не знал, что он убил своего отца и что Иокаста его мать".

Это — искорка ума, какая могла бы блеснуть и у девятилетнего ребенка, прочитавшего изложение этой трагедии Софокла, если, конечно, умственный уровень этого ребенка не намного ниже среднего. Девятилетний ребенок не поймет литературной глубины Софокла, но он поймет содержание его вещи, а Фрейд его не понял. Почему? Это можно объяснить двояко. Первый вариант... Фрейд был гением во всем, кроме литературы, или, может быть, кроме понимания трагедийного жанра. Такое бывает. Всесторонний гений с одним слепым пятном. Второй вариант... Фрейд был одним из тогдашних философствующих врачей, любивших бесплодно рассуждать о Гартмане и Ницше. ("В Вене каждый зубной врач — философ"). То есть он был дураком, неспособным даже понять содержания литературного произведения. Какое истолкование верно, в данном случае не имеет значения. Но факт остается фактом: если бы Эдип знал, что незнакомцы его родители, он бы обнял их и прослезился или просто сказал бы: "Здравствуйте!". Но он не знал. Это — трагедия, судьба, несчастье.

С бдительным рвением принципиального советского дурака, усмотревшего опасное инакомыслие, м-р Кристофер Леманн-Гаупт, литературный критик "Нью-Йорк Таймс", поспешил удушить эту искру ума.* Подобно тому как ортодоксальный советский дурак 20-х годов выяснял социальное происхождение инакомыслящего, дабы доказать, что он — "классово чуждый элемент", м-р Леманн-Гаупт "в поисках ключа обратился к прошлому м-ра Фиц-Гиббона" и доказал, что у автора — " тяжкий эдипов комплекс". Но, может быть, у всех сотрудников "Нью-Йорк Таймс", включая м-ра Леманна-Гаупта, тоже обнаружатся тяжкие эдиповы комплексы, если исследовать их прошлое? Или редакционные кабинеты "Нью-Йорк Таймс" — единственное на земле место, где действие их прекращается и в силу вступает чистый (фрейдовский?) разум?

* "Нью-Йорк Таймс", 9 ноября, 1979 г.

Общий уровень "Нью-Йорк Таймс" не выше безбрежных просторов глупости окружающих ее. Я произвольно извлекаю газетную вырезку, сообщение от 14 июня 1973 г., озаглавленное "Американский военно-морской флот подружился с советским". Надо же так глубоко нырнуть! На общем уровне глупости следовало бы сказать, что американский народ подружился с советским. Но только выдающийся дурак (один из ста!) мог объявить, что советский флот, став глобальным и превзойдя американский флот, тем самым сделался его другом. (Особенно дружественны, вероятно, по отношению к американским советские ядерные ракеты, запускаемые с подводных лодок. Их пропорция по отношению к американским изменилась от 1:6 в пользу Америки (1967 г.) до 3:2 в пользу СССР (1977 г.). Право, я не знаю, что можно добавить к идиотизму сообщения "Нью-Йорк Таймс". "Советские ядерные ракеты влюблены в американцев?" Или: "Советские десантные дивизии шлют воздушный поцелуй?" Или: "Советские концлагеря скучают по сотрудникам газеты "Нью-Йорк Таймс"?

А теперь вспомним, что Гаррисон Солсбери определяет "Нью-Йорк Таймс" как "четвертую власть" Америки. То бишь, если одна власть — исполнительная, вторая — законодательная, третья — судебная, то четвертая — умственная, интеллектуальная, а она и есть "Нью-Йорк Таймс", согласно г-ну Солсбери. Эта власть представляет собой мозг нации, ее мышление, и в ее клетках — вся информация о внешнем мире. Соответственно, "Нью-Йорк Таймс" давала и дает наставления трем другим властям о том, как им поступать.

Так, с 1967 до 1975 г. "Нью-Йорк Таймс" объясняла правительству Соединенных Штатов, как положить конец вьетнамской войне. Для начала она стала доказывать, что для американской стороны это — война, в которой не может быть победы. Почему? В 1980 г. м-р Солсбери пишет, что есть "хорошо известные исследования о результатах стратегической бомбардировки, проведенные в конце второй мировой войны.* Никаких источников не приводится. Вероятно, эти

* Гаррисон Солсбери. Без страха и пристрастия. Times books. 1980, p. 190.

исследования до сих пор так хорошо известны, что ссылаться на источники было бы излишне. Эти "хорошо известные" исследования "убедительно показали, что в случае с Германией бомбардировка не понизила, а наоборот, повысила моральный дух гражданского населения и так подстегнула экономику, что к концу войны немцы увеличили, а не уменьшили военное производство".

Что он говорит? Чем больше враг несет потерь, тем он становится сильнее! Опять, как д-ру Бжезинскому или д-ру Киссинджеру, м-ру Солсбери отказывает не только ум, но даже инстинкт самосохранения.

Итак, м-р Солсбери пришел к выводу, что американская сторона не может выиграть советско-американскую войну в Юго-Восточной Азии. Какой же тогда выход? Северный Вьетнам отшвырнул 4 марта 1975 г. клочок бумаги, который "Нью-Йорк Таймс" приветствовала как "Парижский мирный договор", и вторгся в Южный Вьетнам. "Исполнительная власть", наставлял американское правительство Энтони Льюис 24 марта 1975 г., должна "отправить представителей к южным вьетнамцам и камбоджийцам и сказать им, что пришло время заключить как можно более выгодный договор и положить конец перестрелке".

Отправьте представителей к побеждающему завоевателю и скажите, что настало время прекратить перестрелку. Опять-таки ум ниже уровня инстинкта самосохранения.

Следуя советам дураков из "Нью-Йорк Таймс", Киссинджер почти три года вел переговоры с правителями Северного Вьетнама. Когда этого дурака обвели вокруг пальца умные северовьетнамцы (то есть умные русские) и войска Северного Вьетнама вторглись в Южный Вьетнам, дурак Энтони Льюис объявил, что "пришло время заключить как можно более выгодный договор и положить конец перестрелке".

В 1969 г. Дэвид Халберстам, получивший пулитцеровскую премию и другие награды за свои репортажи для "Нью-Йорк Таймс" из Вьетнама, опубликовал книгу в 830 страниц, под названием "Лучшие и умнейшие". Хвала, которой была удостоена эта книга, не поддается описанию. Кристофер Леманн-Гаупт из "Нью-Йорк Таймс" назвал ее "богатой,

увлекательной и глубокой", а "Книжное обозрение" "Нью-Йорк Таймс" — "великолепной". Отрывки из нее появились в журналах "Атлантик", "Эсквайр" и "Харперс" и шесть книжных клубов остановили на ней свой выбор.

Халберстам придает названию книги иронический смысл. Оказывается, что Уильям Банди — один из "лучших и умнейших", помощник госсекретаря по восточно-азиатским делам с 1964 по 1969 г. и с 1972 г. редактор "Форин Эфферс" — на самом деле годный только на служебные интриги канцелярист.

Генерал Максвелл Тейлор, американский посол во Вьетнаме с 1962 по 1964 г., а затем особый советник президента и председатель президентского совета по разведке, считается хорошим генералом, потому что он корректен и у него хорошая спортивная фигура.

На протяжении 830 страниц своей книги (кроме последнего абзаца) м-р Халберстам объясняет, как американские должностные лица, причастные к этой войне, неверно поняли Вьетнам. Оставшийся абзац посвящен тому, как его правильно понял м-р Халберстам. На обложке книги он представлен как "один из самых блестящих и уважаемых журналистов Америки", которого журнал "Комментари" назвал "самым выдающимся репортером газеты "Таймс" за последние годы", а журнал "Харперс" — "легендой американской журналистики". Это он, м-р Халберстам,— лучший и умнейший из лучшей и умнейшей газеты "Нью-Йорк-Таймс". Так что, наверное, тот единственный абзац, в котором он объясняет Вьетнам, — это нечто вроде интеллектуального ядерного взрыва. Давайте же рассмотрим этот абзац, как бы он нас не потряс и не ослепил.

Начнем с того, что человек, чей умственный уровень не ниже среднего, сделает из предшествующих этому абзацу 830 страниц следующий вывод. Если лица, ответственные за Вьетнам, были в отличие от м-ра Халберстама дураками, то это была война американских дураков против умных русских, умных северных вьетнамцев. И поэтому она не могла не быть проиграна, как и любая будущая советско-американская война, если в распределении умственных ресурсов

на Западе не будет перемен. Но согласно м-ру Халберстаму, вьетнамская война не могла не быть проиграна, потому что американцы и их союзники были "на неправильной стороне истории". Какой потрясающий, ослепительный взрыв! Начиная с 1918 г. советская пропаганда объясняла, что есть правильная сторона истории, а есть неправильная, причем советские правители всегда на правильной стороне, даже тогда, когда они переходят с одной стороны на другую, а их враги всегда на неправильной стороне. М-ру Халберстаму понадобилось 52 года, чтобы сделать это ослепительное открытие и, таким образом, понять Вьетнам.

Вот что говорит м-р Халберстам: "Чем больше репортажей я писал, чем больше я там жил и чем глубже я исследовал, тем яснее мне становилось, что... не наша сторона... стала подлинно революционной силой".

Поскольку "подлинно революционную" силу во Вьетнаме советский режим подготавливал уже с начала 20-х годов, не мешает вспомнить, что понимает под этим термином советская пропаганда. Любой школьник в Советском Союзе знает, что бывают революции двух видов. Один вид — буржуазная революция, как, например, февральская революция в России, Французская или Американская революции, — ведет к власти новый класс эксплуататоров и хорош лишь постольку, поскольку открывает новые возможности для революции второго вида, "подлинной революции", происшедшей в октябре 1917 г. в России и теперь в Южном Вьетнаме. Какой же она была бы в Соединенных Штатах?

Треть населения страны, доход которой — 13 тысяч долларов на семью или ниже и которая будет включать в себя бывших уголовников, освобожденных из тюрем в качестве жертв классовой несправедливости, сможет под защитой братских советско-латино-африкано-азиатских сил безнаказанно грабить и убивать население. Ибо эти две трети будут объявлены буржуазией, то есть эксплуататорами, мошенниками и грабителями. Появятся — может быть, даже быстрее, чем когда-то в России — миллионы убийц и насильников, которые приведут остальные две трети населения в состояние аморфной, послушной и дрожащей массы, пригодной

для рабства и уничтожения. Иными словами, когда советская пропаганда говорит о подлинной революции, она имеет совершенно конкретные, практические и эффективные действия. Но что же имеет в виду м-р Халберстам, говоря о подлинно революционной силе во Вьетнаме? Как тысячи и тысячи американцев, называемых журналистами, учеными или интеллектуалами, м-р Халберстам подхватил ученые выражения вроде "подлинная революция" или "подлинно-революционный".

У него в сознании смешаны понятия "Американская революция" (что-то очень хорошее) и "подлинная революция" (наверное, еще лучшее). Единственная ценность таких ученых выражений в том, что ими пользуются не очень многие владельцы аптек, и поэтому м-р Халберстам убежден, что раз он их употребляет, он человек умный. На самом деле советский школьник может с полным основанием ему сказать, что он, м-р Халберстам "лучший и умнейший" из "лучшей и умнейшей газеты "Нью-Йорк Таймс" мелет сам не зная что.

Я привожу в качестве заключительного примера понимание им вьетнамской войны, ибо последнее явилось вершиной глупости всех американских бюрократий, ответственных за стратегию, разведку и оборону, — апофеозом дураков всех мастей, включая, увы, самого г-на Халберстама.

После разгрома во вьетнамской войне в 1975 г. американские скопления дураков лишь отступали без боя, играя семь лет в поддавки. Но игра в поддавки без конца невозможна. Впереди маячит новый Вьетнам — на Среднем Востоке, в Латинской Америке или где угодно. Американские скопления дураков столь же к нему не готовы, как они не были готовы к Вьетнаму 1967 г., когда они посылали на войну с партизанами, способными жить в джунглях, как дикие звери, американцев, привыкших к кондиционерам в автомобилях и ультрафиолетовм лампам в ванных.

Любопытно, что скажет нам о новом Вьетнаме мистер Халберстам, "легенда американской журналистики", лучший из лучших и умнейший из умнейших?

Yale Literary Magazine

Перевод с английского Екатерины Юнг

В 66-ом номере журнала был опубликован очерк Виктора Перельмана "Оглянись в сомнении" из серии "Здесь и там" о жизни новых иммигрантов в Израиле и Америке. В этом номере публикуется второй очерк из той же серии.

Виктор Перельман

МОЦАРТ И ЭМИГРАНТСКАЯ ОДИССЕЯ

Из всего прочитанного и услышанного о сущности еврейства мне более всего запомнилось то, что сказал известный израильский философ и истолкователь Библии раввин Аддин Штейнзальц, с которым судьба свела меня летом 1975 года в Иерусалиме. В те дни готовился первый номер журнала "Время и мы", и я специально отправился в Иерусалим, в знаменитый институт Ван Лир, чтобы взять у Штейнзальца интервью для журнала. В этом интервью, озаглавленном "Кто мы: трагические актеры или самобытная нация?" и получившем широчайший резонанс среди читателей, Штейнзальц говорил, что существуют две основные силы, которые воздействуют на евреев и имеют наибольшее значение для понимания их сущности.

Первая сила — это их поразительная способность видоизменяться, приспосабливаться, становиться похожими на людей, среди которых они живут. С языком чужого народа к евреям приходит глубокое понимание его духа, его чаяний, его образа жизни и мыслей. Евреи, по словам Штейнзальца, уподобляются тому актеру, который не только играет роль,

но и сам становится на сцене тем человеком, чью роль он исполняет. В результате евреи становятся большими немцами, чем сами немцы, большими англичанами, чем сами англичане, большими русскими, чем сами русские. Но, с другой стороны, — и это не менее важно — в их душе живет некий, только им присущий властный зов, некое стремление к самопознанию, какие-то трудно объяснимые элементы их существования, в какой бы стране они ни находились.

Так вот, мне кажется, что эти две силы, которые, по словам Штейнзальца, воздействуют на евреев, во многом дают ключ к пониманию психологии еврейской эмиграции из СССР. Более того, они помогают нащупать водораздел в сознании тех, кто решил отправиться в Израиль, и тех, кто уехал в Америку. Слова о том, что первые решили жить своей национальной жизнью, а вторые сменили один галут на другой, еще ни о чем не говорят. Гораздо существеннее другое. Властный зов, живущий в душе еврейства, побудил советских евреев к эмиграции из Советского Союза. Но уехав в Америку, они оказались перед лицом той же психологической проблемы, которая сопутствовала их жизни в СССР. Вспомните: разве евреи России не пытались стать большими русскими, чем сами русские.

Разгул антисемитизма и эмиграция стали важнейшими социальными последствиями этой неудавшейся попытки. Но вот парадокс: приехав в Америку, советские евреи не расстаются со своей тягой к мимикрии и психологическому конформизму. Среди новых иммигрантов, столько говоривших о советском антисемитизме и о своем желании жить еврейской национальной жизнью, я не знаю ни одного, который, появившись в Америке, начал бы реально жить этой жизнью.

— Скажите на милость, — пытался объяснить мне свою психологию один из обитателей Брайтон Бича, кстати выходец из еврейской патриархальной семьи,— что во мне еврейского и зачем мне это еврейское? Я приехал в Америку, чтобы стать американцем, как все они, и я стану им, и дети мои станут, и внуки…

Хорошо известно, что въезжают в Америку новые эмигранты с помощью еврейских организаций. Но надолго ли

сохраняется влияние этих организаций? Социологический опрос показал, что если новоприбывшие и сближаются с еврейскими общинами, то делают это скорее из чисто прагматических соображений, не имеющих никакого отношения к их национальному сознанию. Проходит время, люди устраиваются, и уже никакого интереса к еврейской национальной жизни не проявляют. Правда, по инерции иные раз или два в год появляются в синагоге, некоторые отдают детей в еврейские школы, но все это носит чисто символический характер. Это скорее дань давно существующей в Америке традиции — примыкать к какой-нибудь религии, чем проявление еврейского самосознания. Впрочем, подобного самосознания мы не находим и у большинства американских евреев. Может быть, они и помнят о еврейской Пасхе и Пуриме, заглядывают иногда в синагогу, чтобы повидать знакомых и послушать веселого и остроумного ребе, но дух еврейской религии для большинства давно уже утратил свое значение. Вглядитесь: разве многие из них — по формуле Штейнзальца — не стремятся выглядеть большими американцами, чем сами американцы? И такими же, как они, хотят стать новоприбывшие из СССР.

Можно было ожидать, что противоположную картину являют собой иммигранты, приехавшие в Израиль, — кому же, как не им, начать жить еврейской национальной жизнью. Но оказывается, что и здесь мы ничего подобного не наблюдаем. Более того, происходит некая реакция отторжения. Именно еврейская религия и ее институты становятся факторами, вызывающими наибольшее раздражение среди многих новоприбывших. Общеизвестный факт: ни национально-религиозная партия Мафдал, ни ортодоксальное движение Агудат Исраель на последних выборах в Кнессет не получили почти никакой поддержки среди иммигрантов из СССР.

В Израиле гораздо интенсивнее, чем в Америке, развивается русскоязычная культура. До последнего времени здесь выходило 15 русскоязычных изданий, из которых наименьшей популярностью пользовался религиозный журнала "Менора".

В прошлом своем очерке я говорил о результатах социологического опроса, проведенного среди новых иммигрантов исследовательской группой доктора Эли Лешема. Так вот, эта группа пришла к выводу, что национальное самосознание советских евреев, о котором они сами столько говорили, практически не играло никакой роли при выборе ими страны проживания. Единственным фактором, выталкивавшим их из Советского Союза, был антисемитизм. Подобное объяснение, однако, не проливает свет на другую часть проблемы: почему, уже будучи в Израиле, изучив иврит, голосуя на выборах, став интегральной частью общества, иммигранты из СССР так стойко сохраняют свое не-еврейское сознание. Ответ на этот вопрос Аддин Штейнзальц предлагает нам искать в психологии не новых иммигрантов, а самого израильского общества, и снова мы попадаем в мир парадоксов, которые не так-то просто поддаются объяснению.

Государство Израиль создавалось на основе двух, во многом противоположных друг другу стремлений. С одной стороны, — это было движение за духовное самовыражение еврейского народа, с другой — национальное движение, которое развивалось в условиях войн и жесточайшей борьбы за существование и обладало очень специфическими представлениями о том, чего оно хочет достичь.

Основатели страны мечтали создать новый тип человека. Унаследовав духовное величие прошлого, человек этот должен был приобрести черты, которых, по мнению самих евреев, им прежде всего не хватало: физическую силу, прямоту, умение хорошо воевать. Вот так в Израиле и появился человек совершенно нового психологического облика — израильский сабра. В его прямоте, бескомплексности и бесстрашии мы мало находим от привычного нам образа галутного еврея. Он — израильтянин, и этим все сказано.

По словам Аддина Штейнзальца, здесь, в Израиле, выросла нация, которая по своему образу жизни и способу мышления стала более нееврейской, чем, может быть, какая бы то ни было нееврейская нация. Но если еврейское сознание — в его традиционном понимании — исчезает из психологии сабр, то можно ли ожидать, что оно будет впитано новыми иммигрантами?

Для них израильтяне — это, в сущности, другой народ, не имеющий ничего общего с их дедами и отцами, выросшими в еврейском местечке. И привезя с собой из России еврейскую тягу к мимикрии, они начинают подражать именно этому народу, Я не знаю, удается ли новым иммигрантам из СССР стать настоящими американцами, но те, кто приезжает в Израиль, израильтянами становятся. Я уже не говорю об их детях, которых бывает просто трудно отличить от сабр. И дело не только в том, что дети новых иммигрантов из СССР, как израильтяне, служат в армии, как израильтяне, ведут себя на улице и в обществе, — они довольно быстро обретают ту особую израильскую бескомплексность, которая мгновенно позволяет вам отличить их от советских иммигрантов, приехавших в любую другую страну. Как и новые американцы, они стремятся быстрее забыть, что они евреи. Но, если новые американцы это делают для того, чтобы поселиться, в сущности, в чужом доме, то для новых израильтян — это норма жизни их собственного дома, который они вновь обрели.

Давайте, однако, разберемся, что означает это понятие "собственный дом". Надо сказать, что и в Израиле и за его пределами оно давно уже получило однозначный смысл: всякий еврей, согласно Закону о возвращении, имеет право приехать в Израиль и стать гражданином этой страны. В соответствии с тем же законом действуют во многих странах рассеяния представители Сохнута, убеждая евреев этих стран приехать в Израиль.

Одним из главных центров их деятельности стала Вена, представляя собой, так сказать, перевалочный пункт для советских евреев, покидающих СССР. На эту пропагандистскую сверхзадачу еврейское агентство и правительство Израиля тратят колоссальные средства, практически не достигая или почти не достигая никаких результатов. Оказалось, что евреи, веками мечтавшие вернуться в страну предков, как святая святых повторявшие слова: "В будущем году в Иерусалиме", в большинстве своем не хотят возвращаться домой. И советские евреи в этом смысле не исключение. В Вене, беседуя с представителями Сохнута, они не устают

говорить о своей симпатии к Израилю, заявляют, что связывают с ним будущее своих детей, а после этого... едут в Америку.

В Израиле причину этого ищут в эмигрантах, в отсутствии у советских евреев еврейского самосознания. Но ведь то же нежелание репатриироваться наблюдается и у евреев других стран. Поэтому, я думаю, что причину создавшегося положения надо искать не в ком-то и не в чем-то, а в самом Израиле. Насколько Израиль в состоянии — не в декларациях, а на деле — стать домом для евреев диаспоры. Нет, я не имею в виду территорию Израиля и его ограниченные экономические возможности — эти факторы действовали на протяжении всей его истории и не препятствовали массовой эмиграции. Я имею в виду то, насколько сегодняшний Израиль — такой, как он есть, — соответствует представлению большинства советских евреев о доме, в котором они хотели бы жить.

— Поймите, — исповедовался перед сотрудником Сохнута один из новых эмигрантов в Вене. — В России я так устал от страхов, от угроз, от вечной неуверенности! Что ж вы хотите, чтобы в Израиле все повторилось снова? Извините, но я хочу спокойно дожить свою жизнь...

Это слова — не героя, не диссидента, не активиста борьбы за выезд. Это точка зрения обычного советского человека, представителя того самого "молчаливого большинства", которое не выходило на демонстрацию к Ливанскому посольству, не голодало возле Верховного совета, но которое — хотим мы того или не хотим — во многом определяет социально-психологический облик эмиграции. Я оставляю в стороне моральные оценки, но, право же, дом, желанное место жительства для этого большинства — это не то место, где воюют и на каждом шагу неудобства и лишения, хотя и продиктованные высокой целью, а место, где можно наконец начать жить спокойной и устроенной жизнью.

И потому именно в Америке — назовите это домом, назовите еще как угодно — новые эмигранты стремятся найти то, что искали. И находят. Именно здесь. Но все ли находят? И тут мы подходим к чрезвычайно важному и тонкому ас-

пекту, связанному с такими трудно выводимыми в современной жизни понятиями, как смысл бытия, или душевный комфорт, или степень удовлетворенности жизнью.

Американцы, преисполненные гордостью за созданную ими цивилизацию, предпочитают не углубляться в эти проблемы. Молчат о них и новые эмигранты. Зарабатывают доллары. Покупают дома. Играют в Лас-Вегасе. Летают во Флориду. Пьют в ресторанах ... и часто не затрудняют себя вопросом, а что же дальше? И зачем все это? И во имя чего? Я как-то стал свидетелем разговора на эту тему в одной нью-йоркской компании. В большинстве своем это были инженеры, хорошо устроенные и гордящиеся Америкой. А поленья в огонь то и дело подбрасывал, по-видимому, случайно оказавшийся здесь ученый-математик. "Да что вы понимаете, — набросился на него хозяин дома. — Это страна самой высокой в мире эффективности". На что математик, не без затаенной грусти, воскликнул: "А зачем мне ваша эффективность, если у меня отняли Моцарта!"

У человека нельзя отнять Моцарта. Это не удалось даже советскому режиму, который так часто оказывается бессилен перед растущей свободой духа. Но как мы уже знаем, и свободный мир не освобождает человека от многих моральных проблем. Тем более, когда он оказывается в обществе изобилия, И тем более трудно в них разобраться советскому эмигранту, вышедшему из мира, где все было поставлено с ног на голову.

Выше я говорил о специфически эмигрантских проблемах. Теперь я говорю о проблемах общечеловеческих, от которых страдает современное общество и которые не могли не свалиться на голову выходцам из Советского Союза.

Я не собираюсь пользоваться понятиями из арсенала советской пропаганды, твердящей о бездуховности американского общества, о падении его морали и отсутствии идеалов. Слишком рискованы обобщения, когда мы говорим о такой великой стране, как Америка, да и советская идеология никогда еще не помогала разобраться в жизни.

Но если есть сегодня у американского общества проблемы, то эти проблемы прежде всего в сфере духа. И в той

же сфере наиболее трудные проблемы нашей эмиграции. Поистине она может гордиться многими из своих достижений, обогативших американское общество. Но посмотрите перед какой нищетой мы оказались в сфере духовной.

Пускай не все, пусть речь идет опять же о молчаливом большинстве, но проблема от этого не становится менее болезненной. Очень часто наши дети уже не знают имен Блока, Цветаевой, Пастернака. Да что там Цветаева, Пастернак, когда для многих из них чужим становится сам русский язык, и утрачивают они это бесценное богатство с молчаливого благословения родителей.

Те, кто были там борцами и диссидентами, здесь как-то само собой превратились в благополучных обывателей, в сознании которых выветрилось само понятие о некогда провозглашенном ими же самими долге перед Россией. Какой долг? Какая Россия? Мы же в Америке, и здесь теперь все по-другому.

И, может быть, не было бы во всем этом ничего необычного, если бы, избавляясь с такой поразительной быстротой от духовного богажа прошлого, мы обретали некий эквивалент взамен. Ну если не литературу, не искусство, то хоть какую-то общую идею жизни, способную объяснить, ради чего мы совершили эту свою эмигрантскую одиссею.

Ну а что же Израиль? То же самое общество изобилия? И свои моральные проблемы? Все то же! Но еще и война, и бешеная инфляция, и экономический кризис... Но отчего же в Израиле так часто говорят о некоем гипнозе этой страны? О ее трудно объяснимом обаянии? И старожилы говорят, и теперь уже новые иммигранты.

— Просто что-то непостижимое, — рассказывал мне недавно в Тель-Авиве один знакомый врач. — Так все надоедает, что, кажется, хоть сейчас бы собрал чемоданы и на все четыре стороны, хоть в Африку, хоть в Новую Зеландию, чтобы только не эта война и не эти палестинцы, и не эта инфляция. А вот уезжаю — на один только месяц — и не могу, тянет назад, а что именно тянет — не знаю.

По-видимому, существуют в нашей жизни такие вещи, которые трудно объяснить привычными понятиями. Вещи

эти из области подсознательной и, если вы не способны их почувствовать, то вам уже ничего не поможет. Вот вспоминаю я первый день войны Судного дня. Октябрь 1973 года. Сидели мы в гостинице для новоприбывших Бейт-Бродецкий, и вдруг, примерно в полтретьего дня тишину взорвала уже полузабытая со времен войны сирена. Вечером ввели затемнение и велели закрасить фары машин темно-лиловой краской. Это было 6 октября, а наутро я, человек в Тель-Авиве новый, выйдя из гостиницы, невольно стал искать в жизни города приметы войны. Казалось, что , кроме затемнения и лиловых фар, ничего не изменилось. Но нет, изменилось! Изменилось поведение тель-авивских водителей. Еще вчера, до того как прогудела сирена, они беззаботно, не обращая внимания на пешеходов, разъезжали по улицам города. А сегодня, после начала войны, сотни, может быть, тысячи частных машин превратились в мини-автобусы. Они ездили по улицам и подбирали пешеходов, всех подряд — солдат, старух, школьников, домохозяек, всякого, кто поднимал руку и просил подвезти. Впрочем, это был только один пример из массы других примеров единения евреев против напавших на них врагов.

Через неделю меня вызвали в военкомат и предложили сдать в армию мою машину. А у соседского окошка стояла длинная очередь молодых ребят-добровольцев. И в очереди стоял наш сосед, шофер Сеня Рубинович. Он сказал, что его отец, тоже шофер из Черновиц, уже на войне, и вот теперь идет он. А его мать, кассирша супермаркета, куда мы заходили, жаловалась моей жене, что она не находит себе места — сын и муж уже вторую неделю не пишут. Позже мы стали друзьями — отец Сени купил такси, мать пошла работать в банк, а Сеня окончил школу физиотерапии и вскоре собирается жениться, но сейчас, когда я пишу этот очерк, он находится в самом пекле, в Ливане.

Во время своей последней поездки в Тель-Авив я был в гостях у этих моих знакомых и видел их вполне благополучную, счастливую семью, нашедшую в Израиле свой дом, ничуть не похожий на дома в Америке, где материально люди живут гораздо лучше, чем в Израиле. Впрочем, в этом доме

таксиста и банковской служащей тоже не говорят ни о Пастернаке, ни о Цветаевой, а все больше ругают инфляцию, дороговизну в магазинах и промахи правительства Бегина. Как в любой свободной стране, граждане которой без конца ворчат на ее порядки, но без нее не мыслят своего существования. Каждый выбирает свой дом, как выбирает свою судьбу. В бесконечном многообразии выбора сама суть демократии. Но похоже, что в этом мире, где все так эфемерно и относительно, пока еще никому из нас не удалось поймать жар-птицу за хвост — ни тем, кто уехал в Израиль, ни тем, кто начал жить в Америке.

И встает все тот же не дающий покоя вопрос, — о смысле нашей эмиграции: вместе с прекрасной обильной жизнью всем ли нам она принесла еще и нравственное удовлетворение? Мы ушли из страны, где перед нами не вставала эта проблема. Мы находили нравственное удовлетворение в самом неприятии режима, порвав с которым, мы в собственных глазах совершили как бы нравственный подвиг. Но вот мы уже здесь, и нет над нами ненавистного тоталитарного сапога, а есть вокруг безмятежно свободное демократическое общество. Где же нам здесь найти нравственные точки опоры? О том, какой должна быть наша новая жизнь, многие из нас думали еще там, в России, когда строили планы на будущее. Но, как теперь я понимаю, уезжая мы хотели соединить несоединимое. Мы ненавидели тоталитаризм, но по-своему любили Россию и, эмигрируя на Запад, хотели ее увезти с собой.

Эту нашу внутреннюю сокровенную мечту , пожалуй, лучше всего выразил Борис Хазанов в своей статье "Новая Россия", напечатанной в восьмом номере журнала "Время и мы". То была статья о трагической раздвоенности, переживаемой тогда значительной частью русско-еврейской интеллигенции. С одной стороны, невозможность жить дальше в условиях тоталитарного, черносотенного режима, а с другой — почти физическая невозможность расстаться с Россией и, прежде всего с русским языком, жизнь вне которого не мыслили многие из нас.

"Россия, которую я вижу перед собой, мне отвратительна, — писал Борис Хазанов. — Но вообразить себя в среде, где умолкла русская речь, я не в силах. Русский язык — это и есть мое единственное отечество. Только в этом невидимом граде я и могу обитать...". И далее Хазанов продолжает: "История знает Новую Англию и Новую Голландию, знает примеры колоний, которые со временем, в силу закона обратного действия, подобного действию следствия и причины, оздоровляли и облагораживали метрополию... Можно основать русскую колонию где-нибудь в Канаде, Австралии, Новой Зеландии или вообще где угодно. Давайте сговоримся и махнем туда все... Пускай в этой Новой России будет вначале только тысяча граждан. Она станет расти, как кристалл. Там, на новой земле, как на новой планете, мы взрастим нашу свободу, сохраним наш язык, наш образ мыслей, нашу культуру и нашу старую Россию".

Эта статья Хазанова вышла в свет в июне 1976 года, и тогда же, летом этого года, ко мне в Тель-Авив приехал недавний иммигрант из Риги Мордыхай Лапид и рассказал о грандиозном проекте создания неподалеку от Петах-Тиквы первого в Израиле города новых иммигрантов из России. Уже действовала возглавляемая Лапидом инициативная группа, уже существовал архитектурный план, уже составлялся список будущих жителей. Все в этом городе будет наше, с увлечением говорил Лапид, — школы, кино, муниципалитет, и все на русском языке. Лапид спросил, не соглашусь ли я стать редактором первой русской газеты в этом городе. Каюсь, проект зажег и меня, и я согласился. Затем начались хождения по канцеляриям Сохнута, разногласия: что и как должно быть... Забегая вперед скажу, что русский город так и не был заложен ни в 1976, ни в 1977, ни в последующие годы. Тем временем его инициаторы свободно овладели ивритом и успешно адаптировались в стране. Мордыхай Лапид стал активистом религиозного движения молодежи "Гуш Эмуним", наших детей все труднее было отличить от детей сабр. И чем больше мы жили в стране, тем наивнее и нелепее выглядела уже в наших собственных глазах столь дорогая нам поначалу идея Новой России. Теперь, когда уже за

плечами многие годы иммиграции, я часто спрашиваю себя: "А не хотели ли мы тогда, неподалеку от Петах-Тиквы, построить русское гетто в Израиле? Таких Новых Россий, Новых Румыний, Новых Польш, Новых Грузий, замкнутых, живущих своими жизнями и говорящих на своих языках, в Израиле могло быть построено десятки, но сохранился ли бы тогда Израиль?

По-видимому, одним из первых эту опасность понял Бен Гурион, высказав хорошо известную в Израиле идею "плавильного котла". Если мы хотим выжить, мы должны стать гигантским плавильным котлом для всех культур и языков мира, на которых говорят евреи. К этому сводилась идея Бен Гуриона, исключавшая самую возможность создания новоприбывшими своих эмигрантских гетто. Впрочем, в Израиле не существует самого понятия "иммигрант", а есть понятие "новый оле"— человек, вернувшийся на свою национальную родину, а если быть более точным в переводе, — совершивший алию, то есть поднявшийся в Израиль. Возвращение в Израиль — это всегда нравственный подъем человека.

У эмигрантов, меняющих страну, в том числе и у тех, кто едет в Америку, могут быть разные цели: одни, преследуемые войной, разрухой или голодом, ищут убежища, другие — политических свобод, третьи — устроенной, зажиточной жизни.

Израиль, по крайней мере сегодняшний Израиль, существует для тех, кто одухотворен идеей национальной родины. Ради обретения такой единой родины и едут сюда евреи. А потому всякая эмигрантская жизнь, всякая Новая Россия или, скажем, Новая Грузия здесь попросту бессмысленны. И, может быть, поэтому правительство Израиля не опасается селить эмигрантов вместе — безо всяких идей о Новой России здесь появились целые районы выходцев из СССР: Кирьят-Ям под Хайфой, Кирьят-Шарет в Хулоне, Абу-Кабир в Тель-Авиве и другие. Их жители радовались, что они все из России и могут говорить по-русски и по субботам собираться и распевать русские песни... Но прошло несколько лет — и все поразительно изменилось. Началось, как всегда, с детей, заговоривших на иврите, но из-

менялись и взрослые, входившие в жизнь общества. Стали одеваться и обставлять квартиры, как израильтяне, выбирать среди них друзей... И никто более не держался за русских соседей, обменивались, разъезжались, искали квартиры более удобные...

Шел я недавно по улице Ханы Снеж в Кирьят-Яме: кругом ивритская речь, на стенах ивритские вывески, под ногами крутятся маленькие сабры — разве у подъездов, на лавочке еще увидишь сгрудившихся старичков, все еще ведущих свои разговоры по-русски... И поймаешь себя на мысли: "да ведь это ж Кирьят-Ям, район русских эмигрантов, в котором не осталось ничего русского".

В отличие от Израиля Америка не становится для советских эмигрантов их национальной родиной. Но вот парадокс: Америка — это в сущности тот же плавильный котел, о котором говорил Бен Гурион, хотя и лишенный национальной окраски.

Я провел свой "социологический опрос" среди десяти знакомых американцев в Нью-Йорке. У восьми из них родители были выходцами из России или стран Восточной Европы. Америка — великая и открытая страна, но открыта она для тех, кто, несмотря ни на какие трудности, готов войти в ее жизнь. По-своему здесь действует закон отрицания отрицания: будучи страной эмигрантов, Америка решительно отрицает их право на замкнутость, на собственное внеамериканское бытие. И это хорошо понимают советские эмигранты и, как мы уже говорили, стремятся стать большими американцами, чем сами американцы. Но похоже, это удается пока им только внешне. Освоив в лучшем случае язык и некоторые из обычаев этой страны, они с такой страстью сжигают корабли, что вообще перестают ощущать под собой палубу.

Кто мы?

Русские? Мы больше не хотим себя ими считать и в страстном желании порвать с прошлым выплескиваем вместе с ванночкой и ребенка. Зачем нам русская культура? Зачем нам Блок? Зачем Пастернак и Цветаева? Зачем нашим детям русский язык, если мы наконец уже здесь, в вожделенной Америке?

Евреи? Но какие же мы евреи, если мы не поехали в Израиль и не имеем ни малейшего желания жить еврейской национальной жизнью?

Американцы? Да, похоже, мы хотим ими стать и, не уставая, говорим об этом. Но отчего же мы так часто сторонимся их? И так мало имеем среди них друзей? И так скучаем в их окружении? И так рвемся — ох как рвемся! — все в ту же свою эмигрантскую среду? Похоже, мы застряли между двух миров и, без конца воскуривая фимиам своей "новой родине", отнюдь не находим точку опоры, а только демонстрируем все тот же исконный советский конформизм: хвали государство, в котором живешь, — не ошибешься!

Впрочем, зачем уж так обязательно кем-то быть? Америка — страна индивидуалистов и потому не требует ни под кого подделываться, никому и ни в чем подражать, а лишь каждому предоставляет свободу быть самим собой и искать свое место под солнцем. Да, эта страна живет по своим законам. У нее свой Бог и свои идеалы. Бог, равнодушный к словам и уважающий только дело. Ну а мы, в трех лицах единые, — русские-евреи-американцы? Где нам найти своего Бога? И как построить свою жизнь в этом жестоком, сложном и столь малопонятном мире.

Все мы только ищем и благодарим судьбу за то, что она дала нам такую возможность.

Каждый ищет свое. Кто-то деньги. Кто-то покой. А кто-то ищет согласия. Согласия внутреннего с самим собой и потому независимого ни от каких превратностей судьбы.

...исключительное чувство национальности никогда до добра не доводит.

А.Герцен "Былое и думы"

Ефим Эткинд

"ПРАВОСЛАВИЕ, САМОДЕРЖАВИЕ, НАРОДНОСТЬ"

По страницам журнала "Вече"

Альманах "Вече" гордится тем, что он — цельный. В редакционной передовой (№4) скромно цитируется статья из "Нашей страны" (Буэнос-Айрес), где о "Вече" сказано: "С первой до последней страницы все продумано...". Эта оценка (самооценка) справедлива: да, все продумано. И бело-сине-красная обложка — русский национальный флаг, — и фамилия оформителя (или псевдоним?) — Адам Русак, — и систематическая реклама в журнале книги "Художник и Россия" — книги отзывов с двух выставок Ильи Глазунова, представляющей собой, как сказано в рекламном тексте, "уникальный документ, свидетельствующий... о бурном возрождении русского самосознания..."; эта книга рекламируется и в другом месте того же альманаха — она, дескать, имеется на складе Генерального представительства альманаха "Вече" "на латино-американские страны"... Заказывайте ее! Илья Глазунов пользуется особыми симпатиями издателей "Вече". Так оно и должно быть.

К Илье Глазунову мы еще вернемся. Пока же, исходя из постулата, выдвинутого самой редакцией альманаха "Вече" — все продумано — рассмотрим последний его выпуск (№ 4) как цельную книгу, хотя на обороте титула и сказано с завидной осторожностью: "Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, не обязательно выражают мнение редакции"; нам-то в общем все равно, каково мнение редакции, — нам важно, чему учит альманах, в котором "все продумано".

Чему же учит "Вече" своих читателей? Четвертый выпуск содержит сумму положений, которые, взятые в совокупности, составляют пугающе знакомый комплекс идей... Но не будем забегать вперед; сначала перечислим эти идеи почти в порядке их возникновения на страницах альманаха. Авторов — пока — не называю, ссылаюсь лишь на номера страниц.

1. Существуют две противоположные эмиграции из России; одна — старая, "этнически русская в своем большинстве", которой дорога Россия; и вторая — "вся новейшая", "в руках которой и находится пресловутая "большая пресса".

О первой: "Русская культура созидается и охраняется теми, кому прежде всего дорога Россия: национальная, историческая, вечная" (5-6).

О второй, "новейшей": она самозванно вещает от имени России" (6), она "как лопнувшая труба, принявшаяся удобрять ниву эмигрантского просвещения для антирусских саженцев" (5).

Понимает ли читатель все изящество сравнения "третьей волны" с канализационной жижей? С этой ноты начинается рассматриваемая книга: мы — святая Русь, а вы, "новейшие", вы — канализационная жижа.

2. Коммунизм — явление ненациональное, наднациональное; это — "неестественная метафизическая сила", абсолютное Зло.

3. Запад коммунизму сопротивляться не может — он обречен.

"...Запад слаб в своей основе, в результате трехвекового развития самой Европы. Нынешнее общество Запада, как оно существует, все более в виде потребительского, разочарованного в труде, гедонистического, с разрушаемой семьей, наркоманского, атеистического и парализованного терроризмом — исчерпало свою жизненную силу, потеряло духовное здоровье, — и в сегодняшнем вида не может выжить" (10).

4. Западная демократия порочна в своей основе; она ведет американское, например, общество, к скорой и неизбежной гибели.

"Демократию разъездает либерализм, дезорганизация общества, глуповатая половинчатость, недисциплинированное попустительство... Толпа получает право на терпимость бесчинств. В наше время демократия уже выдохлась к 1930-м годам. Она просто потеряла лицо, а значит, и честь... (45).

5. Грубость, свойственная авторам "Вече", говорит о их нетерпимости и органическом неприятии демократии. Понятно, что, если считать всех демократов "дерьмократами" (45 и сл.), разговаривать с "инакомыслящими" вежливо нет никакой надобности. Тогда новейшая эмиграция из России и становится канализационной жижей, а интеллигенция XIX века — "смрадными букашками в духе Белинского" (73)... Или вот еще, не угодно ли: "...есть один объект, где художественное произведение само является психоанализом чего-то предельно низкого, презренного, до предела развращенного и отвратительно безобразного — Революция" (64-65), "...такие лица, как Дантон, Марат и Робеспьер, как Ленин, Дзержинский, Ежов и пр. и пр. /.../ для появления подобного рода, так сказать, сгустков революционного злодейства и садизма..." (72).

Кстати, авторы, настаивающие на своей монопольной "русскости", должны бы писать на хотя бы сносном русском языке. Ну что это за такая "лопнувшая труба, принявшаяся удобрять ниву..."? Подумайте, господа "веченосцы", может ли труба приняться удобрять? Это еще что, — это еще только "саженцы" языковой безвкусицы...

6. Западные демократы нас, русских, понять не могут — они дебилы; диалог с ними невозможен — незачем даже пытаться.

"...моя статья демократам-иноземцам совершенно не будет понятна. Кто и фразы поймет, суть упреков ускользнет от демократа (их в детстве либерализмом мамка ушибла)... Все в статье написано не для коренных американцев, не для дерьмократов вообще, а для живых сердцем и бодрых духом русских" (46).

"...Янки не понимают. До их дерьмократических мозгов, пронизанных вздором и своеволием, суть дела не доходит" (61).

Итак, метафора канализационной жижи развивается: прежде этот поэтический образ относился к "третьей волне" эмиграции, теперь — к янки — "дерьмократам", которые просто ослеплены конституцией... Янки смотрят на свою конституцию, как гусь на молнию... (50). Их государство — это "поистине свободная дерьмократия!" (50).

7. К числу вздорных "дерьмократических" выдумок относятся: суд присяжных (54), свобода забастовок и профсоюзов (58), экономическое самоуправление и самостоятельность штатов (59) и все прочее.

"Забастовки и неумеренные требования зарплаты разрушают экономику страны... Все и во всем распоясались..." (58).

8. Россию погубили такие же демократы и либералы, принесшие в страну революционные идеи, чуждые русскому народу.

"Ведь если бы не было французской революции 1789 года, именуемой "Великой", если бы не было восстания национальных мастерских в 1848 году и если бы не было Коммуны 1871 года, если бы не было Гегеля, Маркса и Энгельса, то есть явлений, ничего общего с национальным славянским духом не имеющих и этому духу глубоко чуждых и враждебных, — если вообще не было бы русского западничества, могла ли совершиться эта ужасная антихилиастическая мечта, о совершении которой день и ночь думали... существа с горячечными, бредовыми, истерическими головами и ледяными сердцами»..." (76).

9. Россию, короче говоря, погубила интеллигенция.

Русское западничество и освободительное движение XIX века относятся к "революционной импотенции, революционному уродству и интеллигентской умопомрачительной глупости" (77). Они все довели Россию до "февро-октября" (65) — все эти "смрадные букашки в духе Белинского" (73), или "кувыркающийся перед красной, левацкой молодежью Кармазинов—Тургенев, отлично знающий, что задумана революция как убиение и погребение в грязи, собственно — утопление в грязи — всей России" (75).

Нужно отдавать себе отчет в "бездарности, как врожденной, так и благоприобретенной, — например, от прогрессивного паралича, от преждевременного слабоумия, от долговременной и упорной мастурбации, как это мы видим на примерах Чернышевского, Добролюбова и многих других из той же компании..." (79).

В конце книги, в статье одного из ее редакторов, совсем уж прямо сказано: следует издать "толстый том" о

"противоправительственной деятельности русской аристократии и интеллигенции" "в назидание нынешним "образованцам", духовным наследникам радикальной и либеральной... интеллигенции, погубившей Россию" (190).

Погубившей Россию!.. Как мы видели, это относится к русской интеллигенции, начиная с Тургенева.

10. Главные враги русского народа — сепаратисты, желающие расчленения Российской империи:

"Сторонники "расчленения" России (самостийники украинские, белорусские, грузинские и т.п.) имеют одну цель — самим захватить власть в облюбованных ими районах России, попав туда на ваших (то есть американских) танках и самолетах" (167), между тем кек "...три четверти населения этих облестей (Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и др.), гордясь своей землей и любя ее, все же считают себя россиянами" (168).

Поэтому лозунги сепаратистов ведут к одному: народ, приверженный великой Руси, готов поддерживать советский режим, лишь бы сохранить империю.

Итак, за Великую Русь! И против дерьмократов, потому что **"демократическая погань" только и ожидает момента, когда будет возможно разрезать Россию на 100 самостийных республик" (171).**

Так и сказано: "демократическая погань".

11. К той же "погани" относятся — этого можно было ожидать — масоны. Масонами были все виднейшие большевики (их список приведен на странице 192, причем автора, из которого он взят, укоряют лишь за неотчетливость ссылки) и убийцы "австрийской наследственной четы, спровоцировавшие мировую войну".

12. Тут же рядом читателю сообщается (в каком-то сомнительно-полемическом контексте), что Зиновьева звали Апфельбаум, Овсей Гершон Аронов, а организатора расправы над царской семьей Юровского — Янкелем. Прямее сказать неловко, да ведь и так достаточно понятно... (194-195); о жидо-масонах мы слыхали давно.

13. Русский народ — богоносец, и как таковой ни в чем виновен быть не может. Кто же несет ответственность за большевистский переворот и революционные зверства? Ответ недвусмыслен: инородцы. Инородцы подавляли антикоммунистические восстания, они же охраняли Кремль и

Ленина от ярости масс:

"...подавлялись не столько русскими большевиками, сколько, главным образом, чужой силой, красными латышскими стрелками, венгерскими и австрийскими интернационалистами и китайскими наемниками..." (129-130); "...попытка сбросить в Москве советскую власть была ликвидирована чужой силой" (147)... "Исход сражений за Ярославль, как в Москве — Казани, был решен чужой силой" (155).

14. Канонизация Николая Второго — акт высокой справедливости и подвиг Синода, ибо царь был убит

"...даже не как царь, а как Удерживающий, препятствующий злым силам захватить мир... В лице императора-мученика выразим благодарность не только ему, но и его предкам, обеспечившим нам блестящее резвитие нашего государства и нашей культуры, защищавших весь мир от безудержного развития злых сил" (19).

15. Будущая Россия — самодержавная монархия, управляемая царем совместно с православной церковью.

"Наша цель есть возрождение Русского Православного Царства. Наш девиз: "За Веру, Царя и Отечество!" Вот почему на первом месте стоит Православие..." (169).

16. Старинный лозунг "Православие, самодержавие, народность" возвращается, даже не пережив обновления. Он и звучит почти так же, как прежде:

"...доминантой в хоре современного русского возрождения все чаще вырисовывается принцип почвенничества, основанного на православии и русскости, без которого немыслимо освобождение русского народа от гнета безбожного интернационала" (162).

Таков трактат, без особого труда извлекаемый из одного выпуска "Вече". Главные идеи, проходящие через всю книгу, это — повторю:

национализм, то есть представление о том, что иностранцы сделали все ради погубления русской нации, которая теперь по их вине находится в стадии духовного и биологического вырождения, что даже такой плод иностранного духа, как Петербург, для России губителен;

интеллигентофобия, то есть ненависть к интеллигенции, которая оторвала народ от Бога, внесла в его душу смятение и сомнения, научила его гнусным западным теориям, оказалась носительницей либерализма и "дерьмократических" идей;

отвращение к демократии, которая противо-

показана русскому человеку, исконному обожателю самодержавия; отвращение ко всем формам демократических свобод, несущих миру разруху и хаос (от свободы печати до забастовок);

имперская идеология, то есть приверженность к великой России, включающей в свой состав множество наций и народностей (логически имперская идеология не сочетается с национализмом: почему же не признать за другими нациями той избранности, которая приписана русскому народу!);

консервативный монархизм — стремление вернуться к давно забытым безнадежно-архаическим государственным формам;

церковность, доходящая до теократии — утверждение единственности православной церкви, слитой к тому же с государственной властью: "Наша цель есть возрождение Русского Православного Царства" (169).

Комплекс этих идей существует именно как таковой. Доведенный до известной крайности национализм рождает своих спутников: ксенофобию, ненависть к демократии, имперский дух, осуждение критической интеллигенции, авторитаризм, находящий наилучшее оправдание в теократической монархии, поскольку здесь всесилие власти освящено авторитетом церкви, ссылающейся на Бога. Этот закон распространяется главным образом на национализм больших и сильных народов, который, едва возникнув, становится национализмом наступательным. У малых и слабых он носит характер оборонительный: в таких случаях (редко, но все же) национализм соединяется с демократией. Комплекс идей, выдвигаемый альманахом "Вече", кажется порой смешным — настолько все это старомодно, иллюзорно, оперно. Один из авторов "Вече" всерьез цитирует "Книгу воспоминаний" (1933) Великого князя Александра Михайловича, который, между прочим, заявлял: "Императорский строй мог существовать до сих пор, если бы "красная опасность" исчерпывалась такими людьми, как Толстой и Кропоткин..." (189); и это утверждение, и дальнейшее развитие той же мысли вызовут сегодня недоумение и смех.

Впрочем, не так это и смешно. Будь у меня тут место, я

бы мог против почти каждого из пунктов, выделенного мною в "Вече", привести цитату из сочинений идеолога германских нацистов Альфреда Розенберга. Кстати сказать, Розенберг учился в Московском университете и многому научился у членов Союза Михаила Архангела да и вообще у всех русских черносотенцев. Конечно, Альфред Розенберг не звал немцев к православной монархии; но, за исключением этого специфического звена, все прочее совпадает. Весь комплекс идей. В этом каждый читатель "Вече" должен отдавать себе отчет. И каждый автор.

Я говорю: "и каждый автор" и настаиваю на этом. Потому что не все, кто сотрудничает в "Вече" или позволяет этому журналу перепечатывать свои статьи, заранее понимают контекст. Так, А.Солженицын разрешил "Вече" опубликовать свою реплику на введение военного положения в Польше; но понимал ли он, в какой ряд встанет его статья? Едва ли некоторые положения, выдвигаемые "Вече", ему по душе: известно, что не такой уж он непримиримый противник "сепаратистов", и не такой уж сторонник причисления последнего императора к лику святых (ср. в "Вестнике РХД", с.135: "...всякое формальное официальное прославление, исходящее от меньшинства, оторванного от народа, неизбежно будет носить частный, полуполитический, полусвоекорыстный характер...") . Эти расхождения тем более существенны, что, как правило, авторы "Вече" выступают единым строем, проявляя безусловную солидарность, — например, в отношении демократов или инородцев.

Можно опровергнуть приведенные выше положения, но стоит ли здесь этим заниматься? В руках "новейшей эмиграции", которую автор "Вече" честит "демократической поганью" далеко не вся "большая пресса". Нет у этой "погани" ни одной газеты, и "демократы" издают два-три журнала на свои медные деньги. А что означает широко распространившийся ныне тезис, будто бы коммунизм — метафизическое Зло, и нет у него конкретных носителей? "Мировой коммунизм — всегда внешняя сила по отношению ко всякому народу... Коммунистическая идеология — это такая неестественная метафизическая сила, которая действует как бы во-

преки законам физики, экономики и социологии" (9). Но ведь даже сатанинское начало должно, жить в живых людях. Когда-то, в революционные годы, латышские стрелки кое-чем помогли Ленину и Троцкому; но, право же, неужели в многомиллионной России все делалось чужими руками? Латышские стрелки, китайские наемники, разные Апфельбаумы и Янкепи... А где же был народ-богоносец? Да, отождествлять русский народ с коммунизмом нельзя; но писать о том, что русские более всех других унижены в своей стране, "оккупированной коммунистами", странно. Что это значит — страна, оккупированная коммунистами? Ведь если рассуждать, как "Вече", исходя из национальной принадлежности, у коммунистов должна быть национальность. Кто же они, эти оккупанты России? Кто они — по пятому пункту — по происхождению? Были когда-то в руководстве грузины, евреи, армяне; их больше нет. Остались русские и украинцы. Прорусская патетика "Вече" опоздала. Ситуацию в СССР описывать в национальных категориях нельзя. Когда во главе партии и народа стоял грузин, даже тогда "оккупации" не было, да и вообще не было оккупации, а было однопартийное государство, привязавшее к себе большинство населения пропагандой и террором. Утверждать сегодня, что "все население ненавидит коммунистическую власть, кроме членов администрации..." (171), рискованно; это можно себе позволить только, если ничего не знать про истинное положение в СССР. А.Зиновьев едва ли прав, когда настаивает на том, что все население Советского Союза поддерживает верхушку правящей партии; но "Вече" еще глубже ошибается, уверяя, что "все население ненавидит...".

Другой автор "Вече" с такой же категоричностью прорицает успех будущего фюрера в России: "Если бы появился Вождь — 80% поддержало бы его, но пока Вождя не видно" (171). Откуда автор взял цифру 80%? А может быть, 70 или 68? Я, грешным делом, думаю, что "русского фюрера" поддержало бы не более 10% национально ослепленных фанатиков, да и тех не нашлось бы. Обожглись на Вождях...

Еще один автор позволяет себе безапелляционно заявить, что (повторю цитату) "три четверти населения этих областей

(Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и др.), гордясь своей землей и любя ее, все же считают себя россиянами..." Откуда взята эта нелепая уверенность? А может быть, не три четверти, а две или одна? А может быть, — ни одной?

"Вече" пересматривает наши представления о культурных процессах и силах в XIX и XX веках. Так, Б.Н.Чичерин назван "выдающимся русским политологом" и его "курс государственной науки" рассматривается как авторитетный источник, в котором справедливо осуждается демократия как "господство посредственности". Кто же был на самом деле Б.Н.Чичерин? Достаточно заглянуть в его сочинения, чтобы увидеть, что прав не автор "Вече", а, например, Н.Огарев, друг и соратник Герцена, писавший в 1862 году:

Палач свободы по призванью,
Палач науки по уму,
Прилгавший к ясному преданью
Теоретическую тьму.
Как ты ни гордо лицемерен,
А все же знай, Видок Тетерин,
Что ты, в глазах честных людей,
Доносописец и злодей,
Холоп и шут самодержавья...

Н.Огарев не нравится авторам "Вече"? А Минаев, писавший: "Кто Славянин молодой, Греч мощью, а духом Булгарин..."? А М.Михайлов? Он тогда же, в 1862 году, заклеймил Чичерина в эпиграмме:

Юмористическим чутьем
Под вашей докторскою тогой,
Под вашим мудрым париком,
В изгибах речи вашей строгой
Нагайку чуем казака...

Эти строки авторов "Вече" не смутят, поскольку казак с его нагайкой им по духу ближе М.Михайлова, принадлежавшего к "демократической погани". Вот как в "Былом и думах" охарактеризован Чичерин: "Он в императорстве видел воспитание народа и проповедовал сильное государство и ничтожность лица перед ним. Можно понять, что были эти мысли в приложении к русскому вопросу. Он был гувернементалист, считал правительство гораздо выше общества...

Все это учение шло у него из целого догматического построения, из которого он мог всегда и тотчас выводить свою философию бюрократии" (с. IV, гл.32).

Можно сказать: зачем цепляться к одной фразе о каком-то забытом Чичерине? Имеет ли это значение? Не придирка ли?

Вопрос о Б.Н.Чичерине — принципиальный. "Вече" хочет пересмотреть все, что издавна знакомо из русской культуры прошлого века. Напомню, что уже в номере первом "Вече" опубликована апология К.П.Победоносцеву — о нем в первом же абзаце сказано: "...этот глубоко верующий и глубоко церковный человек всеми силами старался служить России, которую он любил безгранично". Ну, а как же быть с оценкой Блока? Оказывается, Победоносцев потому и распространял свои "совиные (!) крыла" над Россией, чтобы охранить ее от нависшей над ней "тени Люциферова крыла" (1, 93-94); восклицательные знаки в скобках принадлежат автору "Вече" и в этой его "охранительности" его значение; "Победоносцев принадлежал, безусловно, к самым выдающимся деятелям своего времени" (1, 45).

Итак, вопреки всей интеллигенции России и вопреки очевидности (достаточно прчитать зловещую переписку Победоносцева с Александром Третьим) "Вече" превозносит оберпрокурора Синода, о котором даже почитаемый (вероятно) "веченосцами" Вл.Соловьев с презрением написал:

На разных поприщах прославился ты много:
Как евнух ты невинностью сиял,
Как пиитист позорил имя Бога
И как юрист старушку обобрал.

Перелистайте четыре выпуска "Вече" и вы увидите, что славные русские деятели облиты грязью — только за то, что они повинны в либерализме (например, И.С.Тургенев), а некоторые, кто завоевал устойчивую репутацию мракобесов, прославлены. Что же, это понятно и логично. Герцен упрекал Чичерина как раз за то самое, что вызывает восторг "веченосцев".

Предвижу вопросы, которые вправе задать мне читатель, и попытаюсь сразу же на них ответить.

1, Почему не названы авторы статей? Потому что в данном случае важна установка не авторов, а издания как такового. Да и авторы ссылаются друг на друга, утверждая, таким образом, свою совместную ответственность. Автор статьи об американской "дерьмократии" профессор Ростислав Плетнев в самом начале своего текста сообщает о письме к нему другого автора "Вече" А.Солженицына, содержащем оценку и совет: "Ваша критика Америки — очень содержательна. Вот вы бы... и написали статью... об этих фактах. Напишете?" И Р.Плетнев продолжает: он пишет статью, "следуя совету Александра Исаевича" (44).

2. Почему в самом начале статьи такое значение придано прославлению "Вечем" Ильи Глазунова? Потому что здесь, в "глазуновской точке", встречаются два русофильства: оппозиционно-эмигрантски-антисоветское, с одной стороны, и официально-советское, московско-правительственное — с другой. Илья Глазунов — не только разрешенный славянофильствующий живописец, но и любимец начальства, портретист коммунистических вождей, поощряемый ими националист. Встреча двух националистических потоков — самое опасное явление современности, во всяком случае для России, но не только. Журнал "Вече" сначала выходил в Москве — в 1971 году появился в самиздате первый номер журнала, который "волею обстоятельств... стал первым в СССР периодическим органом русского национального направления" (Вл.Осипов, редактор "Вече"). Издатели нового "Вече", возобновленного десять лет спустя, теперь упрекают прежнего редактора за то, что тот "честно старался быть лояльным по отношению к власти", они же "решительно отвергают какую бы то ни было лояльность по отношению к той антинародной и антинациональной власти, которая господствует в СССР" (1,5). Дело не в "лоялизме", а в схождениях; в СССР тоже существуют, может быть усиливаясь, национальные тенденции. Группа критиков и литературоведов Палиевский — Кожинов держится уверенно, Институт Мировой литературы их поощряет и поднимает в должностях. "Глазуновская точка" — это реальный перекресток обоих национализмов.

Такое схождение тем более допустимо, что в важнейших точках — не только в "глазуновской" — оба национализма встречаются; таковы (кроме идеи об исключительности русского народа, провозглашенной еще Сталиным и подтвержденной во время антикосмополитической кампании): ксенофобия, интеллигентофобия, презрение к тому, что посоветски называется "буржуазная демократия", а на языке "Вече" — "дерьмократия", имперская идеология — приверженность великой России и ненависть к "сепаратизму", авторитаризм — приверженность сильной власти (вспомним слова Герцена о позиции Чичерина: "сильное государство и ничтожность лица перед ним... правительство гораздо выше общества...") ; необходимость государственной идеологии.

Последний пункт содержит единственное, пожалуй, расхождение. Коммунисты считают, что монопольно-государственной идеологией должен быть марксизм-ленинизм, "веченосцы" настаивают на православии. Коммунисты отдают руководящую силу партии и ее верхушке, "веченосцы" — церкви и ее жрецам, а также помазанному церковью монарху. Налицо — и различие, и сходство. Различие очевидно; сходство же — в признании обоими национализмами необходимости монопольной идеологии. Не ясно ли, что сходство более существенно?

Смешно защищать современную демократию от альманаха "Вече". Нападая на свободы, завоеванные с таким трудом народами Запада и, в частности США, играя словами, проклиная забастовки, профсоюзы и прочие проявления "дерьмократии", авторы "Вече" ставят себя в положение комическое. Для нас же, сторонников демократии, важно только то, чтобы люди Запада не судили о нас, русских, по "Вече", И чтобы интеллигенция России не думала, что в эмиграции все уступают искушению крайне правого национализма и сопутствующих ему болезненных искривлений психики.

Дора Штурман

НЕ СПОТЫКАЙСЯ, ЗАГНАННЫЙ ОЛЕНЬ...

В самиздате и в тамиздате есть два больших потока: животрепещущий вал злободневных, потрясающих нас, однако, сиюминутных работ и мир долгоживущих литературных явлений. Вторых всегда меньше, чем первых. Роман Феликса Розинера "Некто Финкельмайер" (London, "Overseas Publications Interchange", 1981) принадлежит к аристократическому племени книг-долгожителей. Это не обличительная литература, а литература как таковая. Не случайно роман получил парижскую премию имени Владимира Даля за 1980 год.

Я надеюсь, что, сколь долго ни останется эта книга закрытой от большинства русскоязычных читателей, она придет к ним не отжившей свой век. В книге есть мощные всечеловеческие начала. Но они столь ограничены в пространстве и времени, что читателям, пребывающим вне этого пространства и времени, трудно воспринять книгу во всей ее полноте.

Правда, временной интервал весьма широк: перед нами проходят тридцатые, сороковые, пятидесятые, шестидесятые и семидесятые годы. Без причастности к бытию упомянутых лет трудно постичь написанное в его глубине.

Заглавный герой книги — поэт, и притом большой. Ф.Розинер сумел воссоздать в читателе ощущение поэтической сверходаренности своего героя. "Некто Финкельмайер" — это роман о жестокости мира к поэту и о жестокости поэта не только к тому, кто его вместил, но и к тем, кто случается на его пути. Поэт внятен и нужен немногим, но и этих немногих он не всегда умеет щадить. То в порыве неистовой благодарности он целует руку случайному читателю своих стихов, то не слышит обращенной к нему мольбы о спасении. Слух, которому внятно все, бывает роковым образом отвращен от ближайших. Едва отогревшись в чужом тепле, поэт бежит в одиночество — синоним свободы. И только за несколько шагов от гибели он отрекается от этого своего прибежища, ранее покидаемого лишь изредка и лишь для немногих избранных. Но в те дни, когда его вдруг затопляет жажда обыденного, он перестает быть поэтом и перестает себя им ощущать. На время? Надолго ли? Навсегда? Неизвестно: смерть снимает эти вопросы.

Поэта убивает человек, судьбой которого тот когда-то бездумно распорядился. Стоит ли напоминать, что не по своей инициативе, а под давлением других людей? Финкельмайер не склонен поддаваться давлению, но на этот шаг решился легко.

Итак, жил-был охотник на Дальнем Севере, сын крохотной угасающей народности. Он добывал и продавал пушнину, пил спирт, имел чум, оленей и женщину, которая готовила ему еду и одежду. Была у охотника песня, которая незатейливо перечисляла все, что возникало у него перед глазами и просила у жизни удачи. Поэт услыхал от охотника перевод его бесконечной песни, вдохновился ею и, подтолкнутый под локоть дьяволом, представил одному из московских издательств свои стихи как перевод несуществующих стихов охотника. Охотник и его переводчик выступали в печати под одним псевдонимом (Айон Неприген — не признанный гений). При этом их собственные фамили, даже фамилия "переводчика" в печати не упоминались.

Собственно говоря, у поэта с его явно еврейской фамилией почти не было надежды попасть в печать иначе как под псевдонимом. Он и в юности дебютировал как А.Ефимов, но стихам Ефимова не придавал никакого значения. Северный же цикл его лирики был ему дорог. По доверенности охотника поэт получал гонорары, которые делил пополам с ним. Он привык считать псевдоним своим и жил своей жизнью, в которой мало оставалось места чему бы то ни было, кроме стихов.

Но советская идеологическая машина втянула в себя охотника, эксплуатируя миф о народном поэте. Охотник, ступень за ступенью, стал подниматься по лестнице захолустной партийно-советской номенклатуры. При этом он жирел на непривычном безделье, тупел и наглел одновременно, и в конце концов издал книгу стихов Финкельмайера под своей фамилией — без псевдонима и без упоминания переводчика. Когда же мистификация была раскрыта, охотник скатился по той же лестнице вниз, отравленный властью, славой, ложью — всеми фикциями своего восхождения. К тому же он начисто утратил все качества, необходимые в его прежней жизни. Пьяный и полубезумный, он из-за угла застрелил поэта, в котором видел первопричину своих бед. Поэт же, сосланный за тунеядство на Север, был к тому времени уже оправдан и должен был вот-вот возвратиться в Москву.

Манакин — человек тундры, совершивший это чудовищное убийство, стал жадным и злобным, утратил свою первозданную непосредственность. Его и до этого никто из участников и зрителей мистификации не принимал всерьез, а уж после его "эмансипации" — тем более. Почему же звучат в одном из внутренних монологов поэта слова о предательстве им охотника? Почему, когда охотник убивает странного человека, перекроившего его судьбу, когда он загоняет своего оленя и сам становится снежным сугробом на пути у первой зимней пурги, он у нас на глазах превращается из персонажа фарса в действующее лицо трагедии? Почему убийца начинает выглядеть одной из жертв? Почему мерещится,

что убийца и жертва всего-навсего квиты? Ведь сочувствие автора и читателя на стороне поэта, а не охотника...

Во всем, что сказано выше, лишь слегка приоткрыта одна из множества сюжетно-психологических, философских и социальных линий романа. Изменчивость и сложность читательского отношения к его персонажам обусловлена тем, что пространство романа многомерно и содержит множество полифонических партий. Их нельзя пересказать в журнальной статье. И я очень надеюсь, что читатель протянет руку и возьмет книгу с полки. Я же могу здесь коснуться лишь малой толики ее содержания.

Феликс Розинер в одном из своих интервью заметил, что Леопольд Михайлович — единственный персонаж его книги, имеющий конкретного прототипа. Между тем, по его словам, читатели многократно узнавали своих знакомых и в других его персонажах. Со мной произошло то же самое.

По моему ощущению, центрами повествования являются два героя: Финкельмайер и Никольский. Странно, но мне Леопольд показался наименее живым среди главных героев романа Розинера. Вероятно, так получилось потому, что Леопольд играет в романе роль единственного серьезного резонера, выражающего авторское кредо. В своем завещании он произносит чрезвычайно важную для автора декларацию о смысле и назначении искусства. Собственно говоря, перед нами две декларации. Но первая протекает как диалог с Мэтром и не воспринимается как оголенный от образов манифест. Вторая же (рукопись, пересланная Финкельмайеру в ссылку) представляется мне чем-то жанрово инородным. Но так или иначе — и диалог Леопольда с Мэтром, и заключительный монолог вовлекают читателя в размышления о смысле искусства, чему и посвящен в конечном счете роман.

В диалоге с Леопольдом на ужине в "Национале" Мэтр выступает как глашатай компромисса между искусством и официальными вершителями судеб поэтов. Защита компромисса разворачивается по известному стихотворению Ольги Берггольц: "Друзья твердят: все средства хороши, чтобы спасти от смерти, от напасти хоть часть трагедии, хоть часть души... А кто сказал, что я делюсь на части?" Мэтр делится.

Слова друзей Ольги Берггольц — это его партия. Леопольд не делится и поэтому уходит от компромисса ценой отказа от места в искусстве своего времени.

Его позицию в диалоге с Мэтром можно понять как отказ от компромисса путем отказа от продающегося, узаконенного искусства. Нежелание художника соответствовать вкусам рынка вечно. Разница между положением художника свободного и несвободного в том, что первый волен доступными ему средствами искать близких себе покупателей или заниматься искусством, зарабатывая на пропитание как-то иначе. Второму не позволяют ни искать родственного себе покупателя, ни творить, добывая хлеб свой насущный чем-то иным — хоть милостыней. Сперва и кажется, что Леопольд — глашатай художников, созидающих без заботы о дальнейшей судьбе своих творений. Они удовлетворены интимным кругом ценителей, родственных им по духу. Мэтру такая позиция представляется максималистской и даже сверх того. Последние же записи Леопольда показывают, что и для него эта позиция — паллиатив.

По убеждению Леопольда, искусство двойственно. С одной стороны, это динамический акт — переживание художником некоего феномена путем воспроизведения его в слове, звуке, краске, форме, движении и т.д. С другой стороны, искусство фиксирует это переживание, консервирует его с помощью ряда приемов, материалов и средств, то есть умерщвляет его, передавая в пользование потребителей. Идеал, высшая доступная человеку цель искусства — переживание без консервации, некое одномоментное самовыражение без заботы о дальнейшем бытии изображенного. Таково искусство ребенка, для которого ценен только акт творчества. Таков неподдельный первобытный примитивизм в искусстве, хотя первоискусство было магическим действом.

Леопольд уподобляет искусство любви — и то и другое — переживание. Идеальный художник предстает в его завещании как человек, стоящий на мостике над зеркальной водой и разноцветными порошками рисующий на воде волшебный пейзаж. Пейзаж медлительно тает в едва заметном движении водной глади.

Завершается метафора отречением Финкельмайера от поэзии в конце его жизни. Его смерть лишила нас надежды узнать, навечно ли это отречение, или зрелость принесет некое переосмысление себя в искусстве.

Моему неискушенному воображению представляется, что сходство между любовью и искусством во взаимности обоих переживаний. Арон Финкельмайер целует руку случайному попутчику в самолете. Тот вместе с поэтом переживает его стихи. А Никольский гибнет потому, что Данута не сопереживает его любви. Любовь, замкнутая на себе самой, бессмысленна, как бессмысленно и замкнутое на себе искусство.

Счастье любящего и счастье творящего состоят в близости сопереживания переживанию. Бессмертие эстетического сопереживания — в постоянном его обновлении все новыми и новыми адресатами. У любви такого бессмертия нет: ее "ты" единственно. У искусства столько тяготеющих к нему "ты", сколько есть душ, способных его вместить.

Умирает художник и, если его переживание умерщвлено своей фиксацией в образах, значит, от художника ничего не остается. И если отказ от фиксации осуществлен абсолютно, как в примере с художником, рисующим на глади пруда, то и смерть их обоих: творца и творения — абсолютна. К великому нашему счастью, в жизни происходит обратное: художник уходит, а его творение вечно.

Запечатление мастером своего переживания не есть превращение живого чувства в макет или муляж (макет и муляж мертвы). Искусство обеспечивает переживанию бессмертие посредством его восприятия множеством встречных сознаний. Все зафиксированное в произведении искусства в этих встречных сознаниях как бы снова обретает жизнь.

Ф.Розинер заставил меня думать над тем же, над чем думает он, но мне оставлен простор думать по-своему. В том, что писатель издал свой роман, как только получил возможность его издать, тоже проявляется необходимость художника в связи с аудиторией, способной воспринять его творение. Зафиксированное переживание могло сколь угодно долго лежать, более не заботя автора, если бы он не чувствовал, что такой ход событий обессмысливает его работу.

С этой точки зрения легко определяется противоестественность бытия художника (в широчайшем смысле последнего слова) в тоталитарном государстве. Здесь ко всечеловеческому аспекту конфликта "творческий дар — остальной мир" добавляется абсурдная неизбежность обязательного посредника между художником и его адресатами, посредника тупо всевластного, диктующего, чему в искусстве следует быть, а чему не быть.

Парадоксально, но, следуя максимализму Леопольда (оставляя художественное переживание без фиксации), можно легко ужиться и с диктаторской властью: надо только заключать свои творения в герметически закрываемый ящик или отправлять их по завершении в печь. Можно рисовать и на глади пруда. Но почему же такое положение воспринимается как насилие над художником и теряющим его обществом? Полноценных сопереживателей художнику трудно найти — это общий аспект трагедии. Художник не волен искать сопереживателей — это частный ее аспект. Судьба книги и судьба ее автора свидетельствуют об этом достаточно красноречиво. Сын поэта, стоящий у полки с его рукописями в квартире Никольского, расстается с читателем в преддверии сходной судьбы.

На этот раз Оленя не удалось загнать: встреча книги с читателем состоялась.

ПРАВДА О ЮГОСЛАВИИ

Беседа Игоря Бирмана, соредактора журнала "Russia", *с Михайло Михайловым*

Бирман. Вы представляете собой достаточно редкий случай. Будучи русским, вы родились в Югославии и соответственно воспитывались там в русской семье. Ваша специальность — русская литература и философия. И ваши, мягко говоря, неприятности начались после поездки в Москву и книги о России. Но с этого же началась и ваша слава. А сейчас, находясь на Западе, вы тоже вовлечены в русские дела — читаете курсы по России, член редколлегии журнала "Континент", часто выступаете в эмигрантской прессе. Поэтому, хотя мы с вами будем говорить много о Югославии, но при этом будем стараться сравнивать, искать общее между Югославией и Россией.

Вы родились в 1934 г., и родители ваши были эмигрантами из России. Белоэмигрантами?

Михайлов. Хотя мой отец успел в 17 лет быть юнкером и немного участвовал в гражданской войне, но в общем мои родители были детьми белых. А я родился в Югославии, закончил курс по сравнительному литературоведению и преподавал в университете.

Бирман. А потом произошла знаменитая история с вашей книжкой?

Михайлов. Да, в 1964 г. я поехал в первый и пока в последний раз в СССР, пробыл там пять недель и написал книгу впечатлений "Лето московское". В январе 1965 г. ее начали печатать в белградском журнале "Дело". А когда вышел февральский номер, советский посол заявил протест. Тито на собрании судей и прокуроров сказал, что некий Михайлов клевещет в нашей печати на Советский Союз, а меры не принимаются.

Бирман. И вас немедленно арестовали?

Михайлов. Нет, только через две недели, когда речь Тито была опубликована. В то утро я газет не читал, а придя в университет, заметил, что на меня все как-то странно смотрят, и подумал, что, наверное, у меня какой-то непорядок с одеждой. Но только вошел я в кабинет, как появились двое в штатском и арестовали меня. Один из них был мой студент, оказалось, что по совместительству он был сотрудником Югославской госбезопасности (УДБ).

Я просидел сорок дней под следствием, а за границей тем временем поднялся страшный шум. В Югославии тогда должен был происходить очередной конгресс ПЭН-клуба, председателем был Артур Миллер. Он заявил, что если меня осудят, то конгресс не состоится. За день до открытия конгресса Верховный Суд заменил приговор на условный.

Бирман. Так что вас не оправдали?

Михайлов. Нет, считалось, что я виновен в клевете на СССР. С работы меня уволили. В следующем году сняли югославского Берия — Александра Ранковича, а с ним тысячи сотрудников УДБ. Мы хотели использовать момент, издавать журнал. По закону разрешения не надо, требуется лишь регистрация. А нам не давали это сделать. В августе 1966 г. нас арестовали.

Бирман. Обвинение?

Михайлов. Попытка создать подпольную организацию. Комедия — она же и трагедия в том, что к тому времени каждый наш шаг освещался мировой прессой. В приговоре суда говорилось о "вражеской пропаганде"....

Бирман. ...выразившейся...

Михайлов. ...в публикации на Западе статей, "клевещущих на Югославию". И я отсидел за это с ноября 1966 по март 1970 г.

Бирман. А если сравнить югославские тюрьмы с советским Гулагом?

Михайлов. Все зависит от того, кто сидел, за что и когда. У меня были условия получше, так как за мной следила мировая пресса. Есть тюрьма, где сидят иностранцы и известные люди, в ней условия почти западные, а в обычных тюрьмах — очень плохие. В первый раз я сидел в такой обычной тюрьме, и меня в наказание помещали в камеру со стенами, покрытыми льдом, лишая теплой одежды и выдавая на ночь тоненькое одеяло. Чем не Гулаг?

Бирман. Такая специальная тюрьма была в Марфино под Москвой.

Михайлов. А посадили меня в такую камеру за то, что я требовал статуса политического заключенного и объявил голодовку. Спасло меня только то, что в это же самое время в Греции сидел социалист Микис Теодоракис, который тоже объявил голодовку, и об этом шумела вся коммунистическая печать, а про мой случай начала писать западная пресса.

Бирман. Это ваша первая посадка, а потом?

Михайлов. Потом я продолжал писать и печатался, разумеется, только за границей. Написал литературоведческую книгу "Русские темы", которая, кстати сказать, вышла на многих языках, но даже не могу объяснить, почему не на русском.

А в 1974 г. меня снова посадили и судили. Сотрудники УДБ сразу сказали, что на этот раз я получу семь лет, то есть приговор суда был составлен до начала следствия, до ареста.

И здесь не обошлось без голодовок — один раз я голодал 33 дня, после чего мне начали насильно делать уколы глюкозы. Вообще мучительно голодать только первые 5—6 дней, потом привыкаешь. Да, так вот, уколы мне делали 10 дней, на 43-й день голодовки ужасно опухли ноги, меня осмотрели врачи, и после этого мои личные требования были удовлетворены. Я объявил о прекращении голодовки. Но вот принесли газеты, и я с удивлением прочел в статье, где упоминалось о "критике" в западной печати по моему делу, что нечего дескать им шуметь, Михайлов ведь голодовку прекратил. Газета вышла до того, как я прекратил голодовку, тогда, когда я еще сам не знал, прекращу ли ее.

Бирман. Просидели вы меньше чем семь лет?

Михайлов. Да, был большой шум за границей, в основном в Европе, и перед самым началом Белградской конференции по наблюдению за выполнением Хельсинских соглашений меня выпустили, так что отбыл я на этот раз три года и два месяца.

Власти не знали, что со мной делать. Они стояли перед дилеммой: опять сажать, опять шум на Западе будет. Однако с 1966 по 1978 г. мне отказывали в паспорте для поездки за границу, а тут пришли из УДБ и спросили, не хотел бы я поехать в Америку навестить родных? Паспорт выдали мгновенно, в неприсутственный день.

Бирман. А почему вас посадили именно в 1974 г.? Ведь между 1970 и 1974 годом вы не смирились, продолжали быть диссидентом, печатались за границей?

Михайлов. Конечно. Дело в том, что как раз в это время в Югославии была некоторая либерализация. Вообще в Югославии, как и в СССР, были различные "волны", все у нас было. Наш "военный коммунизм" пришелся на 1945—1948 гг., нэпа у нас не было, а сразу же началась "большая чистка". У вас она была в 1936—1938 гг., а у нас самыми тяжелыми были 1948—1955 гг.

Бирман. Как раз после разрыва с СССР?

Михайлов. Именно. В это время Тито избавлялся от людей, фанатически веривших в идеалы коммунизма, а заодно и от потенциальных союзников Москвы. Был создан собственный "Архипелаг Гулаг", и все было, как у вас. Партийцы доносили на партийцев, в газетах жены отказывались от

мужей. Одновременно проводилась коллективизация, так что на архипелаг попали тысячи крестьян. Собственно, и лагеря организовали в 1949 г.

Бирман. А до этого?

Михайлов. Расстреливали. Гражданская война кончилась только в 1946 г. Эти годы — 1948—1955 — годы установления личного культа Тито. Пока что не известны истинные масштабы, но считается, что из лагерей не вышел каждый третий. В недавней книге Джилас пишет, что 12 тысяч одних только офицеров было репрессировано. Я был гимназистом и помню, что из нашей гимназии посадили пятерых мальчиков.

Из всех восточноевропейских стран Югославия была самой сталинистской. В 1937 г. в Москве расстреляли весь ЦК Югославской компартии и послали в страну Тито, который хорошо всему выучился. С другой стороны, компартия пришла к власти в Югославии не совсем на советских штыках, была и собственная революция. И было в ней много честных по-своему людей, в известном смысле идеалистов. От них Тито и избавлялся.

У некоторых создалось впечатление, что Сталин и Тито расходились идеологически, что Тито хотел создать свою модель социализма-коммунизма. Это неверно, Тито просто не хотел зависимости от Москвы и, зная Сталина, понимал, что ему лично грозит смертельная опасность. Сначала был разрыв. "Модель" же начала оформляться через несколько лет. Только в 1952 г. Джилас и еще один словенский коммунист предложили Тито самоуправление предприятий. "Что это такое?" — спросил Тито. Объяснили, идея ему понравилась, создали экспериментальный рабочий совет. В это же время распустили колхозы, так как сельское хозяйство полностью развалилось. Настолько, кстати сказать, что и теперь оно работает очень плохо.

Только в 1956 г. начинается либерализация, "оттепель". К этому времени Тито считал, что ему лично не угрожают ни Москва, ни какие-либо внутренние силы. Кульминации "оттепель" достигла в 1971 г., но каковы были ее пределы видно хотя бы по тому, что я сидел именно в эти годы — 1966-1970.

После снятия Ранковича начались разногласия начальства разных республик, многие молодые партийные деятели стали громко ратовать за большую самостоятельность. В 1971 г. в Хорватии, т.е. в традиционно самой либеральной республике, появился независимый еженедельник. Не то чтобы уж совсем независимый, но в общем не совсем партийный. Тито решил, что дело зашло слишком далеко и немедленно разогнал хорватское партийное руководство, многих посадили. В следующем году то же самое проделали и в Сербии.

Начался новый зажим, а в 1974 г. в стране состоялся тайный съезд Югославской подпольной коммунистической партии.

Бирман. Что это значит?

Михайлов. То, что в Югославии, помимо официальной, есть еще две коммунистических партии и обе, конечно, подпольные, одна — просоветская, другая — прокитайская.

Бирман. Может, это просто агентура советской и китайской разведок?

Михайлов. Дело сложнее. Скажем, материалы подпольного съезда 1974 г. были напечатаны в Праге, но там же многих этих людей потом посадили.

В демократических условиях эти партии были бы маленькими группками леваков, которые есть в любой западноевропейской стране. А в условиях диктатуры члены этих партий приобретают ореол мучеников. Помогает им также расхождение лозунгов официальной партии с ее делами. Поэтому возникает сочувствие к ним, особенно среди студенческой молодежи; в просоветской партии две трети — молодежь.

И еще один момент. В Югославии люди хорошо относятся к СССР. Наш государственный антисоветизм пропагандировался одновременно с организацией концлагерей. И если во всех восточно-европейских странах теперь на русских смотрят как на оккупантов, то здесь СССР еще популярен. Джилас даже говорит, что единственным лечением было бы, если бы советские войска хоть на полгода оккупировали страну.

Бирман. Почему УДБ не ликвидирует эти партии?

М и х а й л о в . С ними активно борются. Съезд, о котором я говорил, арестовали полностью. Через пару лет после этого похитили генеральных секретарей обеих партий — одного в Швейцарии, другого — в Румынии. В 1974 г. шеф УДБ встречался в Москве с Андроповым, после чего в "Правде" была статья, где о просоветской партии говорили как о группе провокаторов.

Как бы то ни было, именно в 1974 г. зажим резко усилился и меня посадили.

Б и р м а н . А в 1978 г. вы уехали в Америку, где год были стипендиатом Фордовского фонда, потом провели год в Северной Каролине в Научном центре гуманистических наук, сейчас читаете лекции по русской философии в Йельском университете и со следующего семестра будете профессорствовать в Вирджинском университете.

Существование подпольных партий показывает, что есть недовольные. Много ли недовольных в Югославии?

М и х а й л о в . Судите сами. В Америке мы кряхтим насчет 7—8% безработных. А в Югославии их 14%. Это вдобавок к одному миллиону человек, которые выезжают на заработки за границу. Да еще коррупция и резкое материальное неравенство.

Коррупция особенно процветает во внешней торговле. В Югославии она не монополизирована государством, как в СССР, а экономические связи с другими странами очень развиты. И представителям предприятий их западные партнеры часто предлагают — заключишь с ними сделку, получишь 5%, назови только номер счета в Швейцарском банке.

Б и р м а н . Можно ли сказать, что есть большие слои людей, которые очень хорошо живут?

М и х а й л о в . Больших слоев нет, это ограничивается в основном технократией и частью партийного аппарата. Они живут значительно лучше, чем остальные, скажем, у них есть роскошные автомашины, виллы на море.

Б и р м а н. В СССР партийно-государственная верхушка живет лучше остальных главным образом не за счет высоких окладов, а за счет различных привилегий — дешевые дачи, персональные машины, они могут приобрести то, что другим недоступно, причем иногда дешевле. Так что, скажем, партийный босс в общем может вполне хорошо жить, не нарушая прямо закона. А в Югославии можно купить все. Чем же обеспечиваются здесь преимущества "нового класса"? Его представителям больше платят?

М и х а й л о в . Да, в общем им часто больше платят, но основной источник все же коррупция.

Б и р м а н . Считается, что в Югославии высокий жизненный уровень. А ведь так было далеко не всегда. Как удалось этого добиться? За счет югославской "модели социализма"? Вообще опыт восточноевропейских стран имеет очень большое значение для СССР, это нечто вроде испытательной лаборатории, полигона. Помню, как в начале 60-х годов при обсуждении различных предложений о реформировании советской экономики ссылались на Югославию как на пример. На Западе в курсах сравнительных экономик говорят об особом типе "рыночного социалистического механизма".

М и х а й л о в . Конечно, различия с советской "моделью" есть, но они сильно преувеличиваются. В Югославии нет централизованного планирования; решения о том, что именно и сколько производить, принимают предприятия, они же устанавливают цены. Однако все остальное, а главным образом распределение прибыли, организовано по советским образцам, то есть по сути дела предприятия распоряжаются очень небольшой частью прибыли.

Надо ясно понимать, что в Югославии нет кооперативной собственности. Говорят, что заводы принадлежат тем, кто на них работает, но на самом деле рабочие не являются собственниками предприятий. Когда рабочий увольняется с завода (или его увольняют), ему уже ничего на этом заводе не принадлежит. Поэтому хотя собственность в Югославии называют "социалистической", она на самом деле государственная, как и в СССР.

Говорят, что в Югославской системе рабочие, получая часть прибылей, заинтересованы лучше работать. Но львиную их долю забирает государство, рабочие получают слишком мало, чтобы иметь реальный интерес.

Говорят также, что рабочие сами управляют предприятиями. Опять пустая формальность! Рабочие действительно вы¬

бирают рабочие советы, а те назначают менеджеров, но кандидатуру должна одобрить специальная комиссия, в которой рабочим советам принадлежит лишь одна треть, а две трети — профсоюзам и местным властям, полностью контролируемым партийными органами.

Б и р м а н. Совсем, как в СССР, где на выборах есть всегда лишь один кандидат, предложенный партийными органами.

М и х а й л о в. Так что в югославской "модели" рабочие и не собственники и не управляют.

Результат таков, что треть всех предприятий убыточна. Треть! Их существование поддерживается искусственно, партийные органы заставляют перераспределять прибыль в пользу убыточных предприятий. Но даже при этом громадная безработица и продажа рабочих рук за границу.

Многие также не знают, что Югославия имеет громадный внешний долг, который на душу населения значительно больше, чем в Польше! Очень помогает также развитый туризм. Без помощи из-за границы, без экспорта рабочей силы, без туризма жизненный уровень в Югославии был бы много ниже.

При открытых границах и при всех усилиях страна значительно больше ввозит, чем вывозит, югославские товары не выдерживают конкуренции на мировом рынке. Инфляция порядка 40% в год, а по уровню безработицы Югославия держит рекорд.

В целом введение рабочего самоуправления, ликвидация центрального планирования могли быть неплохими мерами, но их значение сведено на нет.

Б и р м а н. А как с жизненным уровнем? Продолжает ли он оставаться высоким?

М и х а й л о в. Видите ли, жизненный уровень действительно быстро рос во второй половине 50-х и в 60-х гг., но это во многом обеспечивалось помощью из-за границы. А в начале 70-х годов рост остановился, а потом уровень жизни начал падать. И, кстати сказать, некоторая либерализация политического режима шла параллельно улучшению уровня жизни, а новый зажим начался при падении этого уровня.

Многие не знают, что в Югославии, по официальным данным, за последние пять лет было около тысячи забастовок.

Они, правда, стыдливо называются не забастовками, а "остановками работы".

Б и р м а н. Советская печать сначала называла так польские забастовки. Против кого же бастуют рабочие? Против собственных "рабочих советов"?

М и х а й л о в. Официально говорится, что они направлены против "внутрипроизводственной бюрократии".

Б и р м а н. Как бы вы охарактеризовали различия и сходство СССР и Югославии?

М и х а й л о в. Главное, и в этом состоит даже не сходство, а идентичность обеих стран — политический режим, заключающийся в полном контроле партийного аппарата над всей жизнью страны. Другое сходство — Югославия многонациональная страна с острейшими межнациональными проблемами. А различия, специфика Югославии — неизмеримо большие связи с заграницей, хотя о полностью открытых для югославов границах говорить, конечно, не приходится.

Б и р м а н. Это вроде бы способствует большей либеральности режима. Например, из всех "социалистических" стран только здесь напечатали Солженицына.

М и х а й л о в. Наоборот. Именно по этим причинам режим едва ли не более жесткий. Печатали далеко не все произведения Солженицына, "Гулаг" не печатали. А если кто-то привозит из-за границы эмигрантскую газету, — его сажают в тюрьму и дают до десяти лет.

Б и р м а н. Вы говорили о различных периодах, "волнах" в политической жизни Югославии. Разные периоды в советской истории мы отличаем, как ленинский, сталинский, маленковский, хрущевский, брежневский. А здесь все периоды были под одним и тем же Тито. Значит, он менял политику? Или вы не думаете, что политика Тито была разной?

М и х а й л о в. Она была разной, но цель ее была всегда одной — сохранение и упрочнение собственной власти.

Б и р м а н. Это же цель каждого советского правителя.

Ми х а й л о в. Верно, но Тито был у власти 35 лет, дольше любого советского правителя. Да и нельзя сказать, что политика Сталина на протяжении почти 30-ти лет была одинаковой. Главное все же, что перемена политики каждый раз

вынуждалась конкретными обстоятельствами. Какой, например, был выход у Тито, когда в 1948 г. советские танки стояли на границе и он зависел от Запада?

Б и р м а н. Очень интересно, что как раз в момент такой острой зависимости от Запада началась "великая чистка" Казалось бы, если страна зависит от Запада, хочет Западу понравиться, она идет на либерализацию режима. А тут прямо наоборот.

М и х а й л о в. Да, в этом трагедия Югославии, да и не только Югославии. Запад не хочет видеть сущность ее режима, не хочет понять, что в принципе югославский режим ничуть не лучше, чем советский.

А в чем-то режим Западу подыгрывает — например, самоуправление предприятий. Идея югославской "модели" состояла в том, чтобы как-то отграничиться от советского образца и в то же время сохранить полную монополию власти. Это очень важно, и я повторяю: не так, как в СССР, но монополию политической власти сохранить.

Б и р м а н. Это действительно очень важная мысль, но позвольте вернуться к нашему вопросу. Смотрите — в 1948 г. разрыв с СССР и сильнейший внутренний зажим. Затем в середине 50-х годов налаживаются отношения с СССР, Хрущев произносит известные слова: "Некоторые товарищи считают, что в Югославии нет социализма, но тогда что же там, — капитализм? Нет, товарищи, в Югославии социализм, но несколько иной". Происходит либерализация, причем по времени она более или менее совпадает с либерализацией в СССР. Ближе к СССР — дальше от Запада, и наоборот.

М и х а й л о в. Запад, по-моему, помог бы Тито, даже если бы он вешал каждого второго. Считалось, что надо любой ценой отколоть Югославию; "китайской карты" тогда еще не было. А о югославском ГУЛАГе не хотели да и сейчас не хотят знать.

Б и р м а н. Долгое время не хотели знать и о советском ГУЛАГе, а о китайском тоже не очень стремятся все узнать. Можно ли считать, что в 1966 г., в особенности в связи со снятием Ранковича, произошел поворот? И как это соотнести с тем, что было тогда в СССР?

М и х а й л о в. Тут опять несовпадение. В 1966 г. в СССР начинается новый зажим, в частности процесс Синявского и Даниеля, в Югославии же после посадки Ранковича либерализация пошла более активно. А как вы оцениваете 1971 — 1972 гг. для СССР?

Б и р м а н. Тогда, как можно думать, личная власть Брежнева еще была под некоторым вопросом. Только введя в политбюро Гречко и Громыко, он окончательно укрепился. Одновременно с вхождением в детант, перед самым началом эмиграции начинается ощутимый сдвиг вправо, возрастает идеологический пресс, более решительно обрушиваются на диссидентов. В середине 70-х годов режим постепенно выруливает к центру. Вообще в течение всех 17-ти лет брежневского режима власть всячески стремилась избежать экстремизма, острым углам предпочитая тупые и закругления. Но в целом именно в 1971-1974 гг. был пик внутреннего идеологического зажима. Впрочем, могут быть и другие мнения.

М и х а й л о в. И у нас в 1971 г. тоже начинается сильный зажим, но к середине 70-х годов он не ослабевает, а наоборот, усиливается.

Говоря о различиях и похожестях политической линии в обеих странах, надо иметь в виду два момента. Во-первых, как я уже говорил, при вполне определенных различиях (нет централизованного планирования экономики, открыты границы) по своей сути, то есть по структуре власти и по идеологическим установкам оба режима идентичны, причем совпадает масса существенных деталей. Скажем, в Югославии 99% офицеров — члены партии. Во-вторых, что тоже надо подчеркнуть, Югославия в общем-то не с Западом, а с СССР.

Б и р м а н. Давайте обсудим оба эти момента. Что касается первого, то в СССР власть держится не только силой, прямым подавлением, но и пропагандой. Количественные оценки тут, разумеется, невозможны, но несомненно, что есть достаточно большие слои, которые власть поддерживают (есть также и громадные индифферентные слои). Не все, правда, согласны со сказанным. Например, года два назад В.Буковский, споря с В.Чалидзе, заявил, что большинство населения

ненавидит советскую власть.* Что по этому поводу вы можете сказать о Югославии?

М и х а й л о в . Здесь, конечно, есть своя специфика. В некоторых отношениях югославским властям было легче — разными искусственными мерами, в особенности за счет помощи из-за границы и за счет торговли рабочей силой, поддерживался относительно хороший уровень жизни, во всяком случае по сравнению с остальным социалистическим лагерем. Но это уже в прошлом. Как оказалось, "югославская экономическая модель" не намного лучше советской.

А вот межнациональные проблемы проявились острее, особенно во время кровавых событий в Косове весной этого года, когда, только по официальным данным, погибло несколько десятков человек. По данным же основанного мною в 1979 г. Международного комитета помощи югославским демократам-диссидентам, это не десятки, а сотни. Думаю, что таких событий в СССР ожидать не следует.

Из-за интенсивных связей с заграницей властям труднее также поддерживать идеологический пресс, и в этом, в частности, одна из причин тех жестких и жестоких мер, о которых я говорил.

УДБ, пожалуй, почище своих советских коллег — за последние годы на Западе убито более 30 видных эмигрантов, большинство из них редакторы и издатели. Меня ФБР официально предупредило, что за мной охотятся, мне дали номера телефонов, по которым я мог бы в случае необходимости позвонить, и предложили револьвер. Обо всем этом 24 марта 1980 г. писала "Нью-Йорк Таймс".

Пропагандистски очень помогает властям нежелание Запада видеть сущность югославского режима: левые круги, которые более или менее критикуют СССР, восхваляют "югославскую модель", а в 1978 г. Картер назвал Тито "чемпионом свободы".

Раньше в Югославии было много таких, кто считал режим своим. Времена меняются — многих из них уничтожили в конце 40-х годов, другие потеряли иллюзии и создался новый тип сторонников режима.

* См. "Континент", №23, 1980.

Б и р м а н . Служилых людей?

М и х а й л о в . Да. Уже к 70-ым годам было трудно встретить человека, искренне поддерживающего Тито.

Б и р м а н . Может быть, искренность тут не совсем уместное слово. В СССР сейчас многие вполне искренне считают, что советская власть далеко не идеальна, в этом можно согласиться с Буковским. Но они не видят реальной альтернативы. А эмигрировать не хотят или не могут. И служат верой и правдой. Не только потому, что режим их кормит, но и потому, что, по их вполне искреннему мнению, нет другого пути, кроме постепенного изменения режима изнутри.

М и х а й л о в . Боюсь, что мы недостаточно хорошо определили само понятие "поддержка режима". Надо ведь, чтобы люди получили возможность выразить свое отношение.

Б и р м а н. Хорошо, давайте тогда поставим вопрос так: могут ли произойти в Югославии события польского типа? Если в Югославии возникнет "Солидарность", сколько людей ее поддержит?

М и х а й л о в . Столько же, сколько и в Польше, то есть подавляющая часть населения.

Б и р м а н . Но мы с Вами знаем, что в Югославии ничего подобного — ни польских событий 1956, 1968, 1970, 1980, ни берлинских событий 1953, ни венгерских событий 1956 г. — не было. Почему?

М и х а й л о в . Был, во-первых, открыт клапан — можно было выезжать на Запад. И, во-вторых, рос уровень жизни.

Б и р м а н . Что ж, вернемся к позиции Запада. Приходится согласиться с вами, что часто Запад просто не хочет знать многих вещей о социалистических странах. Классический пример — выдача сразу после войны в лапы КГБ сотен тысяч людей. Или другой пример: были десятки книг о ГУПАГе, хотя бы прекрасная книга Роберта Конквеста, но солженицынский "Архипелаг" явился для большинства откровением. А в чем именно выразилась поддержка Западом Тито?

М и х а й л о в . Да в чем хотите. Прежде всего, конечно, в

том, что Запад дал ясно понять — советского вторжения в Югославию Америка не потерпит. Это сделал Трумен.

Давали оружие бесплатно и в долг. О громадных денежных займах я уже говорил. И, кстати сказать, шансов на их возврат ничуть не больше, чем шансов на возврат займов, предоставленных Польше. Кроме того, еще в 50-е годы дали Югославии несколько миллиардов долларов (при тогдашнем его курсе!) безвозвратно. Потому-то и рос так хорошо уровень жизни. Тогда же предоставили статус наиболее благоприятствуемой нации в торговле, которого все еще тщетно добивается СССР.

Б и р м а н . Скажите, а не известны ли какие-нибудь сведения о предварительной договоренности Тито с Западом перед разрывом с Москвой?

М и х а й л о в . Нет, таких сведений нет. Наоборот, на Западе долго не верили в этот разрыв, полагая, что это какой-то обманный маневр Сталина. Незадолго до разрыва произошел страшный скандал: Югославия сбила два американских самолета недалеко от Триеста. Еще года два после разрыва с Москвой мы пели песню "Америка и Англия будут пролетарскими странами". Так что причин не доверять было достаточно.

Вообще разрыв произошел против желания Тито. Тито хотел независимости, но не разрыва, поэтому он шел на всякие уступки. Только после резолюции Коминформа в 1948 г. он понял, что у него нет другого выхода. А Сталин сделал ошибку, понадеявшись, что после этой резолюции Тито будет свален внутренними силами.

Б и р м а н . Так что хваленая западная разведка все это просмотрела?

М и х а й л о в . Абсолютно. В 1949 г. в Вашингтон поехал Вукманович-Темпо и вел очень трудные переговоры. Американцы не верили в разрыв с Москвой, требовали всяческих гарантий. Недавно вышли мемуары Вукмановича, где он блефовал, заявил, что югославы будут есть траву и крапиву, но ни на какие уступки не пойдут. Буквально за двадцать минут до отлета самолета американцы согласились предоставить помощь без условий. А у Югославии в тот момент

было безвыходное положение, откажи Америка в помощи, была бы катастрофа.

Но зато, когда Запад поверил в разрыв с Москвой, он начал оказывать Югославии громадную политическую и материальную помощь. И сейчас оказывает. Вспомните, например, историю поездки Картера на похороны Тито. Картера осудили за нежелание ехать в Югославию, и он, поехав туда, продемонстрировал официальную поддержку. Но эта поддержка происходит не только на государственном уровне — вы не найдете в "большой" печати критических материалов о Югославии.

Б и р м а н. Тут тоже важно, что для западной либеральной, особенно левой, интеллигенции югославский тип коммунизма долгое время играл роль "другого", "хорошего". То же наблюдалось и по отношению к Кубе и Китаю.

М и х а й л о в . Верно. Давайте теперь поставим вопрос так: что Запад "с этого имел?" Считается, что Югославия вышла из советского блока, нарушила его единство. Это не совсем так. Хотя в 1953 г. Югославия вошла в Балканский оборонительный пакт, в котором участвовали члены НАТО —Турция и Греция, — но были факты и совсем другого рода. В 1977 г. была опубликована книга бывшего посла в Москве Мичуновича, где он пишет, что в 1956 г., за два дня до вторжения в Венгрию, Хрущев и Булганин прилетали к Тито и получили согласие. Другой значительный факт, о котором многие не знают, — во время ближневосточных кризисов и 1967 и 1973 гг. советские самолеты, летевшие в Египет и Сирию, пользовались югославскими аэродромами.

Югославия — одно из государств, основавших "Движение неприсоединившихся стран", но это движение в общем антизападное и сильно просоветское. Оно выбрало своим председателем Кастро, в нем участвуют и другие прямые союзники Москвы. Да и в ООН Югославия почти всегда голосует с СССР, против Запада.

Б и р м а н . Вы затронули очень интересную тему об общей политике Запада по отношению к коммунистическим странам и понимании Западом того, что в них происходит. Запад поддерживал и поддерживает Китай, нет внешнеполи-

тических проблем у Румынии, к Югославии относились и относятся чуть ли не восторженно и поддерживают их против СССР, а ведь режимы эти кровавые, жестокие, да и идеологически они ничем не лучше советского.

Но когда народы коммунистических стран пытаются подняться против своих правителей, а тем самым и против Москвы, они в лучшем случае получают некоторую моральную поддержку. Если бы демократические силы в Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г., в теперешней Польше одолели бы, то эти страны стали бы куда более надежными союзниками Запада, чем Китай и Югославия. Но борьба народов против коммунистических режимов не поддерживается. В чем, по-вашему, причины этого?

М и х а й л о в . Одна из причин — традиционная политика Вашингтона направлена на сохранение статус-кво, но эта политика себя изжила. Единственной новой ноткой была картеровская политика "защиты прав человека".

Б и р м а н. А может быть, часть объяснения заключается также в том, что в Америке — стране иммигрантов — эмигрант из какой-либо страны (в особенности, если он там преуспел профессионально) традиционно специалистом по этой стране не считается. Скажем, нет в США иранистов, которые профессионально сложились бы в Иране, синологов из Китая, советологов из СССР. Как в этом отношении обстоит дело со специалистами по Югославии?

М и х а й л о в . Чтобы профессора-специалисты по Югославии играли в Америке некоторую роль, они должны туда ездить, работать в архивах, встречаться с туземными профессорами и политиками, а если они серьезно критикуют Югославию, то их туда не пускают. Таким способом Югославия влияет на "югославологию", отсеивает настоящих специалистов.

Тут дело обстоит еще хуже, чем в советологии, так как в течение 30 лет Америка поддерживала Тито, и на все плохое в Югославии закрывались глаза.

К примеру, 22 октября в институте Кенана Государственный департамент и Американское информационное агентство провели огромную конференцию по Югославии, на которую не пригласили ни одного настоящего специалиста. Очевидно, конференция должна была оправдать и дальнейшую полную поддержку режиму.

Б и р м а н . Вы, конечно, следите за событиями в Польше. Что "уроки Польши" дают другим восточноевропейским странам?

М и х а й л о в . "Солидарность" в свое время сбилась с темпа. Если бы этого не произошло и ее численность не стала бы падать к концу 81-го года, то Ярузельскому было бы много труднее совершить свой переворот. А сейчас экономическое положение Польши настолько катастрофическое, что непонятно, как его режим сможет дальше существовать.

Б и р м а н. А что относительно Венгрии? По очень многим свидетельствам, там дела идут экономически неплохо. Объясняют это тем, что венгры в отличие от других социалистических стран не развивают собственную тяжелую промышленность, а также довольно большим числом мелких частных предприятий. Можно ли думать, что венгры нашли "работающую модель"?

М и х а й л о в . Посмотрите на Австрию. Тут национализировано не менее 70% всей промышленности, а уровень жизни не ниже, чем в других европейских странах. Дело, по-видимому, не только в экономическом устройстве. В СССР и других социалистических странах главное, что мешает экономике, — монополия политической власти. Хуже всего в СССР, где к тому же существует централизованный, административный план. Пример Венгрии показывает, что если ослабить административную роль партии в экономике, то она может достигнуть не меньшего уровня, чем, скажем, в Австрии.

Б и р м а н . За последнее время вы опубликовали несколько статей в русской эмигрантской печати с критикой взглядов Солженицына и некоторых других о возможных путях развития России. В чем сущность вашей критики?

М и х а й л о в . Почему же именно только "за последнее время"? Я высоко ценю Солженицына как писателя, как мужественного борца, но еще в 1974 г., когда я был в Югославии, была опубликована моя статья о несогласиях с его известным "Письмом Вождям СССР". Линия наших расхождений видна была уже тогда, но теперь она обозначилась более резко.

Солженицын не верит в демократию. Ему представляется, что и на Западе демократия зашла "слишком далеко" и что в СССР этот путь не очень плодотворен. Он говорит о моральном, духовном, религиозном возрождении, но по сути дела он призывает к установлению в России вместо недемократического теперешнего режима другого тоталитарного режима.

Мне не кажется, что тоталитарный режим вырастет из слабости демократий. И в России, и в Китае, и в других странах, где властвуют теперь коммунистические партии, была долгая тоталитарная или авторитарная традиция. И наоборот, ни одна страна с долгими демократическими традициями не стала коммунистической.

Нельзя бороться с несвободой ограничениями свободы. Во Вьетнаме так долго оттягивали свободные выборы, что стало поздно. То же самое может случиться и в Южной Корее.

Не согласен я также и с проповедью Солженицыным национализма, это особенно опасно в такой многонациональной стране, как Россия.

Б и р м а н . Недавно опубликован мой разговор с историком Кажданом. Он говорит, что демократии в истории — редкое исключение, аномалия. Может быть, Солженицын прав, может, Россия еще не доросла до демократии, может быть, как некоторые говорят, Россией вообще можно править только силой, жестокостью. Когда вам возражали в эмигрантской печати, то говорили, что в России трудно установить и удержать демократический порядок.

М и х а й л о в . Я не считаю, что так уж трудно было удержать в России демократию в 1917 г. Что если бы Керенский провел выборы в Учредительное собрание раньше? И если бы Учредительное собрание сразу же постановило бы отдать землю крестьянам? И если бы вместо Керенского оказался бы человек потверже, поискуснее, настоящий политик?!

Б и р м а н. А если поставить вопрос иначе: дело не в том хороша ли демократия или же нет и даже не в том, можно ли ее удержать, а в том — есть ли у нас причины, основания для надежды на развитие политического процесса в России именно в этом направлении? Видите ли вы конкретные формы демократического устройства России и пути перехода к нему?

М и х а й л о в . Насчет конкретных форм сказать очень трудно. А насчет перехода — посмотрите на события в Чехословакии, Венгрии, Польше — люди требуют не царя, не диктатора, а именно демократии. Да и в СССР все успехи были связаны с правозащитниками, с защитой законности, а это уже по определению — демократия.

В то же время, откровенно говоря, выступления Солженицына и других несколько охлаждают мой оптимизм — они храбро боролись против тоталитарного строя, а теперь ратуют за другой авторитарный строй. Но, с другой стороны, Россия теперь — промышленно развитая страна, там первый раз в ее истории существует рабочий класс в марксовом смысле, в 1917 г. его не было.

Б и р м а н . Возвращаясь к Югославии, — что вы ожидаете там?

М и х а й л о в . Что-то вроде советского XX съезда. Была некоторая десталинизация в СССР, демаоизация в Китае, обязательно будет и детитоизация. Вопрос лишь в том, насколько далеко в этом пойдут.

Б и р м а н . То есть вы ожидаете очередного периода либерализации?

М и х а й л о в . О необходимости реформ сейчас открыто говорят все, включая таких в самом верхнем эшелоне, от которых трудно этого ожидать. А учитывая открытость границ и тяжелое экономическое положение, каждая реформа чревата дальнейшим движением в том же направлении. Однако здесь не все просто.

В 1971 г. во время чистки в Хорватии танки стояли в полной боевой готовности, может быть, и сейчас потребуется применить силу. Собственно, ее уже применили в Косове, там уже несколько месяцев военное лоложение. В общем у властей выбор или пойти на либерализацию и рисковать, что ее процессы станут неуправляемыми, или же сильнее опереться на армию, может быть, даже на военную помощь СССР. Надежды все-таки связаны с тем, что умер наш Сталин-Мао, и такое всегда вызывало значительные перемены.

Б и р м а н. Но ведь и Брежнев не бессмертен. Можно ли

толковать ваши слова так, что после Брежнева в СССР будет обязательная либерализация?

Михайлов. Власть Брежнева вы не можете сравнивать с властью Сталина, а в Югославии культ Тито был ничем не меньше и не лучше, чем культ Сталина. Да собственно, он все еще есть — через полтора года после смерти Тито, там еще судят людей, которые против этого культа теперь выступают. Недавно дали семь лет за статью против Тито, причем за рукопись, статья не опубликована.

Бирман. Мао уже можно ругать, а Тито все еще нет.

Михайлов. Да, и это дает некоторую надежду. Тем, кто сейчас у власти, надо или похоронить себя вместе с Тито, или же начать детитоизацию и искать новые пути.

Бирман. Мы говорили о забастовках в Югославии — дойдет ли их число и размах до польских масштабов, начнут ли забастовщики выдвигать политические требования?

Михайлов. Очень трудно сказать, но надо подчеркнуть, что в одном отношении югославской верхушке легче, — страна многонациональная, и они будут всячески разъединять, например, рабочих Сербии и рабочих Хорватии. И, конечно, здесь нет такой сильной церкви, как в Польше.

Бирман. В Югославии, раздираемой межнациональными противоречиями, при резком экономическом неравенстве, с разваливающейся экономикой, может ли выжить демократия?

Михайлов. Сначала ей надо воскреснуть. Я уверен, что теперешний режим подходит к своему концу, но кто может сказать, что будет дальше. Есть варианты. По приглашению догматического крыла могут войти советские войска, если такая группа победит, у нее не будет другого выхода, как звать советские войска.

Бирман. А может быть, если в Югославии победит какая-то жесткая группа, то ее охотно поддержит Запад в интересах сохранения "баланса на Балканах"?

Михайлов. А что вообще может Запад? Деньги дать? Но деньги важны до начала больших массовых событий, если же они начнутся, деньги станут бесполезными для поддержания власти. Но дело мне кажется главным образом не в этом. Посмотрите на советский опыт — Сталин, Хрущев, Брежнев — три периода, три режима и каждый следующий режим слабее предыдущего.

Бирман. Вы думаете, что режим Брежнева либеральнее режима Хрущева?

Михайлов. Не либеральнее, а слабее. У Сталина была практически абсолютная, монопольная власть. У Хрущева уже власти было поменьше, у Брежнева еще меньше. Я думаю, что Хрущев был более либерален, чем Брежнев, но так как у него было больше власти, он наверняка не терпел бы 14 лет диссидентского движения. По этой логике надо надеяться, что у следующего советского режима будет еще меньше власти.

Власть, помимо всего прочего, требует идейных людей, искренне верующих в нее. Вначале и в СССР и в Югославии было много фанатиков, веровавших в идеалы коммунизма. А сейчас их в общем нет. Поэтому на чем, например, мог бы базироваться сейчас в СССР новый "большой террор"? Не на чем.

Бирман. Так что вы все-таки оптимист?

Михайлов. В этом смысле — да.

Английский вариант опубликован в журнале "Russia", № 4, и некоторые из последних событий, упоминаемых автором, относятся к 1981 г.

АЛЕКСАНДР ОРЛОВ О СЕБЕ И О СВОЕЙ КНИГЕ

Я не принадлежу к какой бы то ни было политической партии или группе. В этой книге я не преследую никаких политических или узко¬партийных целей. Моя единственная задача — предать гласности тайную историю преступлений, совершенных Сталиным...

Вплоть до 12 июля 1938 года я был членом Всесоюзной коммунистической партии и советское правительство последовательно доверяло мне ряд ответственных постов. Я принимал активное участив в гражданской войне, сражался в рядах Красной армии на Юго-Восточном фронте...

Когда гражданская война кончилась, ЦК партии назначил меня помощником прокурора в Верховный суд. Здесь я принимал участив в разработке первого советского уголовного кодекса.

В 1924 году я был назначен заместителем начальника Экономического управления ОГПУ (в дальнейшем получившего наименование НКВД)...

В 1926 году меня назначили начальником экономического отдела Иностранного управления ОГПУ и уполномоченным госконтроля, отвечавшим за внешнюю торговлю.

1936 год ознаменовался началом гражданской войны в Испании. Политбюро направило меня туда — советником республиканского Правительства — для организации контрразведки и партизанской войны в тылу противника. В Испанию я прибыл в сентябре 1936 года и оставался там до 12 июля 1938 года — дня, когда я порвал со сталинским режимом.

На тех должностях, что я занимал в ОГПУ-НКВД, мне удалось собрать, а затем и вывезти из СССР совершенно секретные сведения: о преступлениях Сталина, совершенных им, чтобы удержать в своих руках власть, о процессах, организованных им против вождей Октябрьской революции, и о его отношениях с людьми, чью гибель он подготовил.

Я записывал указания, устно даваемые Сталиным руководителям НКВД на кремлевских совещаниях; его указания следователям, как сломить сопротивление сподвижников Ленина и вырвать у них ложные признания; личные переговоры Сталина с некоторыми из его жертв и слова, произнесенные этими обреченными в стенах Лубянки. Эти тщательно скрываемые секретные материалы я получал от самих следователей НКВД, многие из которых находились у меня в подчинении...

Из предисловия к книге
"Тайная история сталинских преступлений"

Александр ОРЛОВ

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ СТАЛИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Главы из одноименной книги

ЮРИЙ ПЯТАКОВ

1

Второй московский процесс, на котором оказалось семнадцать обвиняемых, состоялся в январе 1937 года. Главными фигурами среди обвиняемых были Пятаков, Серебряков, Радек и Сокольников.

Юрий Пятаков был одним из самых одаренных и самых уважаемых людей в большевистской партии. Когда произошла Октябрьская революция, ему было всего двадцать семь лет. Тем не менее за его плечами было уже двенадцать лет революционной деятельности. В 1918 году его старший брат Леонид, руководивший большевистским подпольем в Киеве, был схвачен гайдамаками и замучен. Именно после этого Юрий Пятаков попросил Ленина освободить его от обязанностей главного комиссара Государственного банка (эту должность он в то время занимал) и направить на Украину

для участия в подпольной борьбе с Центральной радой.

После того как на Украине победила революция, Пятаков сделался первым председателем украинского Совнаркома. В годы гражданской войны он стал одним из выдающихся организаторов Красной армии. Командовал 13-й, а затем 6-й армиями, а в дальнейшем был членом реввоенсовета 16-й армии, которая сражалась на польском фронте.

Но по-настоящему способности Пятакова проявились в области народнохозяйственного строительства. По окончании гражданской войны, когда самой острой для страны проблемой стала нехватка топлива, Ленин дал ему задание добиться резкого увеличения угледобычи в Донбассе. Пятаков блестяще выполнил это задание.

О том, сколь высоко Ленин ценил Пятакова, можно видеть хотя бы по тому, что он упоминается в его знаменитом "завещании", где всего-то перечислено шесть фамилий наиболее крупных партийных деятелей. В этом документе, где Ленин предостерег партию против сталинского засилья, он охарактеризовал Пятакова и Бухарина так: "Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил)", а в отношении Пятакова добавил: "Пятаков — человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством..."

Со времени написания ленинского "завещания" до того часа, когда Пятаков появился в качестве подсудимого на втором московском процессе, прошло тринадцать лет. За эти годы он сделался государственным деятелем самого высокого ранга. Достаточно сказать, что именно ему страна в первую очередь была обязана успешным выполнением первой и второй пятилеток. Он был выдающимся организатором производства.

В 1931 году Пятаков был назначен заместителем наркома тяжелой промышленности. Сталин держал его в "замах" лишь потому, что во второй половине 20-х годов Пятаков принимал активное участие в троцкистской оппозиции.

В силу этого наркомом тяжелой промышленности чисто формально был Серго Орджоникидзе — человек, не получивший образования и слабо разбиравшийся в сложных финансово-экономических вопросах. Среди "командиров социалистической индустрии" и партийных деятелей было, однако, известно, что фактическим руководителем тяжелой промышленности и душой индустриализации является Пятаков. Орджоникидзе был достаточно умен, чтобы также признавать это. "Чего вы от меня хотите? — спрашивал он Пятакова. — Вы знаете, что я не инженер и не экономист. Если вам данный проект представляется хорошим, я под этим тоже подпишусь обеими руками и вместе с вами буду бороться за него на заседании Политбюро!"

Да и отношение Сталина к Пятакову было, во всяком случае, более дружелюбно, чем к другим бывшим вожакам оппозиции. Сталин нуждался в Пятакове для осуществления программы индустриализации, которая была фундаментом так называемой "генеральной линии партии". А если Сталин в ком-нибудь до зарезу нуждался, он не выказывал своего истинного отношения к такому человеку, а, напротив, старался всячески ублажить его, — даже если знал, что, выжав из него все, кончит тем, что перережет ему горло.

Сталину было известно, что Пятаков, отличавшийся особым аскетизмом, занимает вместе с семьей две скромные комнатки в старом, запущенном доме в Гнездниковском переулке и что он вообще живет на свою зарплату, не пользуясь никакими привилегиями. И вот однажды (дело происходило в 1931 году), когда Пятаков и его жена находились на службе, по поручению Сталина в его квартиру явились сотрудники управления делами Совнаркома и перевезли его сына и все его скромное имущество в квартиру в новом доме — просторную и роскошно обставленную. Сталин всячески пытался приблизить к себе Пятакова, однако тот оставался равнодушным к сталинским заигрываниям. Пятаков порвал с оппозицией, но поносить своих вчерашних единомышленников и восхвалять Сталина упорно отказывался.

В разговорах с бывшими оппозиционерами Пятаков отвер-

гал их упреки в том, что он переметнулся в сталинский лагерь, он говорил, что просто отошел от политики. "Меня теперь интересует только одна вещь, —сказал он как-то группе видных оппозиционеров, — я должен быть уверен, что в государственной казне достаточно денег!" (дело происходило в 1929 году, когда Пятаков был назначен председателем правления Госбанка). Сталину все это было известно. Из донесения НКВД знал он и о том, что в разговоре с группой друзей Пятаков однажды высказался так: "Я не могу отрицать, что Сталин является посредственностью и что он не тот человек, который должен бы стоять во главе партии; но обстановка такова, что, если мы будем продолжать упорствовать в оппозиции Сталину, нам в конце концов придется оказаться в еще худшем положении: наступит момент, когда мы будем вынуждены повиноваться какому-нибудь Кагановичу. А я лично никогда не соглашусь подчиняться Кагановичу!"

Таких оценок Сталин не прощал. Но он был терпелив и умел ждать. Ему приходилось запастись терпением на довольно длительное время, необходимое для индустриализации страны и подготовки кадров технических специалистов, которые были бы способны продолжать промышленную гонку. Сталин ждал восемь лет. К концу 1936 года он приказал Ягоде арестовать Пятакова.

Я был хорошо знаком с Пятаковым. Начало нашего знакомства относится к 1924 году, когда он возглавлял Главэкономсовет, а я был заместителем начальника Экономического управления ОГПУ и поддерживал постоянный контакт с ведомством Пятакова. Одновременно я являлся прокурором — членом секретной "Юридической комиссии", также возглавляемой Пятаковым. Эта комиссия была образована по решению Политбюро в том же 1924 году и занималась расследованием обвинений, выдвигаемых против руководителей промышленных главков. Комиссия должна была определять, следует ли направить дело того или иного руководителя в суд или же в интересах производства можно ограничиться дисциплинарными мерами.

Наиболее характерная черта Пятакова состояла в том, что у него не было личной жизни, он не принадлежал себе. Приезжая на службу к 11 -ти утра, он покидал свой рабочий кабинет в три часа ночи. Его рабочий день был так заполнен, что и обедал-то он не чаще двух-трех раз в неделю. Из-за такой интенсивной работы и недостаточного питания Пятаков был худ и болезненно бледен. Долговязый, высокого роста, с редкой рыжеватой бородкой, он представлял собой нечто вроде российского варианта Дон Кихота. Я помню его в неизменно дешевом плохо сшитом костюме. Он имел обыкновение покупать недорогие костюмы (которые были ему почему-то всегда малы) со слишком короткими рукавами и носить их по многу лет.

Когда Пятаков прибыл в Германию, где ему предстояло разместить советские заказы на пятьдесят миллионов марок, он занял самый дешевый номер, какой только нашелся в гостинице. Директора немецких компаний, которые вели дела с Пятаковым, не могли взять в толк, почему такой влиятельный член советского правительства, к тому же распоряжавшийся столь крупными денежными суммами, одет хуже последнего служащего их собственных предприятий.

Пятаков был женат, но его семейная жизнь не удалась. Его жена, как и он сам, была членом партии, но это была неряшливая женщина, питавшая слабость к выпивке. О семье она почти не заботилась, и нередко случалось, что Пятаков, которому срочно надо было ехать в отдаленный район или за границу, отправлялся к своему секретарю Коле Москалеву, чтобы одолжить у него пару чистых сорочек. К огорчению москалевской супруги, он часто забывал их возвращать. В последние годы Пятаков с женой практически разошлись, хотя и оставались добрыми друзьями. Их связывала любовь к единственному сыну, которому ко времени суда над Пятаковым исполнилось всего десять лет.

Ближайший друг и помощник Пятакова Николай Москалев был человеком исключительного обаяния. В 1937 году ему исполнилось тридцать пять лет, но к тому времени они уже лет пятнадцать проработали вместе. Москалев обо-

жал своего шефа и был к нему привязан настолько, что жена ревновала его к Пятакову и говорила о последнем с нескрываемым раздражением.

В деле Пятакова сотрудники НКВД, действуя с обычной для них бессовестной жестокостью, использовали против него жену и ближайшего друга. Этот метод вполне соответствовал сталинскому "стилю". Сделавшись после смерти Дзержинского фактическим руководителем НКВД, Сталин неоднократно внушал энкаведистам, что на обвиняемых сильнее всего действуют показания, данные их родными и близкими друзьями. Читатель помнит дело Смирнова — против него выступили его жена (Сафонова) и его ближайший друг — Мрачковский. Особо ценились показания жены против мужа, сына против отца, брата против брата, — не только потому, что это деморализовало арестованного и выбивало у него почву из-под ног. Сталин испытывал особое удовольствие от разрушения семьи политического противника и крушения его дружеских связей. Безусловно, он был непревзойденным мастером любых видов личной мести.

"Органам" удалось очень быстро сломить сопротивление жены Пятакова. Она знала об "исчезновении" детей обвиняемых по делу "троцкистско-зиновьевского террористического центра" и была раздавлена страхом за судьбу своего сына. Так вот, чтобы спасти ему жизнь, она согласилась давать любые показания против мужа. У Коли Москалева, секретаря Пятакова, была маленькая дочь. Если бы он продолжал оставаться тем полуграмотным и наивным крестьянином, каким он когда-то переступил порог кабинета Пятакова, — он, скорее всего, отказался бы клеветать на своего начальника и друга. Но теперь у него за плечами был солидный политический опыт. Общаясь с секретарями других членов правительства, он многое узнал о нравах, царящих в Политбюро, и о характере тех, в чьих руках находится ныне судьба народа. Он понимал, что раз уж Сталин решил участь Пятакова, НКВД будет выжимать из него, Москалева, необходимые показания. С другой стороны, все эти показания являются пустой формальностью, потому что приговор Пятакову Сталин вынес задолго до ареста и суда. При всем этом Москалев соблюдал осторожность. Он сказал Молчанову,* что подпишет показания против Пятакова только в присутствии Агранова, которого знал лично (Агранов в то время был заместителем Ежова). Когда Агранов явился, Москалев предупредил его, что он решил дать показания против Пятакова, подчиняясь партийной дисциплине, но сами эти показания представляют собой неправду.

Пятаков был исключительно принципиальным человеком и к тому же обладал проницательным умом и сильной волей, был бесстрашен. Я почти уверен, что если бы среди "второй волны" арестованных большевиков объявился человек, способный противостоять своим тюремщикам, то этим человеком был бы Пятаков. Поэтому меня очень удивило, что он сравнительно легко сдался. Как выяснилось, дело обстояло так.

В течение довольно длительного времени Пятаков вообще отказывался разговаривать со следователями. Однажды вечером в НКВД приехал Серго Орджоникидзе и выразил желание переговорить с Пятаковым. Ежова, к тому времени сменившего Ягоду, не было на месте. Его заместитель Агранов, поколебавшись, позвонил во внутреннюю тюрьму и приказал доставить Пятакова к нему. Орджоникидзе двинулся навстречу вошедшему Пятакову, явно желая обнять его. Пятаков уклонился и отвел его руки.

— Юрий! Я пришел к тебе как друг! — воскликнул Орджоникидзе. — Я выдержал из-за тебя целый бой и не перестану за тебя бороться! Я говорил про тебя е м у...

После этого вступления Орджоникидзе попросил Агранова оставить его вдвоем с Пятаковым. Их разговор продолжался с глазу на глаз.

Вел ли Орджоникидзе коварную игру с Пятаковым под давлением Сталина, или был искренен? Последующий ход событий должен был дать ответ на этот вопрос.

Я знал Орджоникидзе по совместной работе в Тифлисе, еще с 1926 года, когда я командовал погранвойсками Закавказья, а он был секретарем ЦК Закавказской федерации

---

* Начальник секретного политического Управления.

советских республик (ЗСФСР). Мне было нетрудно представить себе, как экспансивный Орджоникидзе, все более возбуждаясь и жестикулируя, рассказывает Пятакову, какой "бой" он выдержал из-за него, как упрашивал Сталина не вовлекать Пятакова в готовящийся процесс...

Спустя несколько дней Орджоникидзе снова появился в здании НКВД и опять был оставлен вдвоем с Пятаковым. На этот раз, перед тем как уйти, Орджоникидзе в присутствии Пятакова сообщил Агранову сталинское распоряжение: исключить из числа участников будущего процесса жену Пятакова и его личного секретаря Москалева. Их не следует вызывать в суд даже в качестве свидетелей. Стало яснее ясного, что самому Пятакову Орджоникидзе посоветовал уступить требованию Сталина и принять участие в жульническом судебном процессе, — разумеется, в качестве подсудимого. Но для меня оставалось несомненным, что Орджоникидзе при этом лично гарантировал Пятакову: смертный приговор ему вынесен не будет.

Поверил ли Пятаков Орджоникидзе? Я убежден, что поверил. Пятаков знал, что Орджоникидзе в отличие от Сталина был верен дружбе, по крайней мере, в тех случаях, когда друг не представлял собой соперника в борьбе за власть. Он также знал, что Орджоникидзе, образование которого исчерпывалось фельдшерскими курсами, не мог без его помощи руководить промышленностью. Уже хотя бы из чистого эгоизма Орджоникидзе должен был бороться за сохранение жизни Пятакова, обеспечивая себе советника и помощника на будущее. Едва ли Пятаков догадывался, что Орджоникидзе, быть может, сам того не подозревая, выступал в провокационной роли сталинского ставленника. Он был одним из самых влиятельных членов Политбюро. Сталин мог требовать от него покорности при решении важных государственных вопросов, но едва ли мог принудить его играть презренную роль пешки-провокатора. В общем Пятаков вполне мог думать, что его положение лучше, чем у других обвиняемых. Ведь ему протежировал сталинский близкий друг и земляк.

Итак, Пятаков, по-видимому, решил довериться Орджоникидзе. Он подписал ложное признание, в котором подтверждал, что, воспользовавшись поездкой в Берлин в декабре 1935 года, написал оттуда письмо Троцкому, находившемуся тогда в Норвегии. Пятаков якобы испрашивал директив Троцкого об оказании финансовой поддержки заговорщикам внутри СССР. Далее он подтвердил, что получил ответ Троцкого: тот якобы сообщал, что им достигнуто соглашение с германским нацистским правительством. По этому соглашению немцы обязались вступить в войну с Советским Союзом и помочь Троцкому захватить власть в СССР. За это Троцкий обещал отдать немцам территорию Украины и предоставить ряд экономических уступок. В связи с этим соглашением Троцкий якобы требовал в письме к Пятакову, чтобы антисоветское подполье усилило свою вредительскую деятельность в промышленности.

Слушая на совещании в Кремле доклад о признаниях, сделанных Пятаковым, Сталин спросил: не лучше ли написать в обвинительном заключении, что Пятаков получил директивы Троцкого не по почте, а во время личной встречи с ним? Так родилась легенда о том, как Пятаков летал в Норвегию на свидание с Троцким. Чтобы версия была более убедительной, Сталин распорядился: пусть начальник Иностранного управления НКВД Слуцкий разработает схему путешествия Пятакова из Берлина в Норвегию, с учетом расписания поездов Берлин — Осло.

Когда мы со Слуцким встретились в Париже, в санатории профессора Вержере (это произошло в феврале 1937 года), он рассказал мне, что случилось на следующем кремлевском совещании по делу Пятакова.

Слуцкий доложил Сталину, что собранные им данные не позволяют принять версию о личной поездке Пятакова в Норвегию. Дело в том, что по действующему расписанию путешествие Пятакова в Осло, учитывая время, необходимое, чтобы добраться из Осло в Вексель, где жил Троцкий, и побеседовать с ним, займет минимум двое суток. Было бы очень опасно утверждать,что Пятаков исчезал из Берлина на

столь продолжительное время: по данным советского торгпредства в Берлине, он ежедневно проводил там совещания с представителями различных немецких фирм и чуть ли не каждый день подписывал с ними контракты.

Сталин был недоволен докладом Слуцкого и, не дождавшись изложения всех минусов обсуждаемой легенды, возразил: "Может быть, то, что вы говорите насчет расписания поездов, действительно верно. Однако Пятаков мог ведь слетать в Осло и на самолете? Полет туда и обратно, наверное, можно совершить за одну ночь?

Слуцкий заметил, что самолет (не забудем, что полет должен был относиться к 1935 году) берет очень мало пассажиров, и фамилия каждого из них записывается в журнал авиакомпании. Но Сталин уже принял решение: "Надо указать, что Пятаков летал на специальном самолете. Для такого дела германские власти охотно дали бы самолет!"

Слуцкий, любивший хвастаться, что ему часто приходится разговаривать со Сталиным, рассказал мне об этом совещании под большим секретом. Впрочем, через несколько дней я узнал, что то же самое он рассказал резиденту НКВД во Франции, тоже под большим секретом, однако в присутствии еще одного сотрудника Иностранного управления.

Показания, подписанные Пятаковым, пришлось соответственно переписать, исключив из них письмо, якобы пришедшее от Троцкого. Версия насчет указаний, полученных от Троцкого, несколько усложнилась. Согласно новой версии, оглашенной на суде, в середине декабря 1935 года Пятаков приземлился на аэродроме под Осло и, пройдя официальную проверку документов, отправился на машине к Троцкому, с которым и вел переговоры. Они обсуждали план свержения сталинского режима и захвата власти с помощью немецких штыков.

Горький опыт предыдущего процесса, когда была упомянута несуществующая гостиница "Бристоль", заставил организаторов нового процесса предостеречь Пятакова от "излишних подробностей". Пятаков не должен был говорить, под каким именем он совершил путешествие в Норвегию и

получал ли он въездную визу. В остальном как будто было все в порядке: Пятаков вполне мог слетать за одну ночь в Осло и обратно, и самый придирчивый скептик не имел возможности проверить, действительно ли одиночный самолет появлялся над Норвегией под покровом декабрьской ночи.

И тем не менее Сталина ждал жестокий удар.

25 января 1937 года, всего через два дня после того, как Пятаков изложил суду всю эту историю, в норвежской газете "Афтенпостен" появилась такая заметка:

СОВЕЩАНИЕ ПЯТАКОВА С ТРОЦКИМ В ОСЛО ВЫГЛЯДИТ СОВЕРШЕННО НЕПРАВДОПОДОБНЫМ

...Он будто бы прибыл на самолете на аэродром Хеллер. Однако персонал этого аэродрома утверждает, что никакие гражданские самолеты в декабре 1935 года там не приземлялись ...

Это сообщение застало Сталина и тех, кто готовил дело, врасплох. Надо было срочно что-то предпринять. Но что? Объвить, что самолет сел не на аэродром Хеллер, а на какой-нибудь другой? Однако было известно, что в окрестностях Осло только этот аэродром принимал гражданские самолеты. Внушить Пятакову, что он вообще не нуждался в аэродроме, а сел в пределах акватории ближайшего порта, тоже было поздно: ведь стартовал он якобы с берлинского сухопутного аэродрома Темпельдорф...

Чтобы как-то ослабить впечатление, произведенное заметкой в "Афтенпостен", Вышинский предъявил суду официальную справку консульского отдела народного комиссариата иностранных дел СССР, где говорилось:

"...аэродром в Хеллере, около Осло, принимает круглый год согласно международным правилам аэропланы других стран, прилет и отлет аэропланов возможны и в зимние месяцы".

Таким образом, вместо того чтобы ответить на категорическое утверждение новержской газеты, Вышинский наводит тень на ясный день и вводит в игру столь слабый козырь, как констатацию возможности аэродрома в Хел-

лере вообще принимать самолеты зимой.

Вдобавок исходило это даже не от официальных норвежских властей, чья точка зрения могла бы считаться беспристрастной, и не от администрации аэродрома Хеллер, а всего лишь от консульского отдела народного комиссариата иностранных дел в Москве, выдавшего такую жалкую справку...

Как и следовало ожидать, на этом дело не кончилось. 29 января уже другая норвежская газета — "Арбейдербладет", орган правящей социал-демократической партии, — опубликовала еще одно сообщение:

"Сегодня, в ответ на запрос корреспондента газеты "Арбейдербладет", управляющий аэродромом в Хеллере Гулликсен сообщил по телефону, что в декабре 1935 года там не приземлялись никакие иностранные самолеты".

Далее в том же сообщении говорилось, что, согласно официальному журналу полетов, за период между сентябрем 1935 года и 1 мая 1936 года на аэродроме в Хеллере совершил посадку один-единственный самолет.

Излишне добавлять, что это, конечно, не был самолет, доставивший Пятакова.

Сталин и Вышинский еще раз попались с поличным как фальсификаторы.

Не теряя времени, в спор включился Троцкий. Он через посредство мировой прессы предложил Вышинскому спросить Пятакова, какого числа тот вылетел из Берлина в Осло, получал ли он визу на право въезда в Норвегию и если получал, то на чье имя.

Троцкий просил московский суд использовать официальные каналы сношений с норвежским правительством для проверки правдивости показаний Пятакова.

"Если выяснится, — заявил Троцкий, — что Пятаков действительно побывал у меня, значит, я окажусь безнадежно скомпрометирован. Если же, напротив, я смогу доказать, что история нашей встречи вымышлена от начала до конца, — полной дискредитации подвергнется вся система "добровольных признаний" обвиняемых. Показания Пятакова должны

быть проверены немедленно, пока он еще не расстрелян".

Вышинский как прокурор обязан был проверить правдивость показаний Пятакова и без вмешательства Троцкого. Однако он не мог этого сделать: не для того готовил он вместе с другими судебный фарс, чтобы затем разоблачить его.

Когда Троцкий увидел, что организаторы судебного процесса не собираются что бы то ни было проверять и готовы продолжать свое дело, не считаясь с общественным мнением, он решился на отчаянный шаг: бросил вызов советскому правительству, написав в Москву, чтобы оттуда потребовали его выдачи Советскому Союзу для предания суду в качестве сообщника Пятакова и других обвиняемых.

Бросая такой вызов, Троцкий ставил на карту собственную жизнь. Правительство маленькой Норвегии едва ли смогло бы отклонить подобное требование своего могучего соседа, тем более Троцкий сам поднял вопрос о его выдаче. Но все дело в том, что Сталин боялся выдачи Троцкого, ибо знал, что, согласно закону, сначала норвежский суд должен будет проверить обвинения, выдвинутые против Троцкого, и досконально расследовать историю с полетом Пятакова в Осло, а, может быть, заодно и скандальный эпизод, связанный с гостиницей "Бристоль". Сталин, разумеется, не мог допустить, чтобы его фальшивки были представлены на беспристрастный норвежский суд. Более выгодным было требовать не выдачи Троцкого Советскому Союзу, а подослать к нему тайных агентов, которые могли бы заставить его замолчать раз и навсегда.

Пятаков добросовестно выполнил свои обязательства. Болезненно переживая публичный позор и черня свое героическое прошлое, он надеялся ценой таких унижений спасти жизнь близким — жене и ребенку.

Ему, как и другим подсудимым, было предоставлено "последнее слово", прежде чем суд удалился на совещание для вынесения приговора. Из его краткого выступления мне врезались в память следующие слова, сказанные с трагической проникновенностью:

— Любое наказание, которое вынесет суд, — сказал Пятаков, — будет для меня легче самого факта признания... В ближайшие часы вы произнесете свой приговор; и вот я стою перед вами в грязи... потерявший свою партию, свою семью, самого себя.

30 января 1937 года военное ведомство Верховного суда приговорило тринадцать из семнадцати подсудимых к смертной казни. Все тринадцать, в том числе Пятаков, Серебряков и другие ближайшие сотрудники Ленина, были расстреляны в подвалах НКВД.

2

Спустя три недели после расстрела Пятакова газеты сообщили, что народный комиссар тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе, которому было всего пятьдесят лет, внезапно умер от сердечного приступа. Орджоникидзе похоронили с большими почестями. ЦК обязал партийные организации по всей стране провести траурные заседания и должным образом оплакать смерть "железного наркома, верного соратника товарища Сталина".

Прошло около двух месяцев, и в Испанию с дипломатической почтой прибыл новый дипкурьер, работавший до того в Специальном управлении НКВД, — здоровенный парень с нахальной физиономией и растрепанной копной рыжих волос. В Испании он повстречал старого приятеля, который был в моем подчинении. И вот как-то мой подчиненный зашел ко мне и с таинственным видом сообщил, что новый дипкурьер рассказывает какие-то странные истории. Например, будто Особое управление НКВД имеет сведения, что редактор "Правды" Михаил Кольцов, тоже находившийся в это время в Испании, "продался англичанам" и снабжает секретной информацией о Советском Союзе лорда Бивербрука. Или: будто бы Серго Орджоникидзе умер не своей смертью, а был ликвидирован.

Сплетня относительно Михаила Кольцова, моего близкого знакомого, очень не понравилась мне. Это, конечно, не значило, что я не верил сообщению, якобы НКВД имеет какие-то особые сведения о нем. НКВД — это нечто вроде гигантского почтового ящика, куда любая безответственная личность могла направить любые безответственные измышления. Что же касается слухов о будто бы насильственной смерти Орджоникидзе, то они мне показались обычной сплетней, хотя после того, что случилось с Кировым, казалось, я должен был больше доверять слухам такого рода. Однако в этот период (дело было весной 1937 года) Сталин еще не приступил к массовому уничтожению преданных ему сподвижников и трудно было вообразить, что он способен убить своего близкого друга — последнего остававшегося в Кремле человека, с которым он мог поговорить на родном грузинском языке.

В октябре 1937 года в Испанию наведался Шпигельгляс, заместитель начальника Иностранного управления НКВД. Перед этим, летом, в Москве произошли сенсационные события. Начиная с мая среди самых верных сподвижников Сталина происходили все новые и совершенно необъяснимые аресты. Арестованные никогда не принимали участия ни в какой политической оппозиции. Не проходило дня, чтобы в Москве или других городах бесследно не пропали виднейшие деятели страны — наркомы, председатели верховных советов союзных республик, секретари обкомов партии, крупнейшие военачальники. Двое членов правительства, считавшиеся сталинскими фаворитами, исчезли в Москве по дороге из дому на службу. Они сгинули вместе со своими автомобилями и личными шоферами. Тайные аресты начались даже среди руководителей НКВД!

Шпигельгляс был буквально нашпигован подобными историями. Ему и самому позволили съездить за границу только потому, что в Москве у него оставались заложники — жена и дочь. Из его рассказов мне стало ясно, что он серьезно опасается за свою жизнь. Подобные рассказы мне приходилось слышать и раньше, но Шпигельгляс благодаря своему положению в НКВД знал больше других.

Судя по всему, Шпигельгляс завидовал мне — ведь я находился за границей вместе с семьей, вдали от разразившейся

вакханалии арестов и казней. Много раз он признавался, что хотел бы получить назначение на работу в Испанию. Видя, что я никак не реагирую на эти намеки, он как-то раз прямо заявил, что не прочь бы стать моим заместителем, лишь бы только я согласился взять инициативу на себя и попросить Москву о его переводе сюда. Было совершенно ясно, что он смотрит на Испанию, охваченную гражданской войной, как на идеальное прибежище, где можно переждать бурю, бушующую в СССР.

Однажды, когда мы ехали с ним в машине из Валенсии в Барселону, он вновь заговорил о массовых арестах и рассказал, между прочим, о самоубийстве ряда видных сотрудников НКВД, которых мы оба хорошо знали. Он перечислял фамилии крупнейших деятелей, исчезнувших за последние месяцы, и неожиданно произнес: " О н и прикончили также и Орджоникидзе!"

Услышав это, я вздрогнул. Хотя Шпигельгляс только подтвердил слух, дошедший к нам через дипкурьера, у меня невольно вырвалось: "Не может быть!"

— Это точно, — возразил Шпигельгляс. — Я знаю подробности этого дела. У Орджоникидзе тоже текла в жилах кавказская кровь — вот он и поссорился с хозяином. Нашла коса на камень. Все из-за Пятакова...

КАРЛ РАДЕК

Среди самых известных деятелей, оказавшихся на скамье подсудимых во время второго московского процесса, был Карл Радек. В кругах большевистской "старой гвардии" он, впрочем, не пользовался особым уважением. Во-первых, вероятно, потому что принимал весьма скромное участие в революции и гражданской войне. Во-вторых, старые большевики считали его не особенно серьезным человеком. Хотя он и вращался в среде выдающихся деятелей нашей эпохи, ни для кого не было секретом, что ему присущи чрезмерная

болтливость, склонность к хвастовству и нелепому фиглярничанью.

В речах и докладах он имел обыкновение удаляться от темы и разглагольствовать о своей персоне. При этом в погоне за популярностью он начинал потешать аудиторию неуместными шутками не всегда приличного свойства. Эти дешевые приемы, впрочем, снискали ему популярность, однако не среди партийной верхушки, а в кругах молодых партийцев и комсомольцев.

При всем том Радек отнюдь не был обделен способностями. Он был блестяще начитанным и хорошо информированным человеком, способным при необходимости извлечь из памяти массу сведений о любой стране, партии, событии или политическом деятеле. Он считался выдающимся специалистом в области международных отношений, и члены Политбюро нередко пользовались его консультациями по вопросам внешней политики. В партии был широко известен и тот факт, что в 1919 году Радек предостерегал Ленина от похода на Польшу и предсказывал, что в случае нападения советской России весь польский народ, не исключая и рабочих, поднимется на защиту своего отечества и Красная армия потерпит поражение. Предсказание Радека оказалось верным, и Ленин позднее сам признавал, что Политбюро допустило грубую ошибку, не прислушавшись к блестящему анализу ситуации, данному Радеком.

Однако подлинный талант Радек проявил в области журналистики. Сохранив в разговоре сильный иностранный акцент, он научился писать по-русски с редким совершенством.

И все же Ленин не считал возможным доверить ему действительно крупный пост в государстве, например назначить его народным комиссаром или секретарем какого-нибудь важного обкома. Дело в том, что Радек не был способен к усидчивой, планомерной работе, а его экспансивность мешала ему удержаться от разглашения государственных и партийных тайн. В ряде случаев, когда предполагалось обсуждение особо секретных вопросов, Ленин даже считал нужным скрывать от Радека день и час заседания Политбюро. Все

эти соображения заставляли ЦК использовать его главным образом как талантливого журналиста и назначать на различные должности, связанные с Коминтерном.

Когда в партии образовалась так называемая левая оппозиция, Радек после некоторых колебаний примкнул к Троцкому. После разгрома оппозиции, в конце 1927 года, ему пришлось отправиться в сибирскую ссылку. Оттуда он разразился едкими письмами и заявлениями, направленными против сталинской политики и призывавшими оппозиционеров "держаться твердо". Когда Зиновьев и Каменев капитулировали перед Сталиным, Радек писал (дело было в 1928 году) :

"Совершив насилие над своими убеждениями, они отреклись. Невозможно служить рабочему классу, исповедуя ложь. Те, кто остался, должны сказать правду".

Но самому Радеку недолго довелось "говорить правду". Проведя в Сибири полтора года и сообразив, что его ссылка может стать вообще бессрочной, Радек решил переметнуться в сталинский лагерь и таким путем обрести свободу.

Тем, кто проявил готовность сдаться раньше, были поставлены относительно мягкие условия капитуляции. Единственно, что от них требовалось, — это подписать декларацию, где было бы сказано, что они отклонились от настоящей большевистской линии и что сталинская политическая линия была верна. Радек, капитулировавший значительно позже Зиновьева с Каменевым, был поставлен перед необходимостью принять более суровые условия: помимо заявления о раскаянии, он взял на себя обязательство вести пропаганду, направленную против оппозиции.. С этого времени Радек поставил свое перо на службу Сталину, всеми силами стремясь войти к нему в доверие и восстановить свое прежнее положение в партии.

Еще так недавно, находясь в Сибири, Радек писал в адрес ЦК о Троцком (в ту пору находившемся в алмаатинской ссылке) :

"Мы не можем оставаться безгласными и пассивными, видя, как малярийная лихорадка сжигает бойца, который всю свою жизнь посвятил рабочему классу и был мечом Октябрьской революции".

Прошло не более года — и тот же самый Радек, стремясь заслужить благосклонность Сталина, начал поливать Троцкого грязью и клеймить его как изменника делу революции и отступника от коммунизма. Вплоть до судебного процесса 1937 года Радек оставался верным сталинским помощником в организации непрекращающейся клеветнической кампании против Троцкого.

В 1929 году, вскоре после возвращения Радека из ссылки в Москву, к нему домой зашел сотрудник Иностранного управления НКВД Яков Блюмкин. Радек был знаком с ним со времен гражданской войны. Полагая что, несмотря на капитуляцию перед Сталиным, Радек в душе остался искренним и неподкупным революционером, Блюмкин сообщил ему, что только что им получено служебное задание, требующее выезда в Турцию. Там он рассчитывает встретиться с Троцким (к тому времени высланным из СССР) и переговорить с ним.

Радек быстро сообразил, что сама судьба предоставила ему редкую возможность доказать преданность Сталину и одним махом восстановить свое былое положение в партии. Как только Блюмкин ушел, Радек помчался в Кремль и передал Сталину все, что узнал от Блюмкина. Сталина встревожил тот факт, что даже в НКВД находятся люди, готовые рисковать своей головой ради Троцкого. Он тотчас вызвал Ягоду и приказал ему установить тщательное наблюдение за Блюмкиным, чтобы узнать, с кем из вожаков оппозиции он встретится до отъезда. Таким путем Сталин надеялся поймать в ловушку тех ведущих участников оппозиции, кто формально отрекся от своих взглядов, обвинить их в двурушничестве и снова отправить в Сибирь.

Ягода не был уверен, что его агентам удастся слежка за таким опытным сотрудником разведки, как Блюмкин. Он решил получить информацию, требующуюся Сталину, иным путем. Обсуждая полученное задание с начальником Иностранного управления, Ягода вызвал в свой кабинет сотрудницу этого управления, некую Лизу Г., красивую молодую женщину, которой Блюмкин одно время оказывал усиленные знаки внимания, и попросил ее быть с Блюмкиным

поласковее и, изображая разочарование в официальной политике партии, вести себя так, словно она сочувствует троцкистской оппозиции. Ягода надеялся, что, сблизившись с Блюмкиным, Лиза Г. сможет узнать от него о планах его свидания с Троцким и о том, с кем из бывших лидеров оппозиции Блюмкин рассчитывает встретиться после этого свидания. Лизе дали понять, что в интересах партии ей следует отбросить всяческие буржуазные предрассудки и попытаться вступить в интимную связь с Блюмкиным.

Не отличавшийся особой щепетильностью Блюмкин не оттолкнул молодую женщину, открывшую ему душу. Однако, несмотря на "вспыхнувшую" страсть, он ничего не рассказывал ей ни о Троцком, ни о ком-либо другом из оппозиционной верхушки. Сыщики, следовавшие за ним по пятам, отражали в сводках каждый его шаг, включая интимные свидания с Лизой Г., но так и не засекли ни одной его встречи с вожаками оппозиции.

Роман Лизы Г. с Блюмкиным продолжался три недели. После этого, поскольку он не принес Ягоде ожидаемой информации, тот приказал Иностранному управлению "направить" его наконец в Турцию, однако по дороге на вокзал арестовать — так, чтобы он не успел даже выбраться из Москвы. Лиза Г., как и следовало ожидать, провожала его на вокзал. Машина, в которой они ехали, была задержана, и Блюмкин доставлен в тюрьму. На допросах он держался с поразительным достоинством и смело пошел на расстрел. В последний момент перед тем, как его жизнь оборвалась, он успел крикнуть: "Да здравствует Троцкий!"

Вскоре "органам" стало известно, что о предательстве Радека и обстоятельствах ареста Блюмкина каким-то образом дознались лидеры оппозиции. Специальное расследование, проведенное по приказу Ягоды, позволило установить, что они получили эти сведения от сотрудника Секретного политического управления Рабиновича, втайне разделявшего взгляды оппозиционеров. Рабинович был тоже расстрелян без суда.

Обо всем происшедшем узнал также и Троцкий в своем

турецком изгнании. Вина Радека по своей тяжести была равносильна тому, если бы он сделался агентом-провокатором советских карательных органов. Путь в оппозицию был для него отрезан, и ему не оставалось ничего другого, как навсегда связать свою судьбу со Сталиным.

Тайный расстрел Блюмкина, относящийся к 1929 году, произвел тяжелое впечатление на всех, кто узнал об этом деле. В истории СССР это был первый случай расстрела члена большевистской партии за сочувствие оппозиции. Старые большевики — даже те из них, кто никогда не имел ничего общего с оппозицией, — начали бойкотировать Радека и перестали с ним здороваться. Неприязненное отношение прежних товарищей только тесней привязало Радека к сталинскому блоку. В общем, санкционировав расстрел Блюмкина, Сталин превратил Радека в своего покорного раба.

Из-под его пера теперь выходили самые беспринципные обвинения и ядовитые инвективы, направленные против Троцкого. Уже в 1929 году, за семь лет до начала московских процессов, Радек в своих публичных выступлениях называл Троцкого Иудой и обвинял его в том, что он сделался "прихвостнем лорда Бивербрука". Поток этой брани и клеветы с годами усиливался буквально в геометрической прогрессии.

Усердие Радека принесло свои плоды: он вновь получил доступ в Кремль (ему даже выдали туда постоянный пропуск), начал заглядывать в кабинет Сталина и даже на его дачу. Позднее, на суде, он оценит этот период своей жизни словами, обращенными к государственному обвинителю: "Я оказался в опасной близости к власти".

В 1933 году Радек в свойственной ему блестящей литературной манере написал небольшую книжку под названием "Зодчий социалистического общества". Он совершил в ней фантастический скачок в будущее и, как бы глядя оттуда глазами грядущих поколений, изобразил ретроспективно образ Сталина. Это весьма оригинальная работа была написана Радеком в форме лекции, которую будто бы читает в начале последней трети XX века некий знаменитый историк. Лекция посвящена великому Сталину — гению, который преобразовал человеческое общество.

Радек видел, с какой неиссякающей энергией Сталин фальсифицирует из года в год историю революции, чтобы сфабриковать себе героическую биографию вождя Октября и победоносного стратега гражданской войны. Он понимал, что Сталин, как и всякий фальсификатор, в глубине души полон опасений. Как бы ловко он ни манипулировал историческими архивами, уничтожая документы и ликвидируя живых свидетелей и участников революции, — нельзя было поручиться, что не найдутся беспристрастные историки, которые смогут отделить вымысел от действительных фактов. В глубине души *Сталин не мог не опасаться приговора истории.* Поэтому Радек и решил предпринять фантастический экскурс в будущее и дать Сталину возможность еще при жизни увидеть собственное отражение в зеркале истории. Надо сказать, что Радек успешно выполнил задачу, за которую взялся. В "Зодчем социалистического общества" он с ловкостью фокусника приподнял перед Сталиным непроницаемую завесу будущего и позволил ему насладиться собственным величественным образом, перед которым бледнели образы великих мужей прошлого.

Сталин, которому уже набили оскомину однообразные хвалебные оды в его честь, наводнившие советскую литературу и прессу, был весьма польщен, познакомившись с оригинальным произведением Радека. Он распорядился опубликовать его громадным тиражом и велел отделу пропаганды ЦК проследить, чтобы оно было проработано в каждой партийной ячейке по всей стране.

Звезда Радека снова засияла. Он был назначен главным редактором "Известий" и советником Политбюро по вопросам внешней политики. Аппарату ЦК было предписано всячески популяризировать имя Радека и организовать цикл его лекций, посвященных проблемам международных отношений. Эти лекции были затем опубликованы в виде брошюр и распространены в сотнях тысяч экземпляров. Ягода, в 1927 году лично арестовывавший Радека, теперь обращался к нему с преувеличенной вежливостью и почтительно именовал Карлом Бернгардовичем. Кто-то из старых большевиков в разговоре со мной иронически заметил: "Посмотрите-ка на Радека! Если б не его оппозиционное прошлое, ему бы не видать такой карьеры!"

А в 1936 году Сталин — после всего, что Радек для него сделал, — распорядился не только арестовать его, но и представить на судебном процессе как ближайшего приспешника Троцкого. Это не умещалось у меня в голове. Быть может, сталинские поступки объяснялись его неумением забывать старые обиды? Это было бы слишком однобокое объяснение. На мой взгляд, Сталин решил избавиться от Радека скорее всего потому, что держался все той же своей генеральной линии: ликвидировать всех, кто принадлежал к старой гвардии.

Арестованный Радек не мог прийти в себя от негодования: "После всего, что я сделал для Сталина, — такая с его стороны несправедливость!" Радек умолял дать ему возможность поговорить со Сталиным, однако ему отказали; тогда он написал ему большое письмо, но и оно осталось без ответа.

Видя, что попытка пробудить в Сталине совесть осталась безрезультатной, Радек сосредоточил свои усилия на другой идее: убедить следователей, что в их же собственных интересах — исключить его из числа участников судебного процесса. Его аргументам нельзя было отказать в логике: после всего того, что он говорил и писал о Троцком, смешно изображать его близким другом и соучастником последнего. Руководители НКВД понимали, конечно, что Радек прав, но "хозяин" хотел видеть Радека на суде в качестве обвиняемого, и им оставалось лишь исполнить его прихоть.

Радек не отличался сильной волей, однако чувство горькой обиды придало ему упрямства. Над Радеком работала целая бригада следователей, включая Бермана и Кедрина-младшего; они допрашивали его, пользуясь методом так

называемого "конвейера",* но всем на удивление он держался. Он терпеливо сносил оскорбления, какими осыпали его следователи, и не мог стерпеть лишь одного: кто-то из следователей лицемерно и методично заявлял ему, будто он убежден, что Радек являлся секретным представителем Троцкого в СССР. С этим следователем он отказывался разговаривать.

В феврале 1937 года начальник Иностранного управления НКВД рассказал мне о на редкость пикантной сцене, разыгравшейся между Радеком и начальником Секретного политического управления Молчановым.

Однажды ночью, допрашивая Радека, Молчанов довел его до крайнего озлобления. Не в силах более сдерживаться, Радек ударил по столу кулаком и решительно объявил:

— Ладно! Я согласен сейчас же подписать все что угодно. И признать, что я хотел убить всех членов Политбюро и посадить на кремлевский престол Гитлера. Но к своим признаниям я хочу добавить одну небольшую деталь, — что, кроме тех сообщников, которых вы мне навязали, я имел еще одного, по фамилии... Молчанов... Да, да, Молчанов! — истерически закричал Радек. — Если вы считаете, что необходимо кем-то пожертвовать для блага партии, то пусть мы пожертвуем собой вместе!

Молчанов побледнел как полотно.

— И знаете, что я думаю? — продолжал Радек, наслаждаясь его замешательством. — Я думаю, что, если я всерьез предложу это условие Ежову, он его охотно примет. Что для Ежова судьба какого-то там Молчанова, когда дело идет об интересах партии! Чтобы заполучить на суд одного такого, как Радек, он без разговора подкинет дюжину таких Молчановых!

---

* Распространенный в советских застенках метод: следователи, регулярно сменяясь, ведут психологическую обработку арестованного без перерыва на протяжении нескольких суток. Лишенный не только сна, но даже возможности переменить позу, встать со стула (или, наоборот, сесть), подследственный начинает страдать галлюцинациями, утрачивает представление о происходящем и в конечном счете приходит в такое состояние, что готов выполнить любые требования следователей, лишь бы его оставили в покое. (Примеч.ред.)

Когда руководители НКВД убедились, что подготовка Радека к судебному процессу непозволительно затягивается, они потребовали от другого обвиняемого — Григория Сокольникова, бывшего посла в Англии — повлиять на Радека. Сокольников, который капитулировал уже давно, опасаясь за жизнь молодой жены* и двадцатитрехлетнего сына от первого брака, согласился поговорить с Радеком. Разговор состоялся в присутствии следователя и в дальнейшем был запротоколирован как очная ставка двух обвиняемых. Однако в протоколе ни единым словом не упомянуто о том, что в действительности происходило на этой встрече. Следователь написал только, что в ответ на его вопросы Сокольников во всем сознавался и указывал на Радека как на своего сообщника.

Тем не менее позиция Сокольникова оказала решающее влияние на дальнейшее поведение Радека. Григорий Сокольников, являвшийся членом ЦК партии еще при Ленине, в решающие годы революции и гражданской войны, пользовался репутацией исключительно серьезного и осмотрительного политического деятеля, не склонного к опрометчивым решениям. И когда слабохарактерный и легкомысленный Радек почувствовал себя загнанным в тупик, он послушно последовал примеру человека, который имел смелость прийти к определенному решению и придерживаться его.

Правда, Радек не хотел предстать перед судом на худших условиях, чем те, что Сокольников смог обеспечить себе. Он узнал от Сокольникова, что тому удалось добиться встречи со Сталиным и даже получить от него некоторые обещания. Радеку тоже требовались гарантии — не от руководителей НКВД, а из уст Сталина. На этом условии он был готов подписать "признание" и предстать перед судом в качестве подсудимого.

Однако Сталин не пожелал видеть Радека. Быть может,

---

* Речь идет о Галине Серебряковой. Сокольников не мог предвидеть, что она, несмотря на его полное "признание и раскаяние", расплатится за одно лишь то, что была его женой, двадцатью годами заключения и ссылки. (Примеч.ред.)

это был один из тех редких случаев, когда даже ничем не гнушавшийся Сталин испытывал некоторую неловкость. "Следствие" по делу Радека тянулось уже что-то около двух месяцев, а тот все продолжал настаивать на свидании с "хозяином". Наконец, Ежов заявил, что если Радеку это так уж необходимо, то сначала он должен обратиться к Сталину с личным письмом, содержащим требуемые признания. Радек написал такое письмо, но по каким-то причинам оно было отклонено Ежовым. Пришлось написать второе, уже при участии самого Ежова. Не могу сказать, почему "органы" придавали этому письму столь серьезное значение.

Через несколько дней Сталин появился в здании НКВД, и в присутствии Ежова у него состоялся долгий разговор с Радеком. После этого Радека привели в кабинет Кедрова, где его ждал уже заранее подготовленный протокол допроса. Он внимательно прочел показания, написанные за него и неожиданно, взяв карандаш, принялся делать поправки, не обращая внимания на протесты Кедрова. Наконец ему, видимо, надоело это занятие и он объявил: "Это не то, что нужно. Дайте мне бумагу и ручку, и я напишу сам!"

Радек набросал протокол допроса, который привел следователей в восторг. В нем он сам задавал себе вопросы, сам же и отвечал на них. Руководители НКВД не рискнули сделать в писаниях Радека никаких поправок.

Несколькими днями позже Радек по собственной инициативе приписал такое дополнение: действуя по указаниям Троцкого, он будто бы подтвердил одному из гитлеровских дипломатов (во время какого-то банкета), что подпольный антисоветский "блок" уполномочил Троцкого вести переговоры с германским правительством и что тот же "блок" готов сделать Германии территориальные уступки, которые пообещает Троцкий.

Изменения, внесенные Радеком в сложившуюся к тому времени картину "антисоветского заговора", заставили переписывать почти все показания основных обвиняемых по этому делу. С этого момента Радек сделался личным консультантом Ежова по совершенствованию легенды о заговоре. Легенда сделалась с его помощью еще более драматичной и получила отличное словесное оформление.

Стремясь угодить Сталину, Радек выдумал еще одну версию, представленную им в качестве дополнения к показаниям Сокольникова. Согласно этой версии, один японский дипломат, нанося официальный визит Сокольникову, в то время заместителю наркома иностранных дел, спросил у него, насколько серьезны предложения, которые Троцкий сделал германскому правительству. Сокольников якобы подтвердил этому дипломату, что Троцкий действительно получил полномочия на ведение таких переговоров. Сталину понравилась эта выдумка, и Сокольникову тоже пришлось поставить под ней свою подпись.

Но главная услуга, которую Радек оказал следствию, состояла в том, что он помог убедить Николая Муралова, личного друга Троцкого и выдающегося полководца гражданской войны, тоже дать ложные показания, направленные против Троцкого.

Не годясь по своему характеру в настоящие заговорщики, Радек вместе с тем, как никто другой, подходил для того, чтобы разыграть роль заговорщика в сталинской судебной комедии. Для такой роли он обладал поистине блестящими данными. Прирожденный демагог, он считал и правду и ложь одинаково приемлемыми средствами для достижения своих целей. Софистика и риторика были его стихией, и в прошлом он нередко — в тех случаях, когда требовалось партии, — с ловкостью настоящего фокусника умел доказать, что белое — это черное, а черное — белое. Пообещав Сталину лгать на суде "для блага партии", а фактически для спасения собственной шкуры, Радек бросился исполнять порученное задание с прытью хорошего спортсмена. Стремление первенствовать во всем было одной из его. характернейших черт. Теперь он хотел быть первым и здесь. Даже в весьма жалкой роли подсудимого, играющего разоблаченного убийцу и шпиона, он усмотрел свой "шанс" — возможность интеллектуального состязания с другими подсудимыми и даже с прокурором.

Радек сыграл свою роль на суде с таким артистическим совершенством, что непосвященные были убеждены: он говорит чистую правду. Другие подсудимые рассказывали су-

ду о своих преступлениях вялым, бесцветным голосом, словно читая лекцию о давно забытых страницах древней истории. А Радек так вжился в роль, что всему, о чем заходила речь, готов был сообщить истинно драматический оттенок, точно это были реальные и притом недавние события.

Он отнюдь не начинал с изложения криминальных разговоров, которые будто бы вел со своими сообщниками, или с содержания писем, будто бы полученных им от Троцкого. Нет, будучи прирожденным артистом и незаурядным психологом, он прежде всего набрасывал перед судом драматическую картину терзавших его сомнений, душераздирающих страданий, которые он испытывал, когда "логика фракционной борьбы" шаг за шагом заводила его в лабиринт преступлений, откуда — он чувствовал — ему не выбраться.

На суде Радек буквально скулил, занимаясь безжалостным самобичеванием. О да, теперь он понял: то, что он делал, было чистым безумием... средства, которыми он пользовался, не могли привести его к тем целям, какие он себе ставил... Ему давно уже стало ясно, что если бы даже он и его товарищи преуспели в своем стремлении помочь Гитлеру, то Гитлер не допустил бы их к власти, а отбросил, "как выжатый лимон"...

Радек рассказывал суду, как под влиянием гигантских успехов, достигнутых в стране под руководством Сталина, он понял всю чудовищность преступлений, на которые толкал его Троцкий.

— Просто так, за здорово живешь, ради прекрасных глаз Троцкого страна должна вернуться к капитализму! — возмущенно восклицал он.

Преступные директивы Троцкого, говорил Радек, завели его и других руководителей заговора в тупик. Как вообще они, эти заговорщики, смогли стать членами подпольной антисоветской организации, когда у многих были за плечами десятки лет честной революционной работы? Как было объяснить рядовым троцкистам, что они должны теперь бороться за победу фашистской Германии над советским народом? Сделать это было бы безумием; в результате таких директив надо было ожидать, что возмущенные члены организации отправятся в НКВД и выдадут весь заговор...

— Я чувствовал себя так, будто нахожусь в сумасшедшем доме! — заявил Радек.

— И что же вы предприняли? — перебил его государственный обвинитель Вышинский.

На это Радек ответил, как всегда витиевато:

— Единственным выходом было пойти в ЦК партии, сделать признание, назвать всех участников. Я этого не сделал. Я не пошел в ГПУ, но ГПУ само пришло ко мне.

— Красноречивое признание! — откликнулся Вышинский.

— Горькое признание, — уточнил Радек.

Борясь за спасение собственной жизни, Радек не только выполнил, но и перевыполнил указания, полученные от Сталина. Но Вышинскому этого было недостаточно. Он полагал, что в задачу прокурора на процессе входит вновь и вновь наносить удары тем, кто уже лежал, поверженный ниц. Задав Радеку несколько каверзных вопросов, Вышинский напомнил ему, что он не только отказался от намерения рассказать о заговоре и своих сообщниках, но даже и после ареста в течение трех месяцев продолжал отрекаться от своего участия в заговоре.

— Можно ли после этого принимать всерьез то, что вы тут говорили о своих колебаниях и опасениях? — спрашивал Вышинский.

Придирки Вышинского разозлили Радека, и он огрызнулся: "Да, если игнорировать тот факт, что о программе заговорщиков и об указаниях Троцкого вы узнали только от меня, тогда, конечно, принимать всерьез нельзя..."

Радек позволил себе опасный намек. Эти слова "вы узнали только от меня" показывали, что ни НКВД, ни государственный обвинитель не имели, кроме этого признания, никаких улик против Радека и остальных обвиняемых.

Радек вполне обоснованно предъявлял свои авторские права на так называемые "инструкции Троцкого". Ведь никто иной, как он, после свидания с глазу на глаз со Сталиным отверг "показания", составленные для него следователем Кедровым, и собственноручно изложил на бумаге новую версию этих "инструкций". Неожиданная вспышка Радека и его намек на особые услуги, оказанные им следствию, встрево-

жили суд и прокурора. Во избежание дальнейших осложнений председательствующий Ульрих поспешил объявить перерыв.

Радек так долго пресмыкался перед Сталиным и так лез из кожи вон, чтобы помочь прокурору, что можно было подумать, будто он был просто растленной личностью, уже равнодушной к тому, что скажет о нем мир. Однако, если внимательнее вдуматься в то, что Радек сказал на суде, станет ясно, что он строил свои саморазоблачения так, чтобы мир мог сделать из них вывод о беспочвенности обвинений и отсутствии у суда каких бы то ни было доказательств вины подсудимых.

Вплоть до конца судебного спектакля его режиссеры не разгадали скользкий замысел Радека. Ублажаемые его саморазоблачением и яростными нападками на Троцкого, прокурор и судьи не заметили, как искусно он протащил свою опасную контрабанду, подточившую тот фундамент, на котором строились многие обвинения.

В своем последнем слове Радек приоткрыл завесу над теми приемами, с помощью которых ему удалась эта контрабанда.* "Последнее слово" он начал с того, что недвусмысленно признал свою вину.

— Нет таких оправданий, — говорил Радек, — которыми взрослый человек, владеющий рассудком, мог бы объяснить свою измену родине. Напрасно и я пытался подыскать себе смягчающие обстоятельства. Человек, проведший тридцать пять лет в рабочем движении, не может оправдывать свое преступление какими бы то ни было обстоятельствами, когда он сознается в измене родине. Я не мог прикрываться даже тем, что меня совратил с пути Троцкий. Я был уже взрослым человеком с полностью сформировавшимися убеждениями, когда встретился с Троцким.

Выплатив таким образом дань, обещанную следователям, и усыпив бдительность прокурора, Радек прибег к тактическому маневру, который давал ему шанс выразить вслух кое-что из того, что отнюдь не входило в планы организаторов процесса. Радек заявил суду, что, хотя он согласен с прокурором по всем главным пунктам обвинения, он тем не менее протестует против попытки Вышинского охарактеризовать подсудимых как сущих бандитов.

— Слыша, что люди, сидящие здесь на скамье подсудимых, являются попросту бандитами и шпионами, я протестовал против этого! Имеются свидетельства двух человек — мое собственное признание в том, что я получал инструкции и письма от Троцкого (которые, к сожалению, я сжег), и признание Пятакова, который говорил с Троцким. Все признания остальных обвиняемых основываются на нашем признании. Если вы имеете дело с обычными бандитами и шпионами, на чем же основано ваше убеждение, что мы говорили чистую правду?

Эти слова Радека прозучали пощечиной Сталину.

Но несмотря на эти несколько коротких, хотя и эффективных выпадов, Радек все же оказал Сталину неоценимую услугу в подготовке судебного спектакля. В целом он полностью выполнил полученные от Сталина указания.

* * *

И вот ранним утром 20 января 1937 года Радек вместе со своими товарищами по скамье подсудимых стоя внимал словам приговора. Все подсудимые вслушивались в чтение Ульриха, затаив дыхание. Покончив с так называемой констатирующей частью приговора, Ульрих перешел к мерам наказания, определенным каждому из обвиняемых. "К высшей мере наказания...", "к высшей мере наказания...", "к высшей мере наказания...". Дойдя до фамилии Радека, он произнес: "...приговаривается к лишению свободы на срок десять лет".

Лицо Радека просияло. Он подождал конца чтения, за-

---

* Тщательно продуманное предприятие Радека могло бы, однако, закончиться ничем: ведь стенограммы судебных заседаний перед опубликованием проходили дополнительную обработку, и маневры Радека могли оказаться просто-напросто вычеркнуты. Этого не произошло, видимо, по одной из двух причин: или организаторы процесса действительно до самого конца не раскрыли сущности радековского выступления, или же предпочли "не углублять", не обращать на этот подтекст внимания вышестоящих, дабы не навлечь их гнев на себя. (Примеч.ред.)

тем повернулся к остальным подсудимым, пожал плечами, точно стесняясь своей удачи, и послал им виноватую усмешку. Точно такую же усмешку он адресовал и аудитории.

"МЕДИЦИНСКИЕ" УБИЙСТВА

На третьем московском процессе Сталин дал ответ тем зарубежным критикам, которые все упорнее ставили один и тот же каверзный вопрос: как объяснить тот факт, что десятки тщательно организованных террористических групп, о которых столько говорилось на обоих первых процессах, смогли совершить лишь один-единственный террористический акт — убийство Кирова?

Сталин понимал, что этот вопрос попадает в самую точку: действительно, факт одного лишь убийства был слабым местом всего грандиозного судебного спектакля. Уйти от этого вопроса было невозможно. Ну что ж, он, Сталин, примет вызов и ответит критикам. Чем? Новой легендой, которую он вложит в уста подсудимых на третьем московском процессе.

Итак, чтобы достойно ответить на вызов, Сталин должен был указать поименно тех руководителей, которые погублены заговорщиками. Однако как их найти? За последние двадцать лет народу было сообщено только об одном террористическом акте — все о том же убийстве Кирова. Для тех, кто хотел бы проследить, как действовал изощренный сталинский мозг, едва ли мог представиться более подходящий случай, чем этот. Посмотрим, как Сталин разрешил эту проблему и как она была преподнесена суду.

Между 1934 и 1936 годами в Советском Союзе умерло естественной смертью несколько видных политических деятелей. Самыми известными из них были член Политбюро Куйбышев и председатель ОГПУ Менжинский. В тот же период умерли А.М.Горький и его сын Максим Пешков. Сталин решил использовать эти четыре смерти. Хотя Горький

не был членом правительства и не входил в Политбюро, Сталин и его хотел изобразить жертвой террористической деятельности заговорщиков, надеясь, что это злодеяние вызовет возмущение народа, направленное против обвиняемых.

Но осуществить этот план было не так-то просто даже облеченному диктаторской властью Сталину. Сложность заключалась в том, что подлинные обстоятельства смерти каждого из этих четверых были подробно описаны в советских газетах. Публиковались заключения врачей, обследовавших умерших, и людям было известно, что Куйбышев и Менжинский много лет страдали грудной жабой и оба умерли от сердечного приступа. Когда в июне 1936 года заболел шестидесятивосьмилетний Горький, правительство распорядилось ежедневно публиковать бюллетень о состоянии его здоровья. Все знали, что у него с юных лет был туберкулез. Вскрытие показало, что активно работала только треть его легких.

Казалось бы, после всей этой информации невозможно выдвинуть версию, будто все четверо погибли от рук террористов. Но логика, обязательная для простых смертных, не была обязательна для Сталина. Ведь сказал же он как-то Крупской, что если она не перестанет относиться к нему "критически", то партия объявит, что не она, а Елена Стасова была женой Ленина... "Да, партия все может!" — пояснил он озадаченной Крупской.

Это вовсе не было шуткой. Партия, то есть он, Сталин, действительно может сделать все, что захочет. Может отменить общеизвестные факты и заменить их мифами. Может уничтожить настоящих свидетелей события и подставить на их место лжесвидетелей. Главное — освоить алхимию подлога и научиться, не колеблясь, употреблять силу. Обладая этими качествами, Сталин мог преодолеть любые препятствия.

Что за беда, если несколько лет назад правительство и объявило, что Куйбышев, Менжинский и Горький умерли естественной смертью? Проявив достаточную изобретательность, можно опровергнуть те давние сообщения и доказать, что в действительности все они были умерщвлены. Кто может помешать ему так поступить? Врачи, которые лечили умерших? Но разве эти врачи не подвластны Сталину и

НКВД? И почему бы, например, не сказать, что сами врачи тайно умерщвляли своих знаменитых пациентов и притом делали это по требованию руководителей троцкистского заговора?

Такова была та коварная уловка, к которой прибег Сталин.

Куйбышева, Менжинского и Горького лечили трое известных врачей: 66-летний профессор Плетнев, старший консультант Медицинского управления Кремля Левин и широко известный в Москве врач Казаков.

Сталин с Ежовым решили передать всех троих в руки следователей НКВД, где их заставят сознаться, что по требованию руководителей заговора они применяли неправильное лечение, которое заведомо должно было привести к смерти Куйбышева, Менжинского и Горького.

Однако врачи не были членами партии. Их не обучали партийной дисциплине и диалектике лжи. Они все еще придерживались устаревшей буржуазной морали и превыше всех директив Политбюро чтили заповеди: не убий и не лжесвидетельствуй. В общем, они могли отказаться говорить на суде, что они убили своих пациентов, коль скоро в действительности они этого не делали.

Ежов вынужден был считаться с этим. Он решил сломить сначала волю одного из врачей и в дальнейшем использовать его показания для давления на остальных.

Он остановил свой выбор на профессоре Плетневе, наиболее выдающемся в СССР кардиологе, именем которого был назван ряд больниц и медицинских учреждений. Чтобы деморализовать Плетнева еще до начала так называемого следствия, Ежов прибег к коварному приему. К профессору в качестве пациентки была послана молодая женщина, обычно используемая НКВД для втягивания сотрудников иностранных миссий в пьяные кутежи. После одного или двух посещений профессора она подняла шум, бросилась в прокуратуру и заявила, что три года назад Плетнев, принимая ее у себя дома в пароксизме сладострастия набросился на нее и укусил за грудь.

Не имея понятия о том, что пациентка была подослана НКВД, Плетнев недоумевал, что могло заставить ее таким

образом оклеветать его. На очной ставке он пытался получить от нее хоть какие-нибудь объяснения столь странного поступка, однако она продолжала упорно повторять свою версию. Профессор обратился с письмом к членам правительства, которых лечил, написал также женам влиятельных персон, чьих детей ему доводилось спасать от смерти. Он умолял помочь восстановить истину. Никто, однако, не отозвался. Между тем инквизиторы из НКВД молча наблюдали за этими конвульсиями старого профессора, превратившегося в их подопытного кролика.

Дело было направлено в суд, который состоялся под председательством одного из ветеранов НКВД. На суде Плетнев настаивал на своей невиновности, ссылался на свою безупречную врачебную деятельность в течение сорока лет, на свои научные достижения. Все это никого не интересовало. Суд признал его виновным и приговорил к длительному тюремному заключению. Советские газеты, обычно не сообщающие о подобных происшествиях, на сей раз уделили "садисту Плетневу" совершенно исключительное внимание. На протяжении июня 1937 года в газетах почти ежедневно появлялись резолюции медицинских учреждений из различных городов, поносившие профессора Плетнева, опозорившего советскую медицину. Ряд резолюций такого рода был подписан близкими друзьями и бывшими учениками профессора, — об этом позаботился всемогущий НКВД.

Плетнев был в отчаянии. В таком состоянии, разбитый и обесчещенный, он был передан в руки энкаведистских следователей, где его ожидало еще нечто худшее.

Помимо профессора Плетнева, были арестованы еще два врача — Левин и Казаков. Левин, как уже упоминалось, был старшим консультантом Медуправления Кремля, ответственным за лечение вех членов Политбюро и правительства. Организаторы предстоящего судебного процесса были намерены представить его главным помощником Ягоды по части "медицинских убийств", а профессору Плетневу и Казакову отвести роли левинских соучастников.

Доктору Левину было около семидесяти лет. У него было несколько сыновей и множество внуков — очень кстати,

поскольку все они рассматривались НКВД как фактические заложники. В страхе за их судьбу Левин готов был сознаться во всем, что только угодно властям. Перед тем, как с Левиным случилось это несчастье, его привилегированное положение кремлевского врача было предметом зависти многих его коллег. Он лечил жен и детей членов Политбюро, лечил самого Сталина и его единственную дочь Светлану. Но теперь, когда он попал в жернова НКВД, никто не протянул ему руку помощи. Много влиятельных пациентов было и у Казакова, однако его положение являлось столь же безнадежным.

Согласно легенде, состряпанной Сталиным при участии Ежова, Ягода вызывал этих врачей в свой кабинет, каждого поодиночке, и путем угроз добивался от них, чтобы они неправильным лечением сводили в могилу своих знаменитых пациентов — Куйбышева, Менжинского и Горького. Из страха перед Ягодой врачи будто бы повиновались.

Эта легенда столь абсурдна, что для ее опровержения достаточно поставить один-единственный вопрос: зачем этим врачам, пользующимся всеобщим уважением, надо было совершать убийства, требуемые Ягодой? Им достаточно было предупредить о замыслах Ягоды» своих влиятельных пациентов, и те сразу сообщили бы Сталину и правительству. Мало того, у врачей была возможность рассказать о планах Ягоды не только намечаемым жертвам, но и непосредственно Политбюро. Профессор Плетнев, скажем, мог обратиться к Молотову, которого он лечил, а Левин, работающий в Кремле, — даже к самому Сталину.

Вышинский оказался не в состоянии предъявить суду ни единого доказательства вины врачей. Разумеется, сами они легко могли опровергнуть обвинения в убийстве, тем не менее они поддержали Вышинского и заявили на суде, что по требованию руководителей заговора действительно применяли хоть и надлежащие лекарства, но таким образом, чтобы вызвать скорейшую смерть своих высокопоставленных пациентов. Иных показаний ждать не приходилось — обвиняемым внушили, что их спасение не в отрицании своей вины, а, напротив, в полном признании и раскаянии.

Окончание в следующем номере.

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫХОДИТ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "ВРЕМЯИМЫ"

Александр Орлов

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ СТАЛИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Эта книга принадлежит одному из видных деятелей сталинского НКВД, но почти 30 лет она была неизвестна русскому читателю. Чудом уцелев, генерал Александр Орлов бежал в 1938 году в Соединенные Штаты и, оставаясь 15 лет неузнанным, прожил здесь до конца своих дней. Книга Орлова — это документальное свидетельство эпохи, раскрывающее самые глубокие тайны сталинской секретной полиции.

...КАК ГОТОВИЛОСЬ УБИЙСТВО КИРОВА...

...ВСТРЕЧА СТАЛИНА С НИКОЛАЕВЫМ...

...КАК БЫЛИ ВЫРВАНЫ ПРИЗНАНИЯ У ЗИНОВЬЕВА И КАМЕНЕВА...

...ИХ СДЕЛКА СО СТАЛИНЫМ В КРЕМЛЕ...

...ДОПРОСЫ И ПРИЗНАНИЯ ПЯТАКОВА, БУХАРИНА, РАДЕКА...

...ПОДРОБНОСТИ ГИБЕЛИ АЛЛИЛУЕВОЙ...

...ЯГОДА ПЕРЕД КАЗНЬЮ...

...ЕЖОВ, КАКИМ ОН БЫЛ...

...ЛИЧНЫЙ СЕКРЕТАРЬ СТАЛИНА ПАУКЕР ОБ УТЕХАХ ВОЖДЯ...

Таковы лишь штрихи, лишь отдельные эпизоды документальной эпопеи Александра Орлова.

По свидетельству специалистов, ни одна из изданных до сих пор книг о советской тайной полиции не может сравниться с книгой Александра Орлова как по документальной точности излагаемых фактов, так и по захватывающему интересу, который она вызывает у читателей. Тот, кто открыл первую страницу этой книги, уже не сможет закрыть ее, не дочитав до конца этот зловещий детектив сталинской инквизиции.

Книга Орлова (350 стр.) иллюстрирована редкими фотографиями 30-х годов. Цена книги - 15 долларов. Пересылка — 1 доллар.

Предварительные заказы и чеки высылать по адресу:

475 Fifth ave, room 511—A
New York, New York 10017

САМОЦЕННОСТЬ ИСКУССТВА

Владимиру Григоровичу 43 года, из них одиннацать лет он прожил на Западе. Покинув в 1972 году Советский Союз, поселился вначале в Израиле, а затем переехал в Соединенные Штаты.

О художнике, пережившем две эмиграции, непросто писать. Тем более о таком, как Григорович, сложном, противоречивом, неизменно ищущем и всякий раз ломающем в себе то, что кажется ему отжившим и потерявшим право называться искусством.

Уже на Запада его работы были представлены на пяти персональных выставках — в постоянной галерее Иерусалиме, в галерее Банах на 53-й улице, в галерее Нахамкина... И всякий раз критики — и в Израиле и в Соединенных Штатах — были весьма щедры, и в общем-то заслуженно щедры в своих похвалах художнику. Они писали о том, что картины его обладают необъяснимой притягательностью и подтекстом, что мир его интимен и тонок, что он один из самых талантливых продолжателей Тышлера, что, будучи художником-модернистом, он вместе с тем продолжает традиции Левитана.

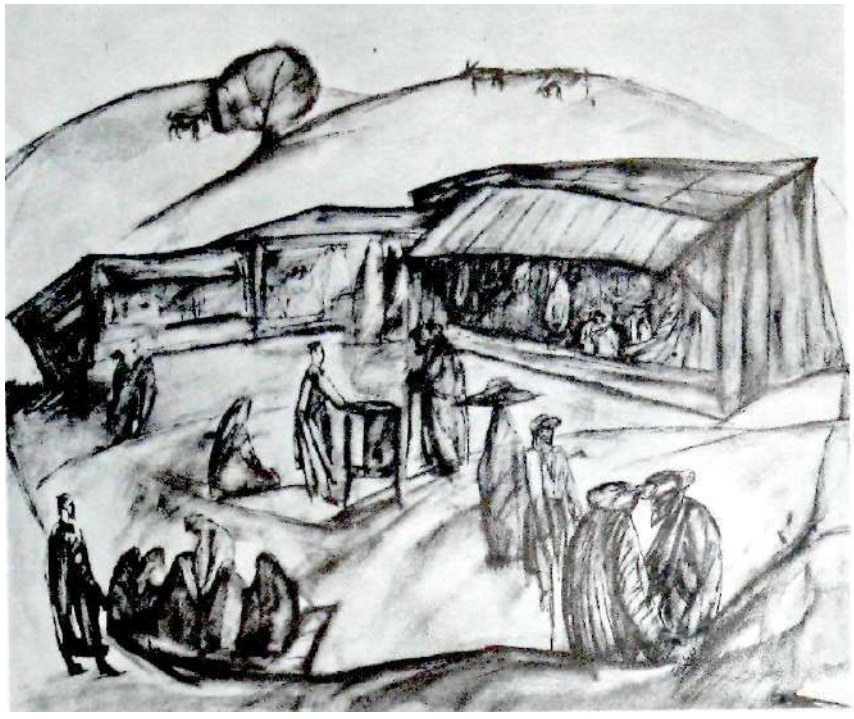
Но вот что кажется поразительным: из многочисленных этих рецензий, скрупулезно разбирающих одну за другой работы художника, остается скрытым от нас самое главное — его собственное отношение к искусству, если хотите — его собственная философия, без которой невозможно понять живописца. Поэтому давайте предоставим слово самому Владимиру Григоровичу.

— Кажется, что в России я добился не столь уж малого, — говорит он сам, — В 29 лет стал членом Союза художников, мои работы выставлялись в Италии, Югославии, в Венгрии, в Монреале... Но когда я оглядываю прошлое, мне все чаще кажется, что в молодости я не занимался живописью. Думаю, что талант живописца, — это прежде всего колористический талант, и художник призван решать прежде всего колористические задачи. Понимал ли я это в России? Похоже, что под воздействием тогдашней жизни в работах моих возникал непроизвольный подтекст, создавалась излишняя и в общем-то чуждая искусству перегруженность. Между тем искусство самоценно. У художника-живописца слишком серьезные задачи и выразить их надо средствами живописи. Если же говорить о том, что самого меня привлекает в живописи, то и здесь все довольно изменчиво. Еще недавно я более всего интересовался предметом в пространстве. Это мог быть человек, это мог быть, скажем, дом. Сейчас меня занимает прежде всего деталь — со всеми ее штрихами, красками, полутонами. Некоторое время назад я шел по 34-ой улице и увидел, как ломают дом и как вынимают из него одну за другой двери. Затем взяли и сложили из них забор. Без всякого плана, бездумно, как в природе, одна дверь рядом с другой — черная, салатная, желтая... Вот так возникла новая серия "Двери". Замкнутые, графически точно очерченные, эти двери — одна из затерявшихся деталей современного мира... Я не знаю, достаточно ли ясно я все это сказал, но деталь — это и есть, по-моему, главный предмет искусства, и свою задачу живописца я вижу в том, чтобы приблизиться к совершенству в ее изображении.

В.ПЕТРОВСКИЙ

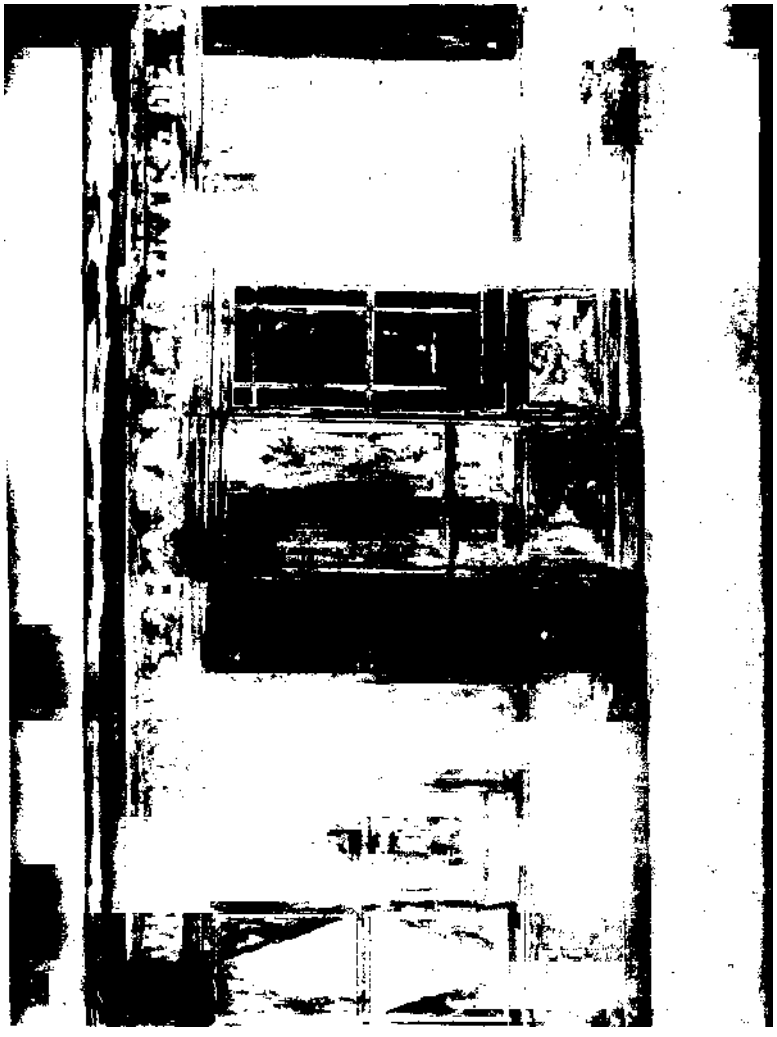
Самарканд.

Цирк шапито.



Средняя Азия.

Натюрморт с гранатом.



Фасад магазина.

ВАСИЛИЮ АКСЕНОВУ - 50 ЛЕТ

Исполнилось 50 лет замечательному русскому писателю Василию Павловичу Аксенову. Он вошел в литературу почти четверть века назад и сразу же приковал к себе внимание. Вспомните "Юность", вспомните самих себя, тех уже давно ушедших лет: "Аксенова читал?*' — "Аксенова не читал?! Того не может быть!"...

"Звездный билет", "Коллеги", "Апельсины из Марокко", "Пора, мой друг, пора", "Затоваренная бочкотара", "Мой дедушка —памятник", "Любовь к электричеству", "Поиски жанра"... Целое поколение выросло на творчестве Аксенова — наше поколение. Мы вместе с ним росли, взрослели, входили в жизнь. Позже вместе с ним ушли.

Было нелегко расстаться с этой жизнью, особенно для него — русского писателя. Но у Аксенова только ему присущая логика развития. Достигнув в той, прошлой, жизни по-существу всего, — популярности, признания, положения в обществе, он, как мы знаем, сам круто изменил эту жизнь. Это была не просто эмиграция, но восхождение на более высокую ступень, превращение молодого литератора в Мастера — в высоком булгаковском смысле слова. Может быть, только некоторым итогом этого превращения явились его "Стальная птица", "Ожог", "Остров Крым"...

Мы читаем эти книги и радуемся, что среди нас, в эмиграции, живет такой крупный, такой талантливый писатель. И вселяет его пример надежду, что не умирает, что развивается наша литература, та самая истинная литература, которая всегда была нам опорой в страдании и мысли.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Фридрих ГОРЕНШТЕЙН — родился в 1932 г. в Киеве. Окончил сценарные курсы. В 1962 г. опубликовал в журнале "Юность" рассказ "Дом с башней". В 1972 г. по сценарию Горенштейна Андрей Тарковский снял фильм "Солярис". По сценариям Горенштейна поставлено восемь фильмов, в том числе три телевизионных. Однако ни одного прозаического произведения после 1962 г. в России опубликовано не было. С 70-х годов Горенштейн начинает систематически публиковаться на Западе. В журнале "Время и мы" были напечатаны повесть "Искупление" (№ 42), пьеса "Бердичев" (№ 50) и др. произведения. В настоящее время живет в Берлине.

Юрий ДРУЖНИКОВ — писатель и историк педагогики. Родился в 1933 году, окончил историко-филологический факультет педагогического института. Преподавал, затем до 1971 г. работал заведующим отделом науки газеты "Московский комсомолец". Член Союза писателей СССР, автор нескольких книг прозы и двух педагогических монографий. В настоящее время живет в Москве. В 1977 т. подал документы на выезд в Израиль, однако в разрешении на выезд ему было неоднократно отказано. Публикуемый рассказ пришел в редакцию по каналам самиздата.

А.ФРАДИС — родился в 1946 г. В 1952 г. его отец — старший офицер ВМФ был арестован как американо-израильский шпион и получил 25 лагерей (реабилитирован после XX съезда КПСС), мать, не выдержавшая 12-14-часовых допросов, покончила с собой. Воспитывался бабушкой. В Союзе работал электромонтером, строителем, поваром. В 1980 г. эмигрировал на Запад. В настоящее время живет в Канаде. Предлагаемые рассказы — литературный дебют А.Фрадиса.

Евгений ДУБНОВ — родился в 1949 г. в Таллине. С 1960 г. жил в Риге. Выехал из Советского Союза в 1971 г. Окончил Московский университет и Бар-ИланскиЙ в Израиле (факультет психологии и английской литературы). После окончания преподавал английскую и американскую литературу. В настоящее время ведет научную работу и преподает в Лондонском университете. Поэт и переводчик. Публиковался во многих русских изданиях на Западе, а также в англоязычной прессе.

Дилан ТОМАС (1914—1953) — уэльский поэт и прозаик. Писал на английском языке. Первый поэтический сборник "18 стихотворений" вышел в 1934 г. Широко известен его другой сборник "Смерти и выходы" (1946), а также автобиографическая повесть "Портрет художника — молодого пса" (1940). Один из самых почитаемых поэтов нашего века. В его честь в 1981 г. в Вестминстерском аббатстве установлена мемориальная доска.

Даниил НАДЕЖДИН — родился в 1926 г. в небольшом селе под Киевом. В 1948 г. окончил Киевский политехнический институт. В Союзе работал как инженер на заводе и в НИИ. В 1977 г. эмигрировал на Запад. В настоящее время живет в Канаде и работает в Карлтонском университете в Оттаве. Занимается научными исследованиями в области электрохимии. Стихи, рассказы и переводы печатались в периодической прессе в СССР и на Западе.

Лев НАВРОЗОВ — см. "Время и мы", № 62.

Ефим ЭТКИНД — см. "Время и мы", № 66.

Дора ШТУРМАН - см. "Время и мы", № 66.

Михаило МИХАЙЛОВ — биографические сведения приводятся в интервью.

Александр ОРЛОВ (Лев Фельдбин) — родился в 1896 г. Принимал активное участие в гражданской войне. Занимал высокие посты в ОГПУ и НКВД (см.с.202). В 1938 г. бежал в Канаду, оттуда перебрался в США, где в течение 15 лет, скрываясь от мести НКВД и МГБ, жил под вымышленным именем Александр Берг. Начиная с 1948 г. работал над книгой "Тайная история сталинских преступлений", которую опубликовал в 1953 г. вначале на английском, а затем на немецком, испанском и др. языках. Незадолго до смерти, в 1969 г., агентам КГБ удалось разыскать Орлова. Они пытались выманить его из дома. Однако эта попытка кончилась провалом. Орлов умер в Кливленде 7 апреля 1973 г.

ЖУРНАЛ "ВРЕМЯ И МЫ" - 1982

УСТАНОВЛЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Стоимость годовой подписки в США — 43 доллара; для библиотек — 48 долларов; с целью экономической поддержки журнала — 50 долларов. Заказы и чеки высылать по адресу главной редакции:

475-Fifth Ave, suite 511a, New York, N.Y. 10017

Для новых подписчиков подписка осуществляется в двух вариантах:

премиальный — в редакцию направляется чек на 43 доллара. Редакция высылает подписчику 5 лучших номеров журнала за 1979—1981 гг. и оформляет подписку на 1982 г.;

ознакомительный — в редакцию направляется чек на 10 долларов. Редакция высылает 3 лучших номера за 1979— 1981 гг. и первый номер за 1982 г. При желании оформить подписку в редакцию направляется дополнительный чек на 33 доллара, и редакция начинает высылать очередные номера за 1982 г.

Стоимость подписки в Израиле — 800 шекелей; для библиотек — 850; с целью экономической поддержки журнала — 860 шекелей. Заказы и чеки высылать по адресу израильского отделения журнала "Время и мы": Иерусалим, Талпиот мизрах, 422/6 (зав.отделением Дора Штурман-Тиктина).

Подписка из Франции, Германии и других стран мира может осуществляться как через главную редакцию в Нью-Йорке, так и через представителей журнала.

При подписке в главной редакции чеки высылаются только в американских долларах (т.е. это должны быть чеки американских банков или иностранных банков, имеющих в Нью-Йорке отделения).

При подписке через представителей журнала (или его отделения) стоимость подписки:

— во Франции — 300 франков; для библиотек — 350; с целью экономической поддержки журнала 360 франков;

— в Германии — 107 немецких марок; для библиотек — 120; с целью экономической поддержки журнала — 130 марок.

Подписка авиапочтой — 86 долларов.

"ВРЕМЯ И МЫ" - 1982 ГОД

ПОДПИСНОЙ ТАЛОН

Фамилия . . . . . .

Имя . . . . . .

Адрес . . . . . .

Подписной период . . . . . .

Прошу оформить подписку на журнал "Время и мы" на . . . . . год. Высылать с номера . . . . . .

Журнал высылать обычной /авиа/ почтой по адресу

Подпись . . . . . .

Примечание редакции: чек выписывается по-английски на имя журнала "Время и мы" /**Time and We**/.

Из Германии, Англии, Фракции и других стран чеки могут высылаться либо непосредственно по адресу главной редакции, либо в адрес представителей журнала.

Подписка оплачивается в американских долларах чеками американских банков и иностранных банков, имеющих отделения в США, и высылается по адресу: "**Time and We**"

475 FIFTH AVENUE, SUITE 511-A, NEW YORK. NEW YORK 10017. Tel. (212) 634-3014

C H A L I D Z E P U B L I C A T I O N S

Лидия ШАТУНОВСКАЯ

ЖИЗНЬ В КРЕМЛЕ

Эта книга о перерождении и глубоком моральном разложении Коммунистической партии Советского Союза, рассказ человека, который много лет провел в среде коммунистической элиты и мог наблюдать этот процесс изнутри.

Почти 20 лет Надежда Шатуновская прожила в Доме правительства, она видела, как постоянно разлагалась среда старых большевиков, как эти люди предали свой народ в годы сталинской коллективизации , каким жалким и трусливым было их поведение в час "расплаты", когда созданная при их участии машина террора безжалостно и почти поголовно истребляла их самих.

Книга рисует яркую картину быта и нравов людей из сталинского окружения в годы войны, рассказывает об их полной деградации, о безудержной спекуляции и духе наживы, царивших в Доме правительства во время войны и в послевоенные годы.

Автор приводит ранее неизвестные факты о темных делах Сталина и его клики, раскрывает историю почти никому не известного дела "Алиллуевых—Михоэлса", по которому Надежда Шатуновская и ее муж были арестованы в 1947 г. и приговорены Особым совещанием к 20-ти годам одиночного заключения.

В книге 351 стр. Цена 15 долларов. Пересылка — 50 центов.
Заказы и чеки присылать по адресу:

505 EIGHTH AVENUE, NEW YORK, NEW YORK 10018

АРДИС/ARDIS

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ. Остров Крым. 12.50.
ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ. Николай Николаевич. 4.50.
АННА АХМАТОВА. Четки. 3.50.
АНДРЕЙ БИТОВ. Пушкинский дом. 8.00.
ИОСИФ БРОДСКИЙ. Часть речи. 4.50.
МИХАИЛ БУЛГАКОВ. Мастер и Маргарита. 5.50.
МИХАИЛ БУЛГАКОВ. Собрание сочинений в 10-ти тт. Том 1. Ранняя проза. 25.00.
ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ. Иванкиада. 5.00.
НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ. К синей звезде. 3.00.
Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ. Записки из подполья. 3.50.
НИКОЛАЙ ЕВРЕЙНОВ. Фотобиография. 8.50.
ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР. Кролики и удавы. 7.95.
ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР. Новые главы. Сандро. 10.00.
ЛЕВ КОПЕЛЕВ. Держава и народ. 6.95.
ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ. Избранное. 6.00.
СЕМЕН ЛИПКИН. Воля. 5.00.
ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ. Воронежские тетради. 3.50.
ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ. Тристия. 2.50.
ВЛАДИМИР НАБОКОВ. Аня в стране чудес. 6.00.
ВЛАДИМИР НАБОКОВ. Дар. 9.00.
ВЛАДИМИР НАБОКОВ. Лолита. 8.00.
БУЛАТ ОКУДЖАВА. 65 песен. 2-ое изд. 11.00.
БОРИС ПАСТЕРНАК. Воздушные пути. 4.50.
САША СОКОЛОВ. Между собакой и волком. 5.00.
МАРИНА ЦВЕТАЕВА. Версты. 3.00.
МАРИНА ЦВЕТАЕВА: ФОТОБИОГРАФИЯ. 10.00.

Книги издательства "Ардис" можно приобрести в любом русском книжном магазине или непосредственно в издательстве:

ARDIS PUBLISHERS
2901 Heatherway, Ann Arbor, Michigan 48104 USA

БИБЛИОТЕКА ИЗБРАННОЙ ПРОЗЫ ЖУРНАЛА "ВРЕМЯ И МЫ"

Редакция журнала "Время и мы" предлагает читателям "Библиотеку избранной прозы", куда входит ряд лучших произведений, опубликованных в журнале, начиная с 1975 года

Большая серия

Борис Хазанов "Я, Воскресение и Жизнь", Василий Аксенов "Гибель Помпеи", Юрий Карабчиевский "Жизнь Александра Зильбера", Виктор Некрасов "Из дальних странствий возвратясь", Владимир Рыбаков "Желтое и красное", Фридрих Горенштейн "Искупление и "Бердичев", Аркадий Львов "Бизнесмен" и "Отель "Амбассадор", Леонид Гершович "Царственный миг", Надежда Улановская "В России и за границей", Макс Брод "Жизнь и смерть Франца Кафки", Василий Яновский "Поля Елисейские", Владимир Марамзин "Человек, который верил в свое особое назначение" — всего 19 журналов.

Стоимость большой серии 57 долларов, включая пересылку.

Малая серия

Борис Хазанов "Я, Воскресение и Жизнь", Фридрих Горенштейн "Искупление", Виктор Некрасов "Из дальних странствий возвратясь", Аркадий Львов "Бизнесмен", Василий Аксенов "Гибель Помпеи", Владимир Рыбаков "Желтое и красное", Юрий Карабчиевский "Жизнь Александра Зильбера" — всего 9 журналов.

Стоимость малой серии 27 долларов, включая пересылку.

Заказы и чеки присылать по адресу редакции журнала "Время и мы" с указанием серии.

ИЗУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА - БЕСПЛАТНО

Do you desire help in SPEAKING ENGLISH?

NEW CLASSES ARE FORMING for international students, business persons and government personnel.

Conversation Classes meet Monday through Thursday— four days each week, beginning at 9:00 a.m.. 10:30 a.m.. 12:00 noon. 1:30 p.m., 4:00 p.m. and 5:30 p.m.

Grammar Classes meet Fridays at 12:00 noon — and are open to daily conversation students.

Idiom Classes meet Fridays at 10.30 a.m.

A Modern Language Laboratory with "Self-Teaching" tapes is open to our students from 9:00 a.m. to 7.00 p.m. daily.

For Many Years, Hundreds of Students have benefitted from our Spoken English Classes. Daily readings and conversation utilize an easy-to-understand Bible in a program that is absolutely nonsectarian?

TUITION IS FREE! Students buy their own books and pay a small registration fee.

CLASSES ARE SMALL AND FRIENDLY.
Phone now—(212) 432-1088

REGISTRATION—NOW

CLASSES BEGIN SOON

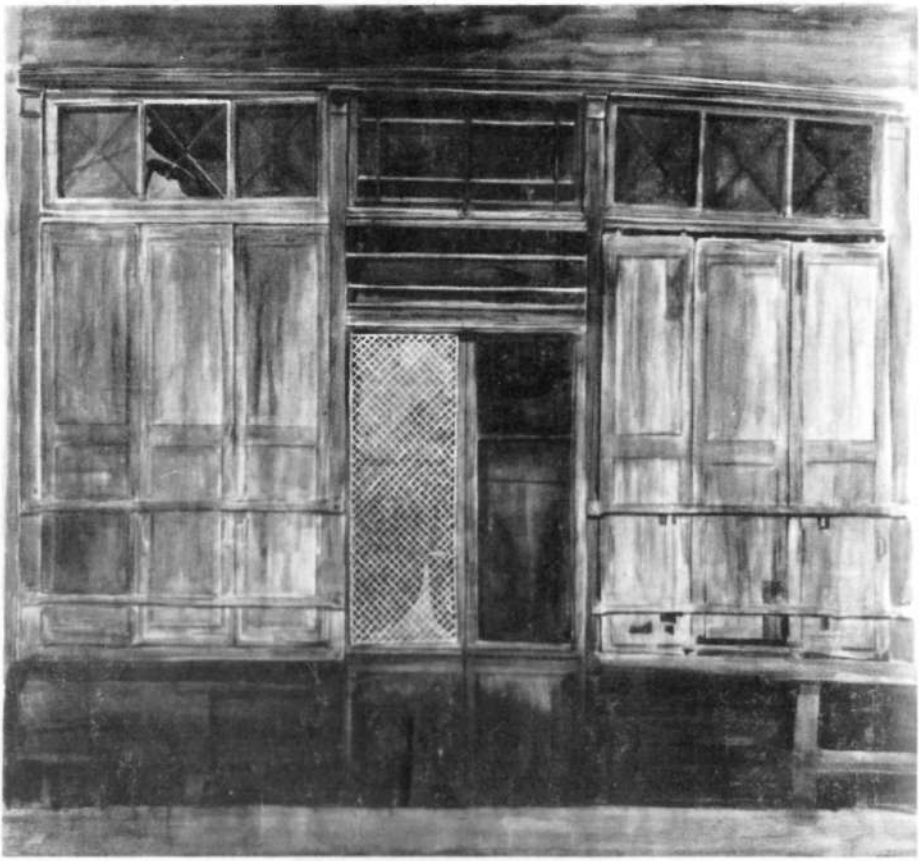
INTERNATIONAL MISSION
One World Trade Center. Suite 1425
New York. New York 10048

Отвергнутые рукописи не возвращаются и по их
поводу редакция в переписку не вступает.

MAIN OFFICE: 475 FIFTH AVENUE, SUITE 511-A,
NEWYORK 10017, Tel. (212) 684-3014

**Художественная редакция и
оформление Виктора Доброва**

OCR и вычитка — Давид Титиевский, январь 2011 г.
Библиотека Александра Белоусенко

Фотопортрет Льва Наврозова (с.116) —Л.Полякова.

**На четвертой странице обложки:
Владимир Григорович "Фасад дома"
иа серии "Двери".**